Шалости аристократов

Дживс и Вустер - 14

Пэлем Гренвилл Вудхауз

SHOUT
SHARE
IT

- Пэлем Гренвилл Вудхауз
  -
  - ГЛАВА 1. Дживз шевелит мозгами
  - ГЛАВА 2. Не дождаться Бинго свадебных колоколов
  - ГЛАВА 3. Тётя Агата высказывается
  - ГЛАВА 4. Жемчуг — к слезам
  - ГЛАВА 5. Оскорблённая гордость Вустеров
  - ГЛАВА 6. Награда герою
  - ГЛАВА 7. Познакомьтесь с Клодом и Юстасом
  - ГЛАВА 8. Сэр Родерик приходит на ленч
  - ГЛАВА 9. Рекомендательное письмо
  - ГЛАВА 10. Лифтёру неожиданно везёт
  - ГЛАВА 11. Товарищ Бинго
  - ГЛАВА 12. Бинго не везёт в Гудвуде
  - ГЛАВА 13. Проповедь с гандикапом
  - ГЛАВА 14. И никакого жульничества
  - ГЛАВА 15. Дух метрополии
  - ГЛАВА 16. Отъезд с запозданием Юстаса и Клода
  - ГЛАВА 17. Бинго и его жёнушка
  - ГЛАВА 18. Всё хорошо, что хорошо кончается

Пэлем Гренвилл Вудхауз

Шалости аристократов

Pelham Grenville Wodehouse. Jeeves. 1923

Пер. М. И. Гилинского

ГЛАВА 1. Дживз шевелит мозгами

— Привет, Дживз, — сказал я.

— Доброе утро, сэр.

Неслышно ступая, он поставил чашку с живительной влагой на столик у кровати, и я с наслаждением сделал первый глоток. Как всегда, чай был заварен лучше некуда. Не слишком горячий, не слишком сладкий, не слишком слабый, не слишком крепкий, в самый раз молока, и ни капли на блюдце. Потрясающий малый Дживз. За что ни возьмётся, делает на все сто. Я никогда не устану повторять, что второго такого нет, и вот вам пример: камердинеры, которые перебывали у меня до Дживза, все до одного врывались ко мне по утрам, пока я спал, повергая меня в жуткое состояние, но Дживз, наверное, с помощью телепатии знает, когда я проснусь. Он всегда вплывает в комнату с чашкой чая ровно через две минуты после того, как я возвращаюсь к жизни. Сами понимаете, когда утро начинается хорошо, то и днём всё идёт как по маслу.

— Погода хорошая, Дживз?

— Необычайно мягкая, сэр.

— Что новенького в газетах?

— Небольшой кризис на Балканах, сэр. Других новостей нет.

— Послушай, Дживз, вчера вечером один знакомый в клубе посоветовал мне загнать последнюю рубашку и поставить все деньги на Флибустьера. Забег сегодня в два часа. Как ты думаешь?

— Я бы не советовал, сэр. Конюшни не пользуются доверием.

Мне этого было достаточно. Дживз знает. Ума не приложу откуда, но знает. В былые времена я посмеялся бы и сделал по-своему, а в результате остался бы с носом. Сейчас я научен горьким опытом.

— Кстати, о рубашках, — вспомнил я. — Мне прислали дюжину розовато-лиловатых, которые я заказывал?

— Да, сэр. Я отослал их обратно.

— Обратно?

— Да, сэр. Они вам не к лицу.

По правде говоря, я не сомневался, что эти рубашки — последний крик моды, но перед незаурядными знаниями Дживза я склоняю голову. Слабость? Ну, не знаю. Многие парни наверняка считают, что их камердинеры должны гладить брюки, и всё такое, и не соваться, куда не следует; но у меня с Дживзом другие отношения. С самого первого дня, как он у меня появился, я считал его своего рода наставником, философом и другом.

— Несколько минут назад вам звонил мистер Литтл, сэр. Я сообщил ему, что вы ещё не проснулись.

— Он просил что-нибудь передать?

— Нет, сэр. Мистер Литтл упомянул, что ему необходимо обсудить с вами нечто важное, но ничего не стал объяснять.

— Ладно, увижусь с ним в клубе.

— Несомненно, сэр.

Честно говоря, я не горел желанием с ним встречаться. Бинго Литтл — неплохой парень; мы вместе учились в школе и сейчас тоже виделись довольно часто. Он — племянник старикана Мортимера Литтла (возможно, вы слышали: «Смазывай мазью Литтла ноги — лучше будешь ходить по дороге»), который недавно удалился от дел, нахапав кучу денег. Бинго шляется по всему Лондону, получая от дядюшки вполне приличное содержание, и, в общем, ведёт беззаботную жизнь. Когда ему хочется сообщить мне нечто важное, это, как правило, означает, что он откопал новый сорт сигарет, которые я обязательно должен попробовать. Короче, его звонок меня не обеспокоил.

После завтрака я закурил и подошёл к открытому окну. День стоял чудесный.

— Дживз, — сказал я.

— Сэр? — Он убирал со стола, но, услышав голос своего господина, почтительно выпрямился.

— Ты был абсолютно прав. Погода прекрасная. Изумительный день.

— Совершенно справедливо, сэр.

— Весна, и всё такое.

— Да, сэр.

— Весной, Дживз, ирис расцветает, а птички порхают.

— Вне всяких сомнений, сэр.

— Вот-вот! А посему тащи мою трость, мои самые жёлтые ботинки, мою самую зелёную фетровую шляпу. Я отправляюсь в Гайд-парк.

Интересно, вы испытывали когда-нибудь такое особое чувство, которое возникает в конце апреля — начале мая, когда небо синее-синее, облака как вата, а с запада дует лёгкий бриз? Чувство приподнятости, вот как я бы его назвал. Романтическое чувство, знаете ли. Вообще-то я равнодушен к особам женского пола, но сегодня мне почему-то жутко захотелось, чтобы ко мне подбежала какая-нибудь девушка и попросила спасти её от разбойников или ещё от чего-нибудь. Поэтому меня как холодной водой окатило, когда я неожиданно столкнулся нос к носу с малышом Бинго Литтлом в омерзительном сатиновом красном галстуке, разрисованном подковами.

— Привет, Берти, — сказал Бинго.

— Великий боже! — Я поперхнулся. — Что у тебя на шее? Зачем? Почему?

— А, ты о галстуке. — Он покраснел. — Я… мне его подарили.

Бедняга так смутился, что я не стал ни о чём его расспрашивать. Мы молча прошлись по парку, затем сели в кресла у Серпентина.

— Дживз передал, что ты хотел со мной поговорить, — сказал я.

— А? — Бинго встрепенулся. — Ах, да. Конечно.

Я приготовился выслушать очередную потрясающую новость, но разговор не получился. Он сидел с остекленевшими глазами, тупо глядя перед собой.

— Послушай, Берти, — прорвало его примерно через час с четвертью.

— Ау!

— Тебе нравится имя Мэйбл?

— Нет.

— Нет?

— Нет.

— Тебе не кажется, что в этом имени слышится музыка, подобная шуршанию ветерка в ветвях деревьев?

— Нет.

Он помрачнел, затем лицо его посветлело.

— Ничего удивительного. Ты всегда был бездушным, бессердечным, жалким червём.

— Как скажешь. Кто она? Валяй, выкладывай.

Я понял, что бедняга Бинго взялся за старое. Сколько я его знал — мы вместе учились в школе, — он вечно в кого-то влюблялся, особенно весной, которая действовала на него, как красная тряпка на быка. В школе у него была самая большая коллекция фотографий киноактрис, а в Оксфорде его романтические наклонности вошли в поговорку.

— Если хочешь, пойдём со мной, и я познакомлю вас за ленчем, — сказал он.

— Пойдёт. Где ты с ней встречаешься? В «Ритце»?

— Рядом.

С точки зрения географии он меня не обманул. Примерно в пятидесяти ярдах к востоку от «Ритца» находилась одна из дурацких забегаловок, которые сейчас расплодились по всему Лондону, и — хотите верьте, хотите нет — именно туда Бинго нырнул, как кролик в свою нору. Прежде чем я успел открыть рот, мы уже сидели за столиком с лужей кофе посередине,

оставленной прежним посетителем. Должен честно признаться, я не совсем понял, в чём тут дело: Бинго, конечно, не купался в деньгах, но и недостатка в них не испытывал. К тому же я точно знал, что, помимо суммы, вытянутой им у дяди, он с прибылью закончил скаковой сезон. Но тогда с какой стати он пригласил девушку на ленч в это забытое богом заведение?

В этот момент к нам подошла довольно симпатичная официантка.

— Разве мы не подождём… — начал я, считая, что Бинго явно перехватил через край, сначала пригласив девушку в эту дыру, а затем решив набить себе брюхо, даже не дожидаясь, когда она придёт. Но потом я посмотрел на его лицо и осёкся.

Глаза бедолаги, казалось, вылезли из орбит. Лоб его покрылся испариной, и он покраснел как рак.

— Привет, Мэйбл, — с трудом выдавил из себя малыш Бинго, с трудом глотая слюну.

— Привет! — сказала девушка.

— Мэйбл, — представил меня Бинго, — это Берти Вустер, мой друг.

— Очень приятно. Утро сегодня превосходное.

— Замечательное, — согласился я.

— Видишь, я надел твой галстук, — сообщил ей Бинго.

— Он очень тебе к лицу.

Лично я, если бы кто-то сказал, что такой галстук мне к лицу, дал бы ему по физиономии, невзирая на пол и возраст, но бедный Бинго расплылся от удовольствия и заулыбался идиотской улыбкой.

— Ну, что будем заказывать? — спросила девушка, переходя на деловой тон. Бинго набожно уставился в меню.

— Я, пожалуй, возьму холодную телятину, чашечку какао, ветчинный пирог, фруктовое пирожное и макароны. Тебе то же самое, Берти?

Я посмотрел на него с отвращением. Парень, который собирался набить свое брюхо этой гадостью, был моим другом много лет! Конец света!

— А может, возьмёшь горячий мясной пудинг и сладкое вино? — спросил Бинго.

Знаете, что я вам скажу? Просто страшно, до какой степени любовь может изменить человека. Передо мной сидел, небрежно рассуждая о макаронах и сладком вине, тот, кто в былые времена требовал от главного официанта «Клариджа», чтобы chef определённым образом приготовил ему sole frite au gourmet aux champignons, и грозил отправить блюдо обратно, если что-нибудь будет не так. Ужасно! Отвратительно!

Булочка и чёрный кофе показались мне единственными продуктами в меню, которые не были специально приготовлены самыми злобными членами семьи Борджиа, поэтому я сделал свой скромный заказ, после чего девица упорхнула.

— Ну? — восторженно спросил Бинго. Насколько я понял, он интересовался моим мнением об официантке-отравительнице, которая только что нас покинула.

— Очень приятная девушка, — сказал я.

Казалось, мой ответ его не удовлетворил.

— Разве ты не видишь, что прекраснее её нет на свете? — мечтательно произнёс он.

— О, конечно, — ответил я, чтобы успокоить придурка. — Где ты с ней познакомился?

— На благотворительных танцах в Кембервиле.

— Что, разрази меня гром, ты делал на благотворительных танцах в Кембервиле?

— Твой камердинер, Дживз, попросил меня купить несколько билетов. Деньги пошли в какой-то там фонд.

— Дживз? Не знал, что он этим занимается.

— Ну, наверное, ему тоже иногда хочется отдохнуть. По крайней мере он там был и отплясывал за здорово живёшь. Сначала я не хотел идти, а потом решил потанцевать ради смеха. Ох, Берти, страшно подумать, чего я мог лишиться!

— Чего ты мог лишиться? — спросил я, чувствуя, что моя бедная черепушка окончательно перестала варить.

— Мэйбл, ты, тупица! Если б я не пошёл на танцы, я не встретил бы Мэйбл!

— Э-э-э… гм-м-м…

В этот момент Бинго снова впал в транс и вышел из него, когда ему принесли макароны и фруктовое пирожное.

— Берти, — сказал он. — Мне нужен твой совет.

— Валяй.

— Вообще-то речь идёт не о твоём совете, потому что он никому не нужен. Ты глупый, старый осёл, и сам прекрасно это знаешь. Надеюсь, ты понимаешь, что я говорю правду и вовсе не хочу тебя обидеть.

— Как не понять.

— Мне надо, чтобы ты объяснил ситуацию своему малому, Дживзу, и выслушал, что он скажет. Ты ведь говорил, он не раз помогал ребятам выпутываться из разных передряг. Судя по твоим словам, он — глава твоей семьи.

— До сих пор Дживз меня не подводил.

— Тогда пусть возьмётся за моё дело.

— Какое дело?

— Необходимо найти выход.

— Какой выход?

— Идиот несчастный, я говорю о дядюшке. Как ты думаешь, что с ним будет, если я ни с того ни с сего заявлю ему о своём намерении жениться? Его кондрашка хватит!

— Он у тебя такой чувствительный?

— Его обязательно надо подготовить. Но как?

— Гм-м-м…

— От твоего «гм-м-м» мне сразу полегчало! Сам понимаешь, я целиком и полностью завишу от старикана. Если он перестанет выплачивать мне содержание, я останусь на нуле. Так что обратись к Дживзу и изложи ему факты. Пусть пошевелит мозгами. Передай, что от него зависит счастье всей моей жизни. Если я дождусь свадебных колоколов, он внакладе не останется. Я отдам всё, что он пожелает, и ещё полцарства в придачу. Ну, скажем, пообещай ему десять фунтов. Как ты думаешь, он станет шевелить мозгами за десятку?

— Безусловно, — ответил я.

Меня ничуть не удивило, что Бинго решил посвятить Дживза в свои личные дела. Будь я на его месте, я поступил бы точно так же, потому что Дживз необычайно толковый малый, из которого идеи так и сыплются. Если Бинго и мог кто-нибудь помочь, то только Дживз.

Я изложил ему суть дела в тот же вечер, после обеда.

— Дживз.

— Сэр?

— Ты сейчас не занят?

— Нет, сэр.

— Я хочу сказать, ты совсем свободен?

— Да, сэр. Как правило, в это время я читаю какую-нибудь познавательную книгу, но если вы нуждаетесь в моих услугах, сэр, с чтением можно повременить.

— Видишь ли, мне нужен твой совет. Речь пойдёт о мистере Литтле.

— Мистере Литтле-младшем, сэр, или мистере Литтле-старшем, проживающем в Паунсби Гарденз?

Дживз знает всех. Поразительно. Я дружил с Бинго почти всю свою жизнь и тем не менее не задумывался, где обитает его дядюшка.

— Откуда тебе известно, что он живет в Паунсби Гарденз? — спросил я.

— Я состою в относительно близких отношениях с женщиной, которая служит поваром у мистера Литтла-старшего, сэр.

Должен признаться, я был слегка удивлён. Мне как-то не

приходило в голову, что Дживз поддерживает связи такого рода.

— Ты хочешь сказать, вы с ней помолвлены?

— В некотором смысле да, сэр.

— Так-так!

— Она необычайно хорошо готовит, сэр, — объяснил Дживз, словно чувствуя, что обязан передо мной отчитаться. — О чём вы хотели со мной посоветоваться, сэр?

Я рассказал ему, что к чему.

— Вот такие пироги, Дживз, — заключил я. — Мне кажется, мы должны поднапрячься и помочь мистеру Литтлу. Ты хорошо знаешь его дядюшку? Что он за старикан?

— Довольно любопытная личность, сэр. Удалившись от дел, он стал самым настоящим затворником и целиком посвятил себя гастрономическим удовольствиям.

— Ты хочешь сказать, превратился в жмота?

— Не совсем так, сэр. Таких, как он, обычно называют гурманами. Мистер Литтл-старший крайне разборчив в пище и по этой причине очень дорожит услугами мисс Ватсон.

— Повара?

— Да, сэр.

— Значит, нам повезло. Я думаю, мы должны натравить Бинго на дядюшку сразу после обеда, когда он будет в хорошем настроении, и всё такое.

— Трудность, сэр, заключается в том, что в данный момент мистер Литтл сидит на диете из-за приступа подагры.

— Плохи наши дела.

— Ничуть, сэр. Несчастье мистера Литтла-старшего можно использовать с выгодой для мистера Литтла-младшего. Вчера я разговаривал с камердинером мистера Литтла, и он сообщил мне, что ему вменили в обязанность каждый вечер читать его господину вслух. Если б я был на вашем месте, сэр, я послал бы мистера Литтла-младшего подменить камердинера.

— Чтобы выразить дяде свою любовь? Старикан будет тронут до слёз, что?

— Отчасти, сэр. Основные надежды я возлагаю на литературу, которую мистер Литтл выберет для чтения.

— Не пойдёт, Дживз. Старина Бинго прекрасный парень, но из всей литературы он признаёт лишь «Спортивные ведомости».

— Это вполне поправимо, сэр. Я буду счастлив снабдить мистера Литтла необходимыми книгами. Возможно, мне следует объяснить свой план подробнее?

— По правде говоря, я пока ещё ничего не понял.

— Метод, который я рекомендую, рекламодатели называют, насколько мне известно, Непосредственным Внушением, сэр. Он

заключается в постоянном повторении одной и той же мысли, которую доносят до вашего сознания различными способами. Возможно, вы сталкивались с подобным явлением, сэр?

— Ты имеешь в виду, когда тебе вдалбливают в голову, что лучше этого мыла нет на свете, и ты бежишь и магазин и покупаешь несколько кусков?

— Совершенно верно, сэр. Для пропаганды во время мировой войны успешно применялся тот же самый метод. Почему бы нам не использовать его, чтобы изменить взгляды субъекта на классовое неравенство? Если мистер Литтл-младший день за днём станет читать своему дяде книги, где свадьбы с молодыми особами из низших классов общества будут не только приветствоваться, но и вызывать восхищение, мне кажется, мистер Литтл-старший с лёгкостью воспримет известие, что его племянник собирается жениться на официантке из столовой.

— А разве такие книги пишут? В газетах обычно хвалят те, в которых супруги надоели друг другу до смерти.

— Большое количество произведений, сэр, не попадает в поле зрения газетных обозревателей, но тем не менее пользуется популярностью. Вы никогда не читали «Любовь — это всё» Рози М. Бэнкс?

— Нет.

— А «Красную, красную летнюю розу» того же автора?

— Нет.

— У моей тёти, сэр, имеются все романы Рози М. Бэнкс. Я без труда смогу одолжить у неё столько книг, сколько потребуется мистеру Литтлу. Очень лёгкое и приятное чтение, сэр.

— Стоит попробовать.

— Я рекомендую именно этот план, сэр.

— Хорошо. Сбегай завтра к своей тёте и выбери что-нибудь позабористей. В конце концов, мы ничего не теряем.

— Совершенно справедливо, сэр.

ГЛАВА 2. Не дождаться Бинго свадебных колоколов

Через три дня Бинго доложил, что Рози М. Бэнкс сработала лучше некуда, и оказалась тем, что доктор прописал. Старикан Литтл немного поворчал, когда ему поменяли литературную диету, потому что предпочитал романам статьи в журналах и газетах, но Бинго удалось прочитать ему первую главу «Любовь — это всё», пока он не разобрался, что к чему, а дальше дела пошли как по маслу. Они уже успели закончить «Красную, красную летнюю розу», «Сорванца Миртл» и «Простую заводскую девчонку», а сейчас начали «Любимую женщину лорда Стратморлика».

Обо всём этом Бинго мне поведал хриплым голосом, потягивая коктейль из шерри с сырым яйцом. С его точки зрения, жаловаться он мог только на больное горло, которое не выдерживало непривычных нагрузок. Бедняга совсем расстроился, вычитав в медицинской энциклопедии, что у него появились симптомы болезни, которая называлась «воспаление голосовых связок». Но я его не пожалел. Во-первых, он практически добился поставленной цели и, во-вторых, каждый вечер после чтения оставался на обед; а из его слов я понял, что вкус приготовленных блюд не поддавался описанию. Когда он говорил о бульоне, у него на глазах стояли слёзы, честное слово. Должно быть, бедный малый, запивавший макароны сладким вином в течение нескольких недель, чувствовал себя у дядюшки, как в раю.

Литтл— старший не мог принимать участия в пиршествах, но Бинго сказал, что он тем не менее каждый день тащился за стол, грыз аррорут, нюхая всё кушанья до единого, вспоминал об entre в своём прошлом и строил планы на будущее, ничуть не сомневаясь, что скоро доктор поставит его на ноги; видимо, дядюшка тоже развлекался вовсю. В общем, дела шли как нельзя более успешно, и Бинго заявил, что у него появилась одна идея, которая гарантировала полный успех предприятия. Он отказался обсудить её со мной, но заявил, что теперь дело в шляпе.

— У нас наметился прогресс, Дживз, — сказал я.

— Я очень рад, сэр.

— Мистер Литтл говорит, что, когда они добрались до самого главного эпизода в «Простой фабричной девчонке», его дядя рыдал как ребёнок.

— Вот как, сэр?

— Ну, знаешь, там, где лорд Клод прижимает девушку к

своей груди и…

— Я знаком с этим отрывком, сэр. Очень трогательная сцена. Моя тётя от неё в полном восторге.

— Мне кажется, мы на верном пути.

— Похоже, вы правы, сэр.

— По-моему, ты снова оказался на высоте, Дживз. Я говорил, говорю и буду говорить, что в смысле мозгов тебе нет равных. Все великие мыслители современности должны снять перед тобой шляпы, Дживз.

— Благодарю вас, сэр. Всегда к вашим услугам.

Примерно через неделю Бинго сообщил нам радостную весть: у его дядюшки прошёл приступ подагры и на следующий день он вновь собирался сесть за стол и начать работать челюстями, навёрстывая упущенное.

— И, кстати, — сказал Бинго, — он ждёт тебя завтра на ленч.

— Меня? Почему меня? Он даже не знает, что я существую.

— Не бойся, знает. Я ему о тебе рассказал.

— Что ты обо мне рассказал?

— Много чего. В общем, он хочет с тобой познакомиться. И поверь мне, старичок, ты пойдёшь как миленький! Мне кажется, завтрашний ленч запомнится тебе на всю жизнь!

Не знаю почему, но поведение Бинго показалось мне крайне странным, я бы даже сказал, зловещим, если вы понимаете, что я имею в виду. Когда малыш Бинго находился в таком настроении, как сейчас, это обычно означало, что он темнит изо всех сил.

— Тут что-то не так, — подозрительно произнёс я. — Зачем твоему дяде приглашать на ленч человека, которого он никогда в жизни не видел?

— Дорогой мой тупица, разве я не сказал, что мы с ним о тебе разговаривали? Я объяснил, что ты мой лучший друг, старый школьный приятель, и всё такое.

— Что с того? И почему это ты так на меня насел? Тебе-то не всё равно, пойду я на ленч или нет?

Бинго переступил с ноги на ногу.

— Видишь ли, я ведь говорил, что у меня появилась одна идея. Ну вот. Я хочу, чтобы ты сообщил ему о моей помолвке. Лично у меня не хватит духу.

— Что?! Я скорее повешусь!

— И ты называешь себя моим другом?

— Ну, знаешь ли, всему есть предел.

— Берти, — укоризненно сказал Бинго, — когда-то я спас тебе жизнь.

— Когда?

— Разве нет? Значит, я спас её кому-то другому. Но мы

вместе учились в школе, Берти, и всё такое. Ты не можешь бросить меня в беде.

— Ох, ну хорошо, — сказал я. — Но если ты считаешь себя очень умным, ты глубоко заблуждаешься. Учти…

— Пока-пока! — сказал малыш Бинго. — Завтра в час тридцать. Не опаздывай!

* * *

Раз уж на то пошло, должен вам честно признаться, что я обозлился на Бинго дальше некуда. Хорошо ему было говорить, что меня ждёт незабываемый ленч, да что толку во вкусной еде, если после первой перемены блюд тебя могут вышвырнуть на улицу? Но слово Вустеров — закон, крепче стали, и прочее и прочее, поэтому ровно в половине второго на следующий день я взбежал по ступенькам крыльца дома ь16 в Паунсби Гарденз, нажал на кнопку звонка и через полминуты тряс руку самого толстого человека, которого когда-либо видел.

Наверное, девиз семьи Литтлов — «разнообразие». Бинго, сколько я его помнил, всегда был длинным и тощим, а его дядя оказался то ли квадратным, то ли поперёк себя шире. Моя рука утонула в его руке на такую глубину, что я бы не удивился, если б её пришлось доставать с помощью акваланга.

— Мистер Вустер, я признателен, я счастлив, такая честь…

Я подумал, что Бинго похвалялся мною не без причины.

— Э-э-э… гм-м-м… — сказал я.

Он отступил на шаг, всё ещё не отпуская моей руки.

— Вы так молоды и так многоопытны!

Честно говоря, я плохо понял ход его мысли. Мои родственники, в особенности тётя Агата, которая не переставая шпыняла меня с самого детства, всегда считали, что я трачу жизнь попусту и что в последний раз я принёс пользу своей стране, когда получил в школе приз за собранный мной во время летних каникул гербарий. Я задумался, не спутал ли он меня с кем-нибудь другим, и в это время в холле зазвенел телефон. Горничная сообщила, что звонили мне, и, взяв трубку, я услышал голос Бинго.

— Привет! — сказал он. — Уже пришёл? Молодчина! Я знал, что на тебя можно положиться. Послушай, старичок, мой дядя тебе здорово обрадовался?

— Не то слово. Ничего не понимаю.

— Сейчас объясню. Для этого я и позвонил. Понимаешь, старина, я, конечно, знал, что ты не будешь возражать, но тем не менее я без твоего согласия наврал, что ты — автор тех книг, которые я читал ему вслух.

— Что?!

— Ну да, я сказал, что Рози М. Бэнкс — твой псевдоним, и тебе не хочется это афишировать, потому что ты скромный молодой человек, который любит уединение. Теперь он к тебе прислушается. Я думаю, он сделает всё, чего ты ни попросишь. Ловко я обмозговал? Сомневаюсь, что сам Дживз до такого додумался бы. Так что давай, старичок, жми на всю катушку и учти, что содержания, которое я от него получаю, явно недостаточно для женитьбы. Я не смогу прижать законную супругу к своей груди, если не буду получать по меньшей мере вдвое. Ну, кажется, всё. Пока-пока.

И он повесил трубку. В это время прозвучал гонг к обеду, и мой радушный хозяин затопал вниз по лестнице, пыхтя как многотонный грузовик.

* * *

Я всегда буду вспоминать этот ленч с болью в сердце. Так вкусно меня ещё не кормили, а я был не в том состоянии, чтобы оценить это по достоинству. Подсознательно, если вы меня понимаете, я знал, что вкушаю нечто особенное, но свинский поступок Бинго взволновал меня до такой степени, что ощущений я при этом никаких не испытывал.

Старикан Литтл сразу взял быка за рога и заговорил о литературе.

— Мой племянник, должно быть, сказал вам, что всё последнее время я вплотную изучал ваши произведения? — спросил он.

— Э-э-э, да. Ну и как вам мои вещицы?

Он благоговейно на меня посмотрел.

— Мистер Вустер, я не стыжусь признаться, что слёзы наворачивались на мои глаза, когда мне их читали. Меня поражает, что вы, молодой ещё человек, так тонко разобрались в человеческой природе, так глубоко проникли в тайники души, так искусно тронули струны сердца читателя. Ваши книги правдивы, гуманистичны, жизненны!

— Дело привычки, — пробормотал я.

Мой лоб взмок от пота. Никогда в жизни я ещё не попадал в такое дурацкое положение.

— Вам не кажется, что здесь слишком жарко?

— Нет, нет, в самый раз.

— Тогда это перец. Если у моего повара есть изъян — с чем я, заметьте, категорически не согласен, — так это любовь к пряностям. Кстати, вам нравится её кухня?

Я так обрадовался, что мы больше не обсуждаем мои литературные способности, что рассыпался в похвалах громовым голосом.

— Благодарю вас, мистер Вустер. Меня можно назвать необъективным, но я считаю эту женщину гением.

— Точно! — сказал я.

— В течение семи лет, которые она у меня служит, все блюда, поданные на стол, отличаются самым высшим качеством. Только один раз, летом 1917-го, пурист мог бы упрекнуть её в том, что майонез недостаточно мягок. Но мы не должны судить её слишком строго. В тот вечер была несколько воздушных налётов, и женщина, несомненно, испытала душевное потрясение. Ничто в этом мире не совершенно, мистер Вустер. Но я готов нести свой крест. Семь лет я живу в постоянном страхе, что какой-нибудь злоумышленник переманит её к себе. Я прекрасно осведомлён, что ей делали несколько предложений, причем весьма заманчивых. Гром грянул сегодня утром, мистер Вустер. Можете представить, какое отчаяние я испытал, когда она сказала, что увольняется!

— Боже всемогущий!

— Ваш неподдельный ужас делает честь, если мне будет позволено так выразиться, автору «Красной, красной розы». Но я не хочу волновать вас понапрасну: трагедии не произошло. Мне удалось уладить это дело. Джейн меня не покинет.

— Блеск!

— Вот именно, блеск, хотя это выражение мне незнакомо. Я не встречал его в ваших произведениях. И кстати, возвратившись к вашим произведениям, должен вам признаться, что на меня произвели огромное впечатление не только захватывающие сюжеты, но и та жизненная философия, которую вы проповедуете. Если б таких людей, как вы, было больше, мистер Вустер, Лондон стал бы ещё прекраснее.

Это высказывание в корне противоречило жизненной философии моей тёти Агаты, которая утверждает, что, если избавить Лондон от меня и мне подобных, в нём будет легче дышать; но я не стал спорить.

— Должен вам сказать, мистер Вустер, я восхищаюсь вашим

презрительным отношением к изжившим себя фетишам ослепшей от глупости социальной системы. Вы возвысились над всеми нами, мистер Вустер, доказав нам устами лорда Белчмора в «Простой фабричной девчонке», что, я цитирую: «достойная женщина низкого происхождения так же прекрасна, как самая знатная леди».

Я выпрямился.

— Да ну! Вы действительно так думаете?

— Безусловно, мистер Вустер.

— Вы считаете, что, скажем, парень, занимающий определённое социальное положение, может жениться, к примеру, на девушке из низших классов общества?

— Вне всяких сомнений, мистер Вустер.

Я набрал полную грудь воздуха и сообщил ему хорошие новости.

— Бинго младший, ваш племянник, знаете ли, хочет жениться на официантке.

— Это делает ему честь, — заявил Бинго-старший.

— Вы не возражаете?

— Ни в коем случае.

Я снова набрал полную грудь воздуха и перешёл к материальной стороне дела.

— Надеюсь, вы не подумаете, что я суюсь куда не следует, — осторожно произнёс я, — но, знаете ли, э-э-э, короче, что вы на это скажете?

— Простите? Боюсь, я не совсем вас понял.

— Ну, видите ли, я имею в виду содержание, если так можно выразиться, которое получает от вас Бинго. Одним словом, денежное пособие. Понимаете, он надеется, что вы, грубо говоря, подкинете ему немного деньжат, я хочу сказать, увеличите сумму в связи с его женитьбой.

Старикан с сожалением покачал головой.

— Боюсь, я ничем не смогу ему помочь. Дело в том, что положение обязывает меня сейчас экономить каждый пенни. Я не в состоянии выплачивать моему племяннику более того, что он имеет от меня каждый месяц. Это было бы нечестно по отношению к моей жене.

— Что?! Но разве вы женаты?

— В данный момент нет, но я заключу священный союз со дня на день. Леди, которая так дивно готовила для меня пищу на протяжении многих лет, сегодня утром оказала мне честь, согласившись стать моей женой. — Глаза его победно блеснули. — Пусть-ка теперь попробуют забрать её у меня! — вызывающе пробормотал он.

* * *

— Мистер Литтл-младший неоднократно звонил вам в течение дня, сэр, — сказал Дживз, когда я вернулся домой вечером.

— Неудивительно. — Сразу после ленча я послал Бинго записку с изложением всего, что произошло.

— Мне показалось, он был слегка взбудоражен, сэр.

— Я думаю! А теперь, Дживз, будь мужчиной. Я должен сообщить тебе неприятную новость. Твой план с чтением книг и тому подобное лопнул как мыльный пузырь.

— Разве сердце мистера Литтла не смягчилось, сэр?

— Смягчилось, и даже слишком. Мне очень жаль, Дживз, но эта твоя fiance — я говорю о мисс Ватсон, ну, сам знаешь, о поваре, — короче, она предпочла богатство истинной любви, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Сэр?

— Она тебя бросила, как перчатку, и обручилась с мистером Литтлом-старшим.

— Вот как, сэр?

— По-моему, ты не особо огорчился.

— Дело в том, сэр, что я предвидел подобный исход.

Я уставился на него.

— Тогда, прах его побери, зачем ты предложил свой план?

— По правде говоря, сэр, я не возражал против того, чтобы порвать отношения с мисс Ватсон. Более того, я очень рад, что так случилось. Я бесконечно уважаю мисс Ватсон, но мне давно стало понятно, что мы не пара. Зато другая молодая особа, с которой я нашёл общий язык…

— Великие небеса, Дживз! У тебя есть ещё одна?

— Да, сэр.

— И давно?

— Уже несколько недель, сэр. Она понравилась мне с первой минуты, когда я увидел её на благотворительных танцах в Кембервиле.

— Святые угодники и их тётушка! Это не…

Дживз слегка наклонил голову.

— Да, сэр. Странное совпадение, но именно этой молодой особой увлёкся мистер Литтл-младший… Я положил ваши сигареты на ночной столик. Спокойной ночи, сэр.

ГЛАВА 3. Тётя Агата высказывается

Мне кажется, если ты настоящий парень, тонко чувствующий и всё такое, крушение надежд твоего друга, в особенности когда речь идёт о любви, должно выбить тебя из колеи. Я имею в виду, будь у меня благородная натура, я изо всех сил страдал бы за Бинго. Но, по правде говоря, завертевшись то с одним, то с другим, я переживал за него не слишком сильно. К тому же через неделю после описанных выше событий я своими собственными глазами видел, как он отплясывал с какой-то девицей в «Киро», прыгая словно антилопа.

Бинго живуч, как кошка. Его можно отправить в нокдаун, но не в нокаут. Когда у него начинается очередная любовная история, он искренне верит, что наконец-то встретил свою «единственную и неповторимую», но как только девушка даёт ему от ворот поворот, умоляя сделать ей великое одолжение и куда-нибудь исчезнуть, он на следующий день продолжает веселиться как ни в чем не бывало. На моей памяти такое случалось с ним десятки раз.

Поэтому за малыша Бинго я особо не волновался. По правде говоря, мне вообще не о чем было волноваться. Не знаю, почему так получилось, но я не припомню, чтобы когда-нибудь жизнь моя протекала так интересно. Всё у меня шло как по маслу. Даже лошади, на которых я три забега подряд ставил значительные суммы, пришли к финишу первыми, а не остановились передохнуть посередине дистанции, как это обычно бывает со скакунами, когда я делаю на них ставки.

Погода изо дня в день стояла прекрасная, мои новые носки были одобрены Дживзом, в довершение ко всему моя тётя Агата умотала во Францию, и по крайней мере на шесть недель я был избавлен от её бдительного ока. А если б вы знали мою тётю Агату, вы бы тут же согласились, что её отсутствие — ни с чем не сравнимое счастье.

Чувство блаженства, охватившее меня однажды утром, было так велико, что я запел как соловей, плещась в ванной. В конце концов, я жил в лучшем из миров, и мне не о чем было беспокоиться.

А теперь ответьте мне на один вопрос: вы никогда не замечали, как чудно устроена жизнь? Я имею в виду, как только ты начинаешь чувствовать себя человеком, тебе так и норовят дать по голове. Так вот, не успел я вытереться после ванной, надеть костюм и войти в гостиную, как получил предательский удар ножом в спину, в переносном смысле, конечно. На каминной

полке лежало письмо от моей тёти Агаты.

— Пропади всё пропадом! — воскликнул я, прочитав его.

— Сэр? — сказал Дживз.

— Письмо от тёти Агаты, Дживз. Мисс Грегсон, сам понимаешь.

— Да, сэр?

— Ты не говорил бы таким беспечным тоном, если б знал его содержание, — я мрачно рассмеялся. — Нас сглазили, Дживз. Она хочет, чтобы я приехал к ней в

— как называется это дурацкое место? — Roville-sur-mer. Ох, будь оно проклято!

— Мне складывать чемоданы, сэр?

— Ничего не попишешь. Собирайся.

Тем, кто не знает мою тётю Агату, необычайно трудно объяснить, почему она вечно умудряется нагнать на меня страху. Я имею в виду, я не завишу от неё ни в финансовом, ни в каком другом отношении. Я долго думал на эту тему и пришёл к выводу, что всё дело тут в индивидуальности. Видите ли, когда я был маленьким, а затем учился в школе, она всегда могла одним взглядом вывернуть меня наизнанку, и мне до сих пор не удалось полностью избавиться от её влияния. Короче говоря, я даже не подумал о том, что могу её ослушаться. Если она написала, что я должен был приехать в Ровиль, мне оставалось только купить билеты.

— Хотел бы я знать, в чём дело, Дживз. Чего ей от меня надо?

— Не могу сказать, сэр.

Впрочем, что бы ни случилось, ехать было необходимо. Единственным моим утешением, небольшим просветом в сгустившихся тучах было то, что я надеялся, попав в Ровиль, надеть на себя шикарный кушак, купленный мною шесть месяцев назад. Это был такой шёлковый кушак, знаете ли, ярко-красного цвета, который обматывают вокруг талии и носят вместо жилета. По правде говоря, до сих пор я не решался его нацепить, так как не сомневался, что у меня будут крупные неприятности с Дживзом. Но в таком местечке, как Ровиль, где царили веселье и joie de vivre, кушак мог сойти мне с рук.

* * *

Ровиль, куда я прибыл после того, как меня укачало на море и растрясло в поезде, — шикарный курорт, где можно неплохо

поразвлечься недельку-другую, если, конечно, ты не живёшь в окружении тётушек. Как и все французские курорты, он состоит в основном из пляжей, отелей и казино. Отель, которому крупно не повезло на тётю Агату, назывался «Сплендид», и когда я в него прибыл, все служащие находились в состоянии лёгкого шока. Я не раз был свидетелем того, как тётя Агата укрощает отели. Само собой, к моему приезду она уже провела черновую работу, и по тому, как перед ней пресмыкались, я сразу определил, что сначала она отказалась от одного номера, потому что в нём не было окон на юг, затем от второго, так как там скрипели дверцы шкафа, а потом принялась высказывать всё, что думает о приготовлении пищи, сервировке стола, горничных, состоянии лестниц и так далее и тому подобное. Менеджер, коротышка с бакенбардами, похожий на бандита, от одного её взгляда сгибался таким образом, что голова болталась у него где-то между ног.

Победа над отелем, по-видимому, привела её в воинственно-доброжелательное настроение, потому что она заговорила со мной чуть ли не заботливым тоном.

— Молодец, что приехал, Берти. Свежий воздух пойдёт тебе на пользу. По крайней мере не будешь целыми вечерами пропадать в своих душных лондонских клубах.

— Э-э-э… гм-м-м… — сказал я.

— Заодно познакомишься с хорошими людьми. Я хочу представить тебя мисс Хемингуэй и её брату, моим большим друзьям. Уверена, мисс Хемингуэй тебе понравится. Милая, скромная девушка, не чета наглым девицам, которые заполонили весь Лондон. Её брат — викарий в Чипли, что в Дорсетшире Насколько я поняла, они — одна из ветвей кентских Хемингуэев. Прекрасный, старинный род. Она очаровательная девушка.

Внезапно я почувствовал, что меня ждёт кошмарная участь. Слышать из уст тёти Агаты, которая славилась в высшем свете своим язычком, разившим направо и налево, похвалы в чей-то адрес было крайне непривычно. Ужасное подозрение закралось в мою душу, и, разрази меня гром, я оказался прав.

— Элайн Хемингуэй как раз та девушка, на которой ты должен жениться, Берти. Тебе пора подумать о женитьбе. Женитьба сделает из тебя человека. Я не могу пожелать тебе лучшей жены, чем Элайн. Она окажет благотворное влияние на твою дальнейшую жизнь.

— Но послушай! — пискнул я, чувствуя, что у меня всё похолодело внутри.

— Берти! — сказала тётя Агата отнюдь не заботливым тоном и бросила на меня свой взгляд.

— Да, но…

— Из-за таких молодых людей, как ты, Берти, я отчаиваюсь, думая о будущем нации. К несчастью, огромное состояние сделало тебя ленивым эгоистом, не способным трудиться, мыслить и приносить пользу обществу. Ты тратишь всё своё время на бездушные удовольствия. Ты — антисоциальный организм, животное, трутень. Берти, ты женишься, и точка!

— Но, прах побери…

— Ты женишься. Тебе давно пора плодить детей.

— Ну, знаешь ли, это уж слишком! — сказал я, густо покраснев. Тётя Агата часто забывает, что она не в курительной женских клубов.

— Берти! — подытожила она и, безусловно, всыпала бы мне сейчас по первое число, если бы её не прервали. — Ах, вот и вы! — Морщины на её лбу разгладились. — Элайн, дорогая!

Я увидел девушку с парнем, которые шли к нам, приятно улыбаясь.

— Я хочу познакомить вас со своим племянником, Берти Вустером, — сказала тётя Агата. — Он только что приехал. Такой сюрприз! Никак не ожидала встретиться с ним в Ровиле!

Я исподлобья посмотрел на подошедшую парочку, чувствуя себя, как кот, которого собаки загнали на дерево. Словно меня поймали в ловушку, знаете ли. Внутренний голос шептал, что Бертраму придётся туго. Братец оказался невысоким толстячком, похожим на овцу. Он носил пенсне, выражение лица у него было доброжелательным, а воротничок на шее, как полагается, торчал задом наперёд.

— Добро пожаловать в Ровиль, мистер Вустер, — сказал он.

— О, Сидней! — воскликнула девушка. — А ведь правда, мистер Вустер как две капли похож на Кэнона Блэнкиншопа, который приезжал на рождество в Чипли читать проповеди?

— Дорогая! Сходство просто поразительное!

Они уставились на меня, словно я был экспонатом под стеклянным колпаком, а я тем временем смотрел на девушку. Вне всяких сомнений, она сильно отличалась от лондонских девиц, которых тётя Агата окрестила наглыми. Ни накладных волос, ни сигареты во рту. Не помню, встречал ли я когда-нибудь девушку, которая выглядела бы так респектабельно. У неё было простое платье, простая причёска и простое ангельское личико. Я не претендую на роль Шерлока Холмса или кого-нибудь в этом роде, но после первого взгляда на мисс Хемингуэй я сказал сам себе: «Она играет на органе в деревенской церкви!» Ну вот, мы осмотрели друг друга, а потом перекинулись парой слов, и я откланялся. Но прежде чем я ушёл, мне было велено развлечь

брата с сестрой автомобильной прогулкой сегодня днём. Эго расстроило меня до такой степени, что я решил утешиться единственным пришедшим мне в голову способом. Отправившись к себе, я извлёк из саквояжа кушак и обмотал его вокруг талии. Повернувшись, я увидел вошедшего в номер Дживза, который отшатнулся от меня, как дикий мустанг от наездника.

— Прошу прощенья, сэр, — сказал он приглушённым голосом, — вы ведь не собираетесь в таком виде появиться на людях?

— Ты говоришь о моём кушаке? — небрежно и рассеянно — сами понимаете почему — спросил я. — Ах, да! Конечно, собираюсь!

— Я бы не советовал, сэр. Нет, не советовал бы.

— Почему?

— Вы будете слишком выделяться, сэр.

Я посмотрел ему прямо в глаза. Я хочу сказать, никто лучше меня не знает, что у Дживза выдающийся ум и всё такое, но, клянусь своими поджилками, душа человека должна принадлежать ему одному и никому другому! В конце концов, нельзя же становиться рабом своего собственного камердинера! К тому же у меня было отвратительное настроение, и только кушак мог как-то его исправить.

— Твоя беда, Дживз, — сурово сказал я, — заключается в том, что ты слишком — как это называется? — слишком изолирован. Тебе никак не понять, что мы не на Пикадилли. На курорте от тебя ждут чего-нибудь яркого, поэтического. Да что там говорить, я только что видел в холле парня в жёлтом вельветовом костюме.

— Тем не менее, сэр…

— Дживз, — твёрдо сказал я. — Моё решение окончательно и бесповоротно. У меня плохое настроение, и я должен его исправить. И вообще, чем он тебе не угодил? Мне кажется, этот кушак в самый раз. В нём что-то есть от идальго. Винцент-и-Бласко как-там-его-дальше. Храбрый, добрый идальго, бьющийся с быком.

— Слушаюсь, сэр, — холодно сказал Дживз.

Ужасно неприятно, сами понимаете. Если меня что и выбивает из колеи, так это домашние сцены, а теперь наши отношения с Дживзом испортились. К тому же благодаря тёте Агате мне как снег на голову свалилась девица Хемингуэй и, должен признаться, я почувствовал, что меня никто не любит.

* * *

Дневная прогулка на автомобиле, как я и ожидал, оказалась нудной дальше некуда. Викарий, не умолкая, нёс какую-то чушь, девушка восхищалась пейзажами, а моя голова, казалось, разболелась от кончиков пальцев до корней волос, причём болела чем выше, тем сильнее. Когда мы вернулись в отель, я пошёл переодеться к обеду, чувствуя себя, как раздавленная жаба. Если б не история с кушаком, я поплакался бы Дживзу в жилетку и рассказал бы ему о всех своих неприятностях. Впрочем, поговорить с ним я всё-таки попытался.

— Послушай, Дживз, — сказал я.

— Сэр?

— Подай мне бренди с содовой.

— Да, сэр.

— Покрепче, Дживз. Поменьше содовой, и не жалей бренди.

— Слушаюсь, сэр.

Сделав несколько глотков, я ожил.

— Дживз, — сказал я.

— Сэр?

— Знаешь, по-моему, я влип.

— Вот как, сэр?

У малого был отсутствующий вид. Он всё ещё не мог забыть о кушаке.

— Да. Влип по уши, — пожаловался я, подавив гордость Вустеров и пытаясь поговорить с ним по душам. — Ты видел девушку, которая повсюду шастает со своим братцем викарием?

— Мисс Хемингуэй, сэр? Да, сэр.

— Тётя Агата хочет, чтобы я на ней женился.

— Вот как, сэр?

— Ну, что скажешь?

— Сэр?

— Я имею в виду, ты ничего не можешь мне посоветовать?

— Нет, сэр.

Он разговаривал со мной таким почтительно-холодным тоном, что я назло ему решил сделать вид, что у меня прекрасное настроение.

— Нет, и не надо, — весело произнёс я. — Тра-ля-ля, как говорят французы!

— Совершенно справедливо, сэр.

Вот так закончился наш разговор.

ГЛАВА 4. Жемчуг — к слезам

Я помню, — должно быть, это было в школе, потому что сейчас я такими глупостями не занимаюсь, — одну поэму, а может, не поэму, о чём-то таком, забыл о чём именно, где, если мне не изменяет память, одна строчка звучала следующим образом: «Мальчишка в постоянном страхе рос, что дверь тюрьмы закроется за ним». Так вот, я это к тому говорю, что в течение последних двух недель оказался в точно таком же положении. Я имею в виду, мне чудилось, что свадебные колокола, звонившие сначала в отдалении, становились громче день ото дня, а я понятия не имел, как мне открутиться от женитьбы. Дживз, несомненно, придумал бы кучу планов один толковее другого за несколько минут, но он всё ещё дулся, а у меня не хватало духу задать вопрос ему в лоб. Я хочу сказать, он прекрасно видел, что его молодой господин попал в переплёт, а если этого было недостаточно, чтобы он позабыл о кушаке, которым я продолжал потрясать Ровиль каждый день, значит, старый феодальный дух умер в груди бессовестного малого, и с этим ничего нельзя было сделать.

Просто чудно, как семейство Хемингуэев в меня вцепилось. Понимаете, я отнюдь не считаю себя каким-то особенным, а многие, не стесняясь, называют меня ослом, но братец с сестричкой, казалось, души во мне не чаяли. По всей видимости, счастье их жизни заключалось именно в том, чтобы постоянно находиться рядом со мной. Я шагу не мог ступить, пропади всё пропадом, чтобы не наткнуться то на одного, то на другую. По правде говоря, у меня вошло в привычку прятаться у себя в номере, когда хотелось хоть немного отдохнуть. Должен вам сказать, что я занимал очень недурные три комнаты с видом на набережную.

Однажды вечером я улизнул в свой номер, уселся у окна и с облечением вздохнул. Тётя Агата навязала мне мисс Хемингуэй с самого утра, и я только что умудрился от неё отделаться. Глядя на освещённую набережную и человечков, спешивших по своим делам (кто в казино, кто в ресторан, а кто ещё куда-нибудь), я почувствовал, что моя тоска уступает место радостному возбуждению. Мне невольно подумалось, как весело я смог бы провести здесь время, если б тётя Агата и её прилипалы отдыхали бы в каком-нибудь другом месте.

Я глубоко вздохнул, и в этот момент в дверь постучали.

— Стучат, Дживз, — сказал я.

— Да, сэр.

Он открыл дверь, и в комнату впорхнули мисс Хемингуэй и её братец. По правде говоря, я совсем не ожидал их увидеть. Уж по крайней мере в моём номере они могли бы оставить меня в покое.

— О, это вы! — воскликнул я.

— Ах, мистер Вустер! — немного задыхаясь, произнесла девица. — Право, не знаю, как и начать.

Только теперь я заметил, что она была явно не в своей тарелке, а её братец выглядел как овца, опечаленная до глубины души.

Я встрепенулся и внимательно посмотрел на обоих. Сначала я решил, что они просто пришли потрепаться, но, видимо, я ошибся. Уж больно встревоженный у них был вид. Впрочем, я всё равно не понял, с какой стати они пришли именно ко мне.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

— Бедный Сидней… это я во всём виновата… мне нельзя было отпускать его одного… — не совсем внятно высказалась девушка. Она казалась жутко возбуждённой.

В этот момент её братец, хранивший молчание с тех самых пор, как разместил на стуле своё мешковатое пальто и шляпу, слегка кашлянул, совсем как овца, застигнутая туманом на горной вершине.

— Дело в том, мистер Вустер, — сказал он, — что произошло одно печальное, прискорбное событие. Сегодня днём, когда вы гуляли с моей сестрой, у меня выдалось немного свободного времени, и я поддался искушению и — ах! — отправился играть в казино.

Я посмотрел на бедолагу с уважением, которого раньше не испытывал. Должен вам сказать, что проявленный им спортивный дух делал его более человечным в моих глазах. Знай я раньше, что он на такое способен, мы могли бы неплохо провести время.

— Ого! — воскликнул я. — Ну и как, сорвали куш?

Он тяжело вздохнул.

— Если вы спрашиваете, повезло мне или нет, я вынужден ответить отрицательно. Я необдуманно решил, что красный цвет, выпавший семь раз подряд, должен неизбежно смениться чёрным. Я ошибся, мистер Вустер, и потерял то немногое, что имел.

— Не подфартило, — посочувствовал я.

— Я ушёл из казино, — продолжал бедолага, — и вернулся в отель, где случайно встретился с одним из моих прихожан, полковником Музгрэйвом. Я, э-э-э, попросил его дать мне сто фунтов наличными, а взамен выписал чек на мой лондонский банк.

— Ну, тогда всё в порядке, что? — сказал я, надеясь своим

весёлым тоном показать бедняге, что нельзя видеть во всём только плохое. — Я имею в виду, вам крупно повезло, что вы встретили знакомого, который вас выручил не сходя с места.

— Напротив, мистер Вустер, мне ужасно не повезло. Я сгораю от стыда, делая это признание, но, получив деньги, я немедленно вернулся в казино н проиграл всю сумму, ошибочно предположив, что на этот раз должен был выпасть чёрный цвет.

— Ого! — повторил я. — Да вы загуляли!

— И самое прискорбное, — продолжал бедняга, — что на моём счету нет ни гроша. Банк не оплатит чек, когда он будет предъявлен.

Должен вам признаться, что хоть я и понимал, что разговор этот затеян с одной целью: вытряхнуть из меня деньги, причём немалые, — мне стало от души жалко несчастного дурачка. По правде говоря, я им немного восхищался. Мне никогда не приходилось встречать среди викариев таких живчиков.

— Полковник Музгрэйв, — сказал он, судорожно сглотнув слюну, — не из тех, кто отнесётся к данному поступку снисходительно. Полковник — человек суровый. Он наверняка доложит о происшедшем моему приходскому священнику. Мой приходской священник — человек суровый. Короче говоря, мистер Вустер, если полковник Музгрэйв предъявит в банке мой чек, меня ждёт крах. А полковник уезжает в Англию сегодня вечером.

Девушка, стоявшая рядом с братцем, жевала платок и судорожно вздыхала, пока он изливал свою душу, но как только викарий закрыл рот, она тут же вскричала:

— Мистер Вустер! Помогите нам, помогите! О, не откажите нам в помощи! Нам так нужны деньги, чтобы забрать чек у полковника Музгрэйва! Он уезжает в девять тридцать! Я была в полном отчаянии, пока не вспомнила о вас и о вашей доброте, мистер Вустер! Вы ведь не откажетесь ссудить Сиднею деньги под залог? — И прежде чем я понял, что она делает, девица открыла сумочку, достала плоский футляр и открыла его.

— Моё жемчужное ожерелье, — пояснила она. — Не знаю, сколько оно стоит… это подарок моего бедного папы…

— …который, увы, покинул нас навек, — вставил братец.

— …но я уверена, его ценность значительно выше, чем требующаяся нам сумма.

Мне стало ужасно неловко. Я почувствовал себя как приказчик в ломбардной лавке, который берёт в заклад вещь, чтобы нажить на ней большие проценты.

— Нет, что вы, знаете ли, — запротестовал я. — Ни к чему это, сами понимаете, и всё такое. Ерунда какая-то. Я с

удовольствием ссужу вас деньгами просто так. Кстати, у меня они при себе. К счастью, сегодня утром я снял их со счёта.

И, запустив руку в карман, я достал деньги и положил их на стол. Братец покачал головой.

— Мистер Вустер, — сказал он — мы ценим вашу щедрость и ваше доверие, но мы не можем ими воспользоваться.

— Сидней имеет в виду, — пояснила девушка, — что, по существу, вы ничего о нас не знаете. Вы не должны рисковать, одалживая деньги людям, которые вам практически не знакомы. Если б я не была уверена, что вы отнесётесь к нашему предложению как человек деловой, я никогда не осмелилась бы обратиться к вам за помощью.

— Как вы понимаете, — сказал братец, — мысль о том, чтобы заложить жемчуг какому-нибудь ростовщику, была нам омерзительна.

— Если, соблюдая формальности, вы дадите мне расписку…

— Ох, ну ладно!

Я написал расписку и протянул её мисс Хемингуэй, чувствуя себя как последний болван.

— Вот, возьмите, — смущённо сказал я.

Она выхватила расписку, сунула её к себе в сумочку, сгребла деньги со стола, протянула их братцу, а затем, прежде чем я успел сообразить, что происходит, подбежала ко мне, крепко поцеловала и выскочила из комнаты.

Должен вам честно признаться, у меня отвалилась нижняя челюсть. Я имею в виду, всё случилось так внезапно и неожиданно, в общем, сами понимаете. Ну и девица! Всегда такая спокойная, скромная, и всё такое, уж никак не из тех, что кидаются парням на шею и чмокают их изо всех сил. Как сквозь туман я видел, что в комнате появился Дживз. Он помогал братцу облачиться в пальто, и помнится, я подумал, что только полный болван может нацепить на себя пальто, ничем не отличающееся от обычного мешка. Затем викарий подошёл ко мне и стиснул мою руку.

— Даже не знаю, как вас благодарить, мистер Вустер!

— Ну что вы, не стоит благодарности, знаете ли…

— Вы спасли моё доброе имя. Доброе имя мужчины или женщины, — заявил он, то сжимая, то разжимая мою правую верхнюю конечность, — это сокровище, принадлежащее их бессмертным душам. Тот, кто крадёт мой кошелёк, крадёт ненужный хлам. Сегодня он мой, завтра твой, раб тысяч и тысяч. Но тот, кто ворует моё честное имя, не обогащается сам, а меня делает нищим навек. Я благодарю вас от всего сердца. Спокойной ночи, мистер Вустер.

— Спокойной ночи, старичок, — ошеломлённо произнёс я, не совсем соображая, что говорю. Когда дверь за ним закрылась, я уставился на Дживза и несколько раз моргнул, чтобы рассеять туман перед глазами.

— Печальный случай, Дживз, — сказал я.

— Да, сэр.

— Хорошо, что у меня при себе оказались деньги.

— Может быть, сэр.

— Ты говоришь таким тоном, словно тебе что-то не нравится.

— Я не могу позволить себе критиковать вас, сэр, но осмелюсь предположить, что вы поступили несколько опрометчиво.

— Одолжив деньги?

— Да, сэр. Французские морские курорты приобрели печальную славу как место пребывания разного рода мошенников, сэр.

Это было уж слишком.

— Послушай, Дживз, — сурово произнёс я. — Я многое готов тебе простить, на сейчас ты собираешься окле-как-бы-там-дальше это слово ни называлось парня, который носит сутану…

— Возможно, я слишком подозрителен, сэр, но мне довелось побывать на многих французских курортах. Когда я находился в услужении у лорда Фредерика Ранелая, незадолго до того, как получил место у вас, сэр, преступник по кличке Сентиментальный Сид очень ловко обманул его светлость в Монте-Карло с помощью своей сообщницы. Я никогда не забуду обстоятельств этого дела.

— Мне, конечно, очень интересны твои воспоминания, Дживз, — холодно сказал я, — но ты несёшь чушь. Хотел бы я знать, как меня могли обмануть? Разве мне не оставили залог? Так вот, сначала думай, а потом говори. И вообще, чем стоять столбом, отнеси ожерелье менеджеру. Пусть положит его в сейф. — Я взял со стола футляр и открыл его. — Боже всемогущий!

Футляр был пуст.

— О, господи! — воскликнул я и посмотрел на Дживза. — Значит, меня всё-таки надули?

— Совершенно верно, сэр. Лорд Фредерик, о котором я говорил, был обманут точно таким же образом. В то время как сообщница отвлекала его светлость, Сентиментальный Сид подменил футляры и унёс с собой ожерелье, деньги и расписку. Предъявив последнюю через некоторое время, он потребовал вернуть ему жемчуг, и его светлость вынужден был компенсировать пропажу, выплатив огромную сумму. Очень простое, но эффективное мошенничество.

Мне показалось, что я лечу куда-то в пропасть.

— Сентиментальный Сид? Сид? Сидней? Братец Сидней! Разрази меня гром, Дживз, ты думаешь, этот викарий — Сентиментальный Сид?

— Да, сэр.

— Но как же так? У него даже воротничок сзади застёгнут, и вообще, я хочу сказать, он обманул бы самого епископа. Ты действительно считаешь, что он Сентиментальный Сид?

— Да, сэр. Я узнал его, как только он вошёл в комнату.

— Ты его узнал?

— Да, сэр.

— Пропади всё пропадом! — в сердцах воскликнул я. — По-моему, ты мог бы предупредить меня, Дживз!

— Я решил, что неприятной сцены можно будет избежать, если я просто вытащу футляр из кармана мошенника, когда буду подавать ему пальто, сэр.

И, клянусь своими поджилками, он положил на стол второй футляр, который как две капли воды был похож на первый. А в футляре лежало старое, доброе ожерелье, поблескивавшее как чёрт те что и улыбавшееся мне приветливой улыбкой. Я посмотрел на сметливого малого, чувствуя слабость в коленках. Я был потрясён до глубины души.

— Дживз, — сказал я, — ты гений!

— Да, сэр.

У меня словно гора с плеч свалилась. Благодаря Дживзу я не выкинул на ветер несколько тысяч фунтов.

— Ты спас меня от разорения, Дживз. Я имею в виду, даже у такого жулика, как Сид, вряд ли хватит нахальства потребовать, чтобы я вернул ему этих маленьких красоточек.

— Вы безусловно, правы, сэр.

— Ну, тогда… Послушай, а может, жемчуг поддельный или какой он там бывает?

— Нет, сэр. Это — настоящий жемчуг, и очень ценный.

— Значит, прах побери, я внакладе не остался! Полный порядок, Дживз! Может, я и потерял сотню фунтов, зато приобрёл ожерелье — высший класс! Я прав или нет?

— Думаю, нет, сэр. Мне кажется, ожерелье придётся вернуть.

— Что? Сиду? Ни за какие коврижки!

— Законному владельцу, сэр.

— Законному владельцу?

— Да, сэр. Мисс Грегсон.

— Что?!

— Час назад стало известно, что у мисс Грегсон пропало жемчужное ожерелье. Я разговаривал со служанкой мисс Грегсон

за несколько минут до вашего прихода, сэр. Эта новость облетела весь отель. Менеджер сейчас находится в номере мисс Грегсон.

— Должно быть, ему несладко приходится, что?

— Скорее всего вы правы, сэр.

Постепенно ситуация начала проясняться.

— Значит, сейчас я иду и возвращаю ей ожерелье, а? Один-ноль в мою пользу, что?

— Несомненно, сэр. И если позволите, я посоветовал бы вам деликатно намекнуть, что жемчуг был украден не кем иным, как…

— Боже всемогущий! Той самой треклятой девицей, на которой она насильно хотела меня женить, разрази её гром!

— Совершенно верно, сэр.

— Дживз, — сказал я, — один-ноль — самый большой счёт, с которым кому-либо удавалось победить мою тётю Агату за всю её жизнь.

— Вполне возможно, сэр.

— Это её немного утихомирит, что? Может, она хоть на какое-то время от меня отвяжется.

— Должно быть, так, сэр.

— Ох ты ж! — сказал я и бросился вон из комнаты.

* * *

Задолго до того, как я добрался до логова тёти Агаты, мне стало ясно, что охота была в самом разгаре. Служащие отеля в форме сновали по лестницам и коридорам, а перед номером пострадавшей стояли несколько служанок и лакеев, слушая громовой голос, доносившийся из-за двери. Я постучал и, не дождавшись ответа, бочком скользнул в комнату. Среди присутствовавших я заметил горничную, бьющуюся в истерике, тётю Агату с растрёпанными волосами и деятеля в бакенбардах, похожего на бандита, — менеджера отеля.

— Всем привет! — весело сказал я. — Привет, привет, привет!

Тётя Агата тут же на меня шикнула. При виде Бертрама на её губах не появилось приветливой улыбки.

— Лучше не лезь ко мне сейчас, Берти, — рявкнула она, глядя на меня, как на ту самую последнюю каплю.

— Что-нибудь случилось?

— Да, да, да! У меня пропало жемчужное ожерелье!

— Жемчужное? Ожерелье? — спросил я. — Нет, правда?

Какая досада! Где ты в последний раз его видела?

— Какое это имеет значение? Его у меня украли.

Тут король бакенбардистов, видимо, отдохнувший между раундами, кинулся в бой и разразился длинной речью по-французски. Горничная в углу рыдала взахлёб.

— Ты уверена, что всюду посмотрела? — спросил я.

— Естественно, я посмотрела всюду.

— Я потому спрашиваю, что сам часто терял воротнички, а потом, знаешь ли…

— Берти, не своди меня с ума! Я сейчас не в том состоянии, чтобы выслушивать твой бред! Да замолчите же вы! Немедленно замолчите! — прогрохотала она голосом, которым майоры отдают приказы солдатам, а ковбои усмиряют быков. И таким был её магнетизм, или как там это называется, что менеджер заткнулся на полуслове, словно ему внезапно отрезали язык. Впрочем, горничная в углу не сдалась и продолжала реветь, как пароходная сирена.

— Послушай, — сказал я, — по-моему, с этой девушкой что-то происходит. Она случайно не плачет, как ты думаешь? Возможно, ты не обратила на это внимания, но у меня глаз намётанный, знаешь ли.

— Она украла моё жемчужное ожерелье! Я в этом убеждена!

Специалист по бакенбардам немедленно разразился новой речью, но к этому времени тётя Агата превратилась в кавалерственную даму и произнесла голосом, приготовленным для особых случаев:

— Я вам в сотый раз повторяю, мой милый…

— Прости, что я тебя перебиваю, и всё такое, — сказал я, — но ты случайно не этих красотулечек ищешь? — Я вытащил ожерелье из кармана. — Похоже на жемчуг, что?

Я не знаю, был ли я когда-нибудь в жизни так счастлив, как в эту минуту. Об этом событии я стану рассказывать моим внукам, если они у меня когда-нибудь появятся, в чём, если задуматься, я сильно сомневаюсь. Тётя Агата, казалось, сморщилась прямо на глазах, совсем как воздушный шар, из которого выпустили газ.

— Где… где… где… — забормотала она.

— Я забрал ожерелье у твоей лучшей подруги, мисс Хемингуэй.

Даже сейчас до неё не сразу дошло, о чём я говорю.

— У мисс Хемингуэй? У мисс Хемингуэй! Но… но как к ней попало моё ожерелье?

— Как? — переспросил я. — Да очень просто. Она его украла. Стырила. Свистнула. Она так зарабатывает на жизнь, прах её побери! Втирается в доверие к людям, проживающим в отеле, и

тащит их драгоценности почём зря! Не знаю, какое у неё прозвище, но её братец широко известен в уголовном мире под кличкой Сентиментальный Сид.

— Мисс Хемингуэй — воровка! Я… я… — Она умолкла и нерешительно на меня посмотрела. — Но, Берти, дорогой, как тебе удалось забрать у неё ожерелье?

— Не всё ли тебе равно? Если хочешь знать, я воспользовался одним из своих методов.

Я призвал на помощь всю свою мужскую отвагу и выдал ей, как полагается.

— Разрази меня гром, тётя Агата! — сурово произнёс я. — Должен тебе сказать, по-моему, ты поступила крайне неосторожно. В каждом номере висит объявление, что ценности следует сдавать менеджеру для хранения в сейфе, а ты не обратила на это никакого внимания. Первый попавшийся вор спокойно зашёл в твою комнату и стащил ожерелье, вот тебе результат. И вместо того, чтобы признать свою вину, ты сделала из менеджера, несчастного бедолаги, свиную отбивную. Ты была очень, очень несправедлива к несчастному бедолаге.

— Да, да, — простонал несчастный бедолага.

— А бедная девушка, что ты о ней скажешь? Посмотри-ка на бедняжку. Ты обвинила её в краже ценностей, не имея никаких доказательств. Я думаю, она запросто сможет подать в суд за… сама знаешь, за что, и стребовать с тебя кругленькую сумму.

— Mais oui, mais oui, c`est trop fort! — вскричал бандит менеджер, поддакивая мне, как истинный друг. А горничная, должно быть, увидев просвет в тучах, подняла голову и вопросительно на меня посмотрела.

— Я возмещу ей ущерб, — слабым голосом произнесла тётя Агата.

— Вот именно, и советую тебе поторопиться. Дело у неё выгорит на все сто, и будь я на её месте, то согласился бы только на двадцать фунтов и ни на пенни меньше. Но больше всего я потрясён тем, как ты размазала несчастного бедолагу по стенке и подпортила репутацию его отеля…

— Да, клянусь всеми проклятьями! — вскричало чудо в бакенбардах, — вы подпортила! Вы неосторожная старая женщина! Вы подпортила репутация моего отеля, так это или не было? Завтра вы покидаете моего отеля, клянусь Боже мой!

И на этом он не успокоился, продолжая говорить о тёте Агате в смачных, сочных выражениях, радовавших мою душу. А затем он ушёл, прихватив с собой горничную, сжимавшую хрустящую десятку в руке, как в тисках. Я полагаю, ей пришлось поделиться с бандитом поровну. Вряд ли менеджер французского отеля

позволил дармовым деньгам уплыть у него из-под носа.

Я повернулся к тёте Агате, которая была похожа на усмирённую дрессировщиком львицу.

— Мне бы не хотелось сыпать соль на твои раны, тётя Агата, — холодно сказал я, — но должен тебе напомнить, что девица, укравшая у тебя жемчужное ожерелье, это та самая девица, на которой ты настойчиво пыталась меня женить, не желая слушать никаких возражений. Великие небеса! Ты хоть понимаешь, что, повернись по-твоему, у нас мог бы родиться ребёнок, который стащил бы мои часы, пока я нянчил бы его на коленях? Как правило, я человек покладистый, но мне кажется, в следующий раз тебе не мешает как следует призадуматься, прежде чем вешать на мою шею всяких там особей женского пола.

Я бросил на неё многозначительный взгляд, повернулся и ушёл.

* * *

— Всего десять часов, вечер прекрасен, и жизнь хороша, Дживз, — сказал я, заходя в свой старый, добрый номер.

— Я рад за вас, сэр.

— Если тебе пригодятся двадцать фунтов, Дживз…

— Очень вам признателен, сэр.

Наступило молчание. А затем… ну, может, и не стоило этого делать, но я решился. Сняв кушак, я протянул его Дживзу.

— Вы желаете, чтобы я погладил его, сэр?

Я бросил тоскливый взгляд на эту шикарную деталь моего туалета, которая была так дорога моему сердцу.

— Нет, — сказал я. — Унеси его, отдай беднякам, мне он никогда больше не понадобится.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Дживз.

ГЛАВА 5. Оскорблённая гордость Вустеров

Больше всего на свете я люблю спокойствие. Меня никак нельзя отнести к тем парням, которые места себе не находят, если с ними всё время что-нибудь не случается. И я никогда не скучаю. Мне всего-то и нужно, что хорошо поесть, иногда развлечься, слушая приличную музыку, и по возможности поболтать с друзьями о всякой всячине.

Вот почему удар судьбы, который я получил, оказался для меня таким страшным ударом. Я хочу сказать, что вернулся из Ровиля в прекрасном настроении, рассчитывая пожить в своё удовольствие. Я не сомневался, что тёте Агате потребуется не меньше года, чтобы оправиться от истории с Хемингуэями, а кроме тёти Агаты никто меня не воспитывает. Мне казалось, если можно так выразиться, что над моей головой нет ни одной тучки.

Мог ли я подумать… Ну, посудите сами, произошло следующее, и я хочу вас спросить, разве для вас это не было бы ударом?

Раз в год Дживз берёт отпуск на пару недель и смывается к морю или ещё куда-нибудь, чтобы поддержать свою форму. Само собой, когда он уезжает, я всегда чувствую себя хуже некуда, но надо уметь смиряться, и я смирялся; к тому же надо отдать Дживзу должное: на время своего отсутствия он всегда подбирал себе достойную замену.

Итак, подошло время его отпуска, и он находился на кухне, объясняя своему дублёру его обязанности. В этот момент мне потребовалась то ли марка, то ли ещё что-то, и я вышел в коридор, намереваясь спросить его, где что лежит. Старый дурень оставил дверь на кухню открытой, и я не сделал и двух шагов, как его голос ударил прямо по моим барабанным перепонкам:

— Мистер Вустер, — говорил он парню, который должен был его замещать, — очень приятный и дружелюбный молодой человек, но не слишком умный. Да, ума у него мало. Умственные способности мистера Вустера практически равны нулю.

Ну, как вам это понравится, что?

Строго говоря, знаете ли, мне следовало ворваться на кухню и как следует отчитать зарвавшегося малого. Но я сомневаюсь, что на свете найдётся человек, способный отчитать Дживза. Лично я даже пробовать не стал. Потребовав у него трость и шляпу таким тоном, чтобы он понял моё недовольство, я просто ушёл из дома. Но я не забыл его слов и чувствовал сами

понимаете что. У нас, Вустеров, прекрасная память. Само собой, не на встречи, дни рождения и тому подобное, но оскорбления — а иначе случившееся не назовёшь — мы долго помним. Короче, настроение у меня было преотвратное.

Оно не исправилось, когда я зашёл в устричный бар к Баку, чтобы пропустить рюмку-другую. В этот момент мне обязательно надо было себя подхлестнуть, потому что я шёл на ленч к тёте Агате. Жуткое испытание, можете мне поверить, хоть я и не сомневался, что после истории в Ровиле она особо не станет показывать свой характер. Я опрокинул первую рюмку и медленно потягивал вторую, постепенно начиная отходить, насколько это было возможно, когда за моей спиной раздался приглушённый голос и, обернувшись, я увидел Бинго Литтла, сидевшего за столиком в углу и уминавшего огромный бутерброд с сыром.

— Привет, привет! — сказал я. — Тыщу лет тебя не видел. Куда ты запропастился?

— Я живу за городом.

— Что? — удивлённо спросил я. Нелюбовь Бинго к деревенской жизни ни для кого не была секретом. — А где именно?

— В Диттеридже. Это такое местечко в Хэмпшире.

— Нет, правда? У меня там знакомые. Ты когда-нибудь слышал о Глоссопах?

— Вот это да! У них я и живу! — сказал малыш Бинго. — Обучаю наукам их сына.

— Зачем? — спросил я. Мне трудно было представить Бинго в роли учителя. Вообще-то, конечно, он получил какую-то степень, закончив Оксфорд, и я полагаю, людей несведущих всегда может надуть.

— Зачем? Затем, чтобы заработать! Стопроцентный верняк финишировал последним во втором забеге в Хэйдокском парке, — с определённой долей горечи сказал Бинго, — а я поставил на него своё ежемесячное содержание. У меня не хватило духу тряхануть старикана, поэтому я обратился к агентам в бюро, и они подыскали мне работу гувернёра. Я торчу в Диттеридже уже три недели.

— Я не знал, что у Глоссопов есть сын.

— Не надо! — сказал Бинго, задрожав с головы до ног.

— Зато я хорошо знаком с их дочерью.

Не успел я произнести этих слов, как с Бинго произошла разительная перемена. Глаза его выпучились, лицо покраснело, а адамово яблоко запрыгало, как резиновый мячик.

— Ох, Берти! — сказал он каким-то придушенным голосом.

Я встревоженно посмотрел на бедолагу. Я конечно, знал, что Бинго вечно в кого-то влюбляется, но мне казалось невозможным, что даже он будет таким ослом, что потеряет голову из-за Гонории Глоссоп. Лично для меня эта девица была не больше, не меньше, чем склянкой с ядом, одной из тех здоровых, шибко умных, энергичных, активных особ женского пола, которых так много развелось в наши дни. Она была выпускницей Гиртона, где не только набила свою черепушку разнообразными научными знаниями, но и занималась всевозможными видами спорта, накачав мускулы, которым позавидовал бы боксёр второго полусреднего веса. Когда я её видел, мне хотелось забраться в погреб, закрыть за собой дверь и не вылезать до тех пор, пока мне не сообщат, что поблизости ею даже не пахнет.

— Я боготворю её, Берти! Я боготворю землю, по которой она ходит! — продолжал говорить неизлечимо больной громким, проникновенным голосом. В устричную зашли Фред Томпсон с приятелями, парень за стойкой бара навострил уши. Но Бинго это не смутило. Он всегда напоминал мне героя музыкальной комедии, который собирает вокруг себя кого ни попадя и громогласно объявляет о своей любви.

— А ты ей признался?

— Я не смею. Но мы почти каждый вечер гуляем вдвоём в саду, и иногда мне кажется, что она как-то по-особенному на меня смотрит.

— Как солдат на вошь.

— Ничего подобного! Как нежная богиня!

— Секундочку, старина, — сказал я. — Ты уверен, что мы говорим об одной и той же девушке? Лично я имею в виду Гонорию. Может, у неё есть младшая сестра или ещё кто-то, о ком я не слышал?

— Её зовут Гонория, — благоговейно прошептал Бинго.

— И она напоминает тебе нежную богиню?

— Да.

— Господи помилуй! — сказал я.

— Она прекрасна, словно ночь, и я сдержать себя невмочь, она и тьмы и света дочь, глаза её блестят точь-в-точь, как звёзды, убегая прочь. Подай мне с сыром бутерброд, — обратился он к парню за стойкой бара.

— Я вижу, ты набираешься сил.

— Это мой ленч. Я должен встретить Освальда на станции Ватерлоо. Обратный поезд в час пятнадцать.

— Освальда? Это твой воспитанник?

— Да. Чума, каких мало.

— Чума! Совсем забыл! Я ведь опоздаю на ленч к тёте Агате.

Прости, старина, мне пора.

После истории с пропажей жемчужного ожерелья я не видел тётю Агату, и хотя мне не улыбалось с ней общаться, в одном отношении я был спокоен, так как не сомневался, что у неё не хватит духу завести разговор о моей женитьбе. Я имею в виду, если женщина опростоволосилась, как тётя Агата в Ровиле, вполне естественно предположить, что она из элементарного чувства стыда укоротит свой язычок по меньшей мере на несколько месяцев.

Но я никогда не пойму женщин. Я хочу сказать, их бесстыдства. Вы можете мне не поверить, но она взялась за старое, не успели подать рыбу. Даю вам честное слово, рыбу ещё не успели подать. Мы перекинулись парой слов о погоде, и она уселась на своего любимого конька, даже не покраснев.

— Берти, я всё время думаю о том, что тебе просто необходимо жениться. Я безоговорочно признаю, что заблуждалась в отношении этой ужасной, лицемерной девицы в Ровиле, но сейчас ошибиться невозможно. Я нашла для тебя именно такую жену, которая тебе нужна, девушку, с которой я познакомилась по счастливой случайности. Можешь не сомневаться, она из прекрасной семьи и вне подозрений. К тому же она очень богата, хотя в твоём случае это не имеет значения. Самое главное, что девушка необычайно разумна, физически здорова, самостоятельна и прекрасно уравновесит твои недостатки, включая слабость твоего характера. Вы с ней уже знакомы, и хотя многое в тебе ей не нравится, она не может сказать, что ты ей неприятен. Я разговаривала с ней о тебе — естественно, со всей осторожностью — и уверена, что если ты начнёшь ухаживать…

— Кто она? — Я должен был задать этот вопрос раньше, но когда она начала высказываться, я от неожиданности подавился куском булки и только сейчас успел отдышаться. — Кто она?

— Дочь сэра Родерика Глоссопа, Гонория.

— Нет, нет! — вскричал я, бледнея, хотя несколько секунд назад лицо моё было багровым от удушья.

— Не глупи, Берти. Лучшей жены тебе не найти.

— Да, но послушай…

— Она вылепит из тебя человека.

— Я не хочу, чтобы меня лепили.

Тётя Агата бросила на меня взгляд, и я снова почувствовал себя маленьким мальчиком, который полез в шкаф за вареньем.

— Берти! Я надеюсь, ты не собираешься меня ослушаться?

— Да, но я хочу сказать…

— Леди Глоссоп была так добра, что пригласила тебя

погостить в Диттеридж-холле. Я сказала, что ты с радостью принимаешь приглашение и будешь там завтра утром.

— Прости, но на завтра у меня назначена очень важная встреча.

— С кем?

— Э-э-э… гм-м-м…

— Ничего у тебя не назначено. А если назначено, отменишь. Я буду крайне недовольна, Берти, если завтра ты не поедешь в Диттеридж-холл.

— Ох, ну хорошо! — сдался я.

Не прошло и нескольких минут после того, как я вышел от тёти Агаты, как боевой дух Вустеров полностью ко мне вернулся. Несмотря на то, что надо мной возникла вполне реальная угроза, я чувствовал себя, как бы это сказать, в приподнятом настроении. Меня припёрли к стенке; и чем сильнее приперли, думал я, тем шикарнее будет, когда я посажу Дживза в лужу, доказав, что сумел выкрутиться из полной безнадюги без его помощи. В другой ситуации я, конечно, посоветовался бы с ним и предоставил бы ему как-то уладить это дело, не сомневаясь, что всё будет в порядке; но после того, что он сказал обо мне на кухне, я скорее откусил бы себе язык, чем унизился бы перед ним. Поэтому, вернувшись домой, я обратился к малому с лёгкой небрежностью в голосе.

— Дживз, — сказал я, — у меня небольшие неприятности.

— Мне очень жаль, сэр.

— Да, я попал в переделку. По правде говоря, я стою на краю пропасти и меня ждёт ужасная участь.

— Если я могу быть вам полезен, сэр…

— О, нет. Нет, Дживз. Большое спасибо, но нет. Нет, не беспокойся. Я справлюсь.

— Слушаюсь, сэр.

Вот такие пироги. Должен признаться, я не отказался бы, если б Дживз проявил больше любопытства, но Дживз — он такой. Скрывает свои чувства, понимаете, что я имею в виду?

Когда на следующий день я прибыл в Диттеридж, Гонории там не было. Её мать сообщила мне, что она гостит у своих знакомых, Брейтуэйтов, и приедет только завтра вместе с их дочерью. Далее миссис Глоссоп сказала, что Освальд гуляет в парке, и по её тону было ясно, что парк должен этим гордиться, а я обязан немедленно пойти и познакомиться с её отпрыском, радуясь оказанной мне чести.

Кстати, парк в Диттеридж-холле был ничего себе. Несколько бульваров, лужайка, на которой рос кедр, декоративный кустарник и даже небольшое озеро с каменным мостом. Как

только я обошёл кустарник, я увидел Бинго, курившего сигарету, и мальчишку, сидевшего на парапете моста с удочкой в руках, видимо, того самого чумного Освальда.

Заметив меня, Бинго удивился, обрадовался и тут же познакомил со своим воспитанником. Если тот изумился или обрадовался, он скрыл это как истинный дипломат. Бросив на меня взгляд и подняв брови, он отвернулся и продолжал удить рыбу. Освальд был одним из тех высокомерных подростков, которые всем своим видом дают тебе понять, что, во-первых, ты ходил не в ту школу, а во-вторых — плохо одеваешься.

— Познакомься с Освальдом, — сказал Бинго.

— Очень приятно, — вежливо произнёс я. — Как дела, Освальд?

— Нормально.

— Тебе удобно сидеть?

— Нормально.

— Хорошо клюёт?

— Нормально.

Малыш Бинго отвёл меня в сторону, чтобы поговорить с глазу на глаз.

— Какой Освальд разговорчивый, — сказал я. — У тебя никогда не болит голова от его болтовни?

Бинго вздохнул.

— Это тяжкий труд, Берти.

— Что именно?

— Любить Освальда.

— Разве ты его любишь? — с удивлением спросил я. Лично мне казалось, что это невозможно.

— Я пытаюсь, — признался малыш Бинго, — ради Неё. Она возвращается завтра, Берти.

— Знаю.

— Она возвращается, моя любовь, моя единственная…

— Точно, — перебил его я. — Кстати, об Освальде. В твои обязанности входит проводить с ним весь день? Как ты выдерживаешь?

— О, он не причиняет мне особых хлопот. Когда мы не занимаемся, он торчит на мосту и ловит уклеек.

— Почему бы тебе не спихнуть его в воду?

— Спихнуть?

— По-моему, эта мысль напрашивается сама собой, — сказал я, с неприязнью глядя на спину подростка. — Может, он тогда хоть немного расшевелится и начнёт интересоваться жизнью.

Бинго покачал головой, как мне показалось, с сожалением.

— Заманчивая мысль, — согласился он, — но боюсь, ничего

не выйдет. Видишь ли, Она никогда мне этого не простит. Она обожает своего брата.

— Великий боже! — вскричал я. — Эврика!

Не знаю, бывает ли у вас такое чувство, когда в голову вам приходит шикарная мысль, — будто мурашки побежали от мягкого воротничка, какие сейчас носят, до пяток в кожаных штиблетах? Я думаю, Дживз постоянно испытывает подобные ощущения, но меня они посещают крайне редко. Сейчас же всё вокруг, казалось, громко крикнуло: «Ты попал в яблочко!», и я схватил малыша Бинго за руку с такой силой, что физиономия бедолаги перекосилась от боли и он спросил, какая муха меня укусила.

— Бинго, — сказал я, — как поступил бы Дживз?

— В каком смысле как поступил бы Дживз?

— В прямом смысле. Что посоветовал бы Дживз в данном случае? Я имею в виду, ты ведь хочешь произвести впечатление на Гонорию Глоссоп и всё такое? Ну так вот, можешь не сомневаться, старичок, Дживз засадил бы тебя вон в те кусты, предложил бы мне как-нибудь заманить Гонорию на мост, а затем в назначенную минуту велел бы подпихнуть Освальда под одно место, чтобы он полетел в воду, а ты нырнул бы и спас его от смерти. Ну, как тебе?

— Ты ведь не сам это придумал, Берти? — внезапно охрипшим голосом спросил Бинго.

— Конечно, сам. Дживз не единственный малый, у которого варит голова.

— Но ведь это потрясающий план!

— Да брось ты. Ничего особенного.

— Единственный его недостаток заключается в том, что ты можешь попасть в неприятное положение. Я имею в виду, парень может сказать, что ты его толкнул, и тогда Она на тебя рассердится.

— Знаешь, ради тебя я это переживу.

— Берти, какой ты благородный!

— Нет, нет.

Он молча пожал мне руку, затем усмехнулся, издав звук, похожий на журчание последней струйки воды, вытекающей из ванны.

— Что с тобой? — спросил я.

— Я представил себе Освальда, — сказал малыш Бинго. — Господи, какое счастье!

ГЛАВА 6. Награда герою

Не знаю, замечали вы это или нет, но как ни крути, в нашем мире ничто не совершенно. Недостаток моего шикарного плана заключался в том, что Дживза не было поблизости, чтобы понаблюдать меня в действии. Других изъянов я не видел. Всё гениальное — просто, поэтому осечки не должно было произойти. Ведь дураку ясно, что, усложнив дело и, скажем, заставив парня А быть в пункте Б в тот момент, когда парню В следует быть в пункте Г, вы лишаетесь шансов на успех. Попытаюсь объяснить понятнее на примере генерала, который, к примеру, проводит военную операцию. Он велит захватить холм с мельницей одному полку в тот самый момент, когда второй полк займёт мост через реку в долине, или где-нибудь ещё, и в результате никто ничего не понимает. А когда вечером все возвращаются в лагерь, командир первого полка говорит: «Простите, вы приказали захватить холм с мельницей? А мне показалось, со стадом коров.» И что дальше? Но в нашем случае ничего такого произойти не могло, потому что Бинго и Освальд торчали на мосту с утра до вечера, и мне надо было лишь вытащить Гонорию из дому и привести к озеру. А это оказалось до смешного просто. Не успел я заикнуться, что мне надо с ней поговорить, как она тут же согласилась пойти со мной прогуляться.

Гонория и девица Брейтуэйт приехали на машине сразу после ленча. Меня представили последней — высокой блондинке с голубыми глазами. Она мне понравилась хотя бы потому, что абсолютно не была похожа на Гонорию, и я с удовольствием поболтал бы с ней о том о сём, если б у меня было время. Но дело прежде всего. Я договорился, что Бинго спрячется за кусты ровно в три часа, и поэтому незаметно увлекал Гонорию в нужном мне направлении.

— Вы сегодня очень задумчивы, мистер Вустер.

Я вздрогнул. По правде говоря, мне сейчас было не до неё. Впереди показалось озеро, и я быстро огляделся по сторонам. Вроде бы всё шло по плану. Мальчишка сидел на парапете, а Бинго отсутствовал, из чего я заключил, что он занял свою позицию. Мои часы показывали две или три минуты четвёртого.

— Что? — рассеянно спросил я. — Ах да, конечно. Я задумался.

— Вы говорили, что хотите сообщить мне нечто очень важное.

— Точно!

Я решил протоптать для Бинго тропинку, если вы понимаете,

что я имею в виду. Одним словом, я намеревался, не называя имени, подготовить девушку к тому, что, как ни странно, на свете существует некто, втюрившийся в неё по уши и стесняющийся признаться ей в своих чувствах. В общем, наболтать ей всякой ерунды в этом роде.

— Понимаете, — сказал я, — может, вам покажется это нелепым, но один человек в вас влюбился, ну, и всё такое. Мой приятель, знаете ли.

— Вот как? Ваш приятель?

— Да.

Она как— то чудно усмехнулась.

— Почему же он сам ничего мне не скажет?

— Видите ли, такой уж он уродился. Стесняется, понимаете ли. Смущается дальше некуда. По правде говоря, смелости у него не хватает. Ему кажется, что он вас недостоин, вот в чём дело. Смотрит на вас, как на богиню, если уж на то пошло. Так сказать, боготворит землю, по которой вы ступаете, но не способен из себя и слова выдавить.

— Как интересно.

— Да. Он парень неплохой, грубо говоря. Олух царя небесного, конечно, но мухи не обидит. Ну вот, кажется, всё. Вы ведь подумаете о бедняге, что?

— Какой вы смешной!

Она откинула голову назад и рассмеялась. Такой жуткий смех я слышал впервые. Мне показалось, я сижу в поезде, который на полном ходу идёт по тоннелю. Освальд повернулся и недовольно на нас посмотрел.

— Послушайте, нельзя ли потише? — прошипел он. — Вы распугаете мне всю рыбу.

Его вмешательство разрядило обстановку. Гонория поменяла тему разговора.

— Мне не нравится, что Освальд сидит на парапете, — заявила она. — Это очень опасно. Он может упасть с моста.

— Пойду предупрежу его, — сказал я.

На глаз расстояние между мной и подростком составляло не более пяти ярдов, но мне показалось, что я прошагал не меньше сотни. И после первого же шага у меня возникло совершенно идиотское ощущенье, что всё это происходило со мной раньше. Затем я понял, в чём тут дело. Много лет назад, на вечере в одном загородном доме, меня уговорили сыграть роль дворецкого в любительской пьесе, которую давали в каких-то гнусных благотворительных целях; в самом начале спектакля я должен был выйти слева, пересечь пустую сцену и поставить поднос с напитками на столик в её правом углу. На репетициях мне без

устали вдалбливали, что я не спринтер, и в результате я шёл так медленно, что вообще потерял надежду дойти до этого треклятого столика. Сцена словно превратилась в безбрежную пустыню, а весь мир, казалось, замер, уставившись на меня в немом недоумении. Ну так вот, сейчас я испытывал примерно такое же ощущенье. В горле у меня пересохло до такой степени, что я не мог сглотнуть, и чем ближе я подходил к мальчику, тем дальше, казалось, он от меня отодвигался; а затем, непонятно каким образом, я очутился с ним рядом.

— Привет, — сказал я, выдавив из себя улыбку, которой он не заметил, потому что даже не потрудился ко мне повернуться. Лишь его левое ухо шевельнулось, вроде как выражая презрение. За всю свою жизнь я ещё не встречал особ, которые так ясно давали бы мне понять, как мало я для них значу.

— Привет! — повторил я и небрежно, так сказать, по-братски, положил руку ему на плечо. — Рыбачишь?

— Эй! Поосторожней! — воскликнул он, покачнувшись.

Такое надо делать либо сразу, либо никогда. Я закрыл глаза и пнул его что было сил. Раздался вопль, потом послышались какие-то непонятные звуки и громкий всплеск, после чего время продолжало идти своим чередом.

Я открыл глаза. Как раз в эту минуту Освальд вынырнул на поверхность.

— Помогите! — завопил я, скосив глаза на кусты, откуда должен был появиться малыш Бинго.

Кусты даже не шевельнулись.

— Кто-нибудь! Помогите! — снова завопил я.

Мне бы не хотелось наскучить вам своими театральными воспоминаниями, но я вновь хочу вернуться к тому спектаклю, где я играл роль дворецкого. Мне нужно было поставить поднос на столик, выслушать несколько слов от героини и уйти. Так вот, в тот вечер рассеянная девица забыла о своём выходе, и прошло не меньше минуты, прежде чем поисковая партия наткнулась на неё и приволокла на сцену. А я тем временем стоял как пень, не зная, чем всё это кончится. Жуткое ощущение, можете мне поверить, и сейчас я чувствовал примерно то же самое, если не хуже. Только теперь я понял, что означала фраза «время остановилось», которую так любят современные писатели.

А пока что Освальд погибал во цвете лет, и мне подумалось, что по этому поводу необходимо принять какие-то меры. Правда, парень не вызывал у меня особых симпатий, но этого было всё-таки недостаточно, чтобы позволить ему утонуть. Нет ничего более неприятного, чем вид на озеро с моста, но в моём положении выбирать не приходилось. Я скинул куртку и бросился

в воду.

Я никогда не понимал, почему вода становится мокрее, когда ты ныряешь в одежде, а не просто купаешься, но, поверьте мне на слово, так оно и есть. Я пробыл в озере не больше трёх секунд, а уже чувствовал себя как тот, о котором пишут в газетах: «Очевидно, труп находился в воде не менее трёх дней». Мне было ужасно неуютно.

В этот момент сценарий изменился. Я предполагал, что схвачу мальчишку за шиворот и бесстрашно выволоку его на берег. Но Освальд не пожелал ждать, когда его выволокут. Отфыркавшись и протерев глаза, я увидел, что он находится ярдах в десяти от меня и уверенно плывёт к берегу по-собачьи. Это зрелище окончательно сломило мой дух. Как вы понимаете, при спасении утопающих самое главное, чтобы они оставались на месте и особо не рыпались. А если утопающий вдруг начинает плыть самостоятельно и при этом может дать тебе в заплыве на сто ярдов сорок ярдов форы, что тогда? Когда я с трудом добрался до берега, мальчишка, по-моему, уже подходил к дому. Короче, как ни крути, мой план с треском провалился.

Мои раздумья прервал шум поезда, идущего в тоннеле. Гонория Глоссоп снова смеялась. Она стояла рядом со мной и как-то чудно на меня смотрела.

— Ох, Берти, вы такой забавный! — сказала она. Поверьте, уже тогда мне показалось, что голос её звучит зловеще. До сих пор девица называла меня не иначе, как мистер Вустер. — Какой вы мокрый!

— Да, я мокрый.

— Скорее бегите в дом и переоденьтесь.

— Хорошо.

Я выжал из своей одежды пару галлонов воды.

— Какой вы забавный! — повторила она. — Сначала вы самым необычным образом сделали мне предложение, а потом столкнули Освальда в воду, чтобы спасти его и произвести на меня впечатление своей храбростью.

Как только мне удалось частично избавиться от воды в лёгких, я попытался исправить эту ужасную ошибку с её стороны.

— Нет, нет!

— Он сказал, что вы его толкнули, и я видела это собственными глазами. О, я не сержусь, Берти! Я польщена! Но я считаю, мне необходимо вами заняться. Вам нельзя больше оставаться без присмотра. Должно быть, вы насмотрелись разных фильмов. Я не удивлюсь, если в следующий раз вам придёт в голову мысль поджечь наш дом, чтобы меня спасти. — Она посмотрела на меня, как на принадлежность своего туалета. — Я

думаю, мне удастся сделать из вас настоящего человека, Берти. До сих пор вы лишь прожигали жизнь, это так, но вы всё ещё молоды, и в вашей душе есть много хорошего.

— Нет, нет, что вы.

— А я говорю, есть. Вам просто необходимо осознать, на что вы способны, и я вам в этом помогу. А сейчас идите скорей в дом и переоденьтесь, а то простудитесь.

И, если вы понимаете, о чём я говорю, в её голосе проскользнули материнские нотки, которые сказали мне лучше всяких слов, что я попался. Как кур в ощип.

* * *

Когда я переоделся и спустился в холл, я увидел Бинго, сиявшего как медный таз.

— Берти! — воскликнул он. — Ты-то мне и нужен! Берти, ты даже не представляешь, как удивительно мне повезло!

— Ты, придурок! — вскричал я. — Куда ты запропастился? Ты знаешь, что…

— Ты спрашиваешь, почему меня не оказалось на месте? Я просто не успел тебе рассказать. Всё отменяется.

— Отменяется?

— Берти, честное слово, я уже пошёл к озеру, чтобы спрятаться в кустах, когда произошло нечто необычайное. Проходя по лужайке, я встретил самую красивую, самую ослепительную девушку во всём мире. Таких, как она, нет и никогда не было. Берти, ты веришь в любовь с первого взгляда? Ты ведь веришь в любовь с первого взгляда, старина? Как только я её увидел, меня потянуло к ней, как магнитом. Я позабыл обо всём на свете. Её зовут мисс Брейтуэйт, Берти, Дафна Брейтуэйт. Как только наши глаза встретились, я понял, что горько ошибался, принимая простую увлечённость Гонорией за истинную любовь. Берти, ты ведь веришь в любовь с первого взгляда? Дафна такая замечательная, такая добрая. Нежная богиня…

В этот момент я ушёл, оставив придурка в одиночестве.

* * *

Через два дня я получил письмо от Дживза.

«…Погода, — заканчивалось оно, — стоит прекрасная. Я купаюсь каждый день.» Я рассмеялся утробным или, если хотите, замогильным смехом и спустился в холл. Гонория назначила мне свидание в гостиной. Она собиралась почитать мне Рёскина.

ГЛАВА 7. Познакомьтесь с Клодом и Юстасом

Бомба разорвалась ровно в один час сорок пять минут (время летнее). В этот момент Спенсер, дворецкий тёти Агаты, стоял передо мной с блюдом картофеля, и, потрясённый до глубины души, я ложкой отправил шесть хрустящих, обжаренных картофелин в полёт к буфету. Да, такой шок я испытал впервые в жизни.

К тому же не забудьте, что я находился в ослабленном состоянии. Я был помолвлен с Гонорией Глоссоп около двух недель, и ни одного дня не проходило, чтобы она не пыталась из меня что-нибудь «вылепить», как сказала бы моя тётя Агата. Я начитался серьёзной литературы до одури и до боли в глазах; прошагал не один десяток миль по картинным галереям и побывал на таком количестве концертов классической музыки, что сбился со счёта. Короче, я действительно был не в том состоянии, чтобы испытывать душевные потрясения, в особенности такие, как это. Гонория затащила меня на ленч к тёте Агате, и я сидел за столом, спрашивая у самого себя: «Благая смерть, когда же ты придёшь?» — когда моя нарёченная взорвала подо мной бомбу.

— Берти, — внезапно спросила она, словно вспомнив нечто очень важное, — как зовут твоего слугу, я имею в виду, камердинера?

— А? Дживз.

— Мне кажется, он плохо на тебя влияет — решительно произнесла Гонория. — Когда мы поженимся, тебе придётся его уволить.

Именно в этот момент я дёрнул ложкой и запустил шестью хрустящими и обжаренными картофелинами в буфет, а Спенсер тут же погнался за ними, как собака за палкой.

— Уволить Дживза? — прохрипел я.

— Да. Он мне не нравится.

— Мне он тоже не нравится, — заявила тётя Агата.

— Но это невозможно. Я имею в виду, я и дня без него не проживу.

— Придётся, — приказала Гонория. — Он мне совсем не нравится.

— Мне он тоже совсем не нравится, — сказала тётя Агата. — И никогда не нравился.

Кошмар какой-то, что? Я всегда считал, что женитьба — дело

гиблое, но никогда не думал, что она требует от парня таких страшных жертв. Я был не в силах вымолвить ни слова.

После ленча, насколько я помнил, мне надлежало поймать кэб и отправиться с Гонорией за покупками на Риджент-стрит; но когда она встала из-за стола и взяла сумочку, тётя Агата не позволила ей прихватить заодно и меня.

— Беги по своим делам, дорогая, — нежно произнесла она. — Я хочу сказать Берти пару слов.

Когда Гонория ушла, тётя Агата села со мной рядом.

— Берти, — немного помолчав, начала говорить она, — дорогая Гонория этого не знает, но заключение вашего брака может быть связано с определёнными трудностями.

— Да ну! Правда? — спросил я с надеждой в голосе.

— О, ничего серьёзного, не беспокойся. Пустые, хоть и не очень приятные формальности. Сэру Родерику неймётся.

— Он считает, что мы с Гонорией не пара? Хочет меня отшить? Ну, может, он и прав.

— Прошу тебя, не неси ахинеи, Берти. Всё не так страшно, как ты думаешь. Но профессия сэра Родерика, к сожалению, заставляет его быть чрезмерно осторожным.

По правде говоря, до меня не дошло, о чем она говорит.

— Чрезмерно осторожным?

— Да. Ничего не поделаешь: невропатолог с такой обширной практикой поневоле относится ко всем людям подозрительно.

Теперь я понял, на что она намекала. Сэра Родерика Глоссопа, отца Гонории, все называют невропатологом, хотя каждому известно, что он не кто иной, как поставщик дурдома. Я имею в виду, что если, к примеру, ваш дядя герцог вдруг начинает втыкать себе в волосы соломинки для коктейля, вы первым делом приглашаете старикана Глоссопа. Он вас навещает, осматривает герцога со всех сторон, долго рассуждает о переутомлении нервной системы, а затем рекомендует полный отдых, уединение и всё такое прочее. Почти все знатные семьи страны время от времени пользуются его услугами (я хочу сказать, ему постоянно приходится сидеть у кого-нибудь на голове, пока ближайшие и дражайшие больного звонят в психушку и вызывают санитаров со смирительной рубашкой), и мне кажется, в его положении нетрудно было стать самым настоящим психоманом и начать относиться подозрительно ко всем без исключения.

— Ты имеешь в виду, он считает меня психом, а сумасшедший зять его не устраивает? — спросил я.

Моя сообразительность почему-то ужасно разозлила тётю Агату.

— Естественно, он так не думает. Я ведь сказала тебе, сэр Родерик чрезмерно осторожен и поэтому хочет убедиться, что ты абсолютно нормален. — Тут она умолкла, потому что Спенсер принёс кофе. Когда он ушёл, тётя Агата продолжила прерванную мысль. — Сэр Родерик слышал нелепую историю о том, что, находясь в Диттеридже, ты столкнул его сына с моста в воду. Невероятно! Даже ты не так глуп, чтобы выкинуть подобный фокус.

— Ну, видишь ли, я случайно к нему прислонился, и он плюхнулся в озеро.

— Освальд совершенно определённо заявил, что ты толкнул его намеренно. Это встревожило сэра Родерика и, к несчастью, заставило его навести справки о нашей семье. Естественно, он теперь знает о твоём бедном дяде Генри.

Она многозначительно на меня посмотрела, а я опустил голову и сделал глоток кофе. Мы начали рыться в семейном белье и выволокли на свет грязную простыню. Дело в том, что покойный дядя Генри был, если можно так выразиться, пятном на нашей репутации. Человек прекрасный во всех отношениях, он очень хорошо ко мне относился, щедро снабжая меня и деньгами, и советами, пока я учился в школе, но, не стану скрывать, его поведение иногда казалось несколько странным, например, когда он начал разводить в своей спальне кроликов. Думаю, какой-нибудь придира запросто мог посчитать его более или менее свихнувшимся. По правде говоря, он умер в окружении кроликов, до последней минуты радуясь жизни в какой-то частной клинике.

— Конечно, всё это глупости, — продолжала тётя Агата. — Унаследовать эксцентричность — и не более того — бедного Генри могли разве что Клод с Юстасом, а я в жизни своей не видела более смышлёных детей.

Клод и Юстас были близнецами, поступившими в школу, когда я её заканчивал. Вспоминая их проделки, я подумал, что слово «смышлёные» как нельзя больше им подходило: в первом классе они попадали из одной переделки в другую.

— Только посмотри, как прекрасно они зарекомендовали себя в Оксфорде. Не далее как вчера твоя тётя Эмилия получила письмо от Клода, где он пишет, что вскоре их примут в очень престижный клуб колледжа, который называется «Искатели».

— «Искатели»? Помнится, когда я учился в Оксфорде, такого клуба не существовало. Что они ищут?

— Об этом Клод не написал. Должно быть, истину или знания. Наверное, в этот клуб нелегко попасть, потому что Клод говорит, что лорд Рэйнсби, сын эрла Датчета, тоже является одним из соискателей. Однако мы отвлеклись, а речь шла о том,

что сэр Родерик желает побеседовать с тобой наедине в спокойной обстановке. Учти, Берти, я полагаюсь если не на твой разум, то по крайней мере на твой здравый смысл. Не хихикай, не смотри на него своим идиотским взглядом, не зевай, не ёрзай и помни, что он президент лиги «Против азартных игр», так что не обсуждай с ним скачки. Он придёт к тебе на ленч завтра в час тридцать. Пожалуйста, не забудь, что он не пьёт крепких напитков, отрицательно относится к курению и кушает самую простую пищу, так как у него больной желудок. Не предлагай ему кофе, потому что он считает этот напиток основой всех нервных заболеваний в мире.

— Я думаю, собачья галета и стакан воды пойдут ему на пользу, что? — сказал я.

— Берти!

— Ох, ну хорошо. Я пошутил.

— Идиотские высказывания подобного рода мгновенно подтвердят худшие опасения сэра Родерика. Пожалуйста, попытайся не паясничать, когда будешь находиться в его обществе. Он человек серьёзный. Ты уже уходишь? Будь любезен, не забудь того, что я тебе сказала. Я полагаюсь на тебя, Берти, и если ты меня подведёшь, пеняй на себя.

— Да, да, конечно.

И я пошёл домой, стараясь не думать о предстоящей мне пытке.

* * *

На следующее утро я встал поздно и, позавтракав, сразу отправился прогуляться. Мне казалось, я должен сделать всё, чтобы в мозгу у меня прояснилось, а свежий воздух обычно рассеивает туман, который, как правило, поутру клубится в моей голове. Я шёл не спеша и добрался до Гайд-парка, когда какой-то придурок хлопнул меня по спине между лопатками. Обернувшись, я увидел малыша Юстаса, моего кузена. Он и ещё два парня держались под руки, причём левым крайним был мой кузен Клод, а посередине стоял розовощёкий незнакомец со светлыми волосами и виноватым выражением на лице.

— Берти, старичок! — дружелюбно воскликнул малыш Юстас.

— Привет! — сказал я без всякого энтузиазма в голосе.

— Это надо же! Кто б мог подумать, что мы встретим в

Лондоне единственного человека, который поможет нам достойно провести время! Кстати, ты не знаком с Пёсьей Мордой? Пёсья Морда, это мой кузен Берти. Лорд Рэйнсби

— мистер Вустер. Мы только что от тебя, Берти. К несчастью, ты уже смылся, но старина Дживз принял нас лучше некуда. Этот малый сокровище, Берти. Держись за него обеими руками.

— Что вы делаете в Лондоне? — спросил я.

— О, развлекаемся потихоньку. Приехали всего на день. На три десять отчаливаем обратно. А сейчас, Берти, поговорим о ленче, которым ты так любезно согласился нас угостить. Куда пойдём? «Ритц»? «Савой»? «Карлтон»? Если ты вхож в «Киро» или «Посольство», нас это тоже устраивает.

— Я не могу пригласить вас на ленч. У меня деловое свидание. И, прах побери, я опоздал! — воскликнул я, глядя на часы и останавливая проходящее мимо такси. — Приношу свои извинения.

— В таком случае будь мужчиной и одолжи нам пятёрку, — заявил малыш Юстас.

У меня не было времени спорить. Я отстегнул им пятёрку и вскочил в машину. Ровно без двадцати два я ворвался в гостиную, но, к счастью, сэра Родерика в ней не оказалось.

Дживз, по своему обыкновению, вплыл в комнату.

— Сэр Родерик ещё не пришёл, сэр.

— Слава богу! — воскликнул я. — А я думал, он тут буйствует.

По собственному опыту я знал, что чем меньше ты хочешь кого-то видеть, тем пунктуальнее этот кто-то приходит на свидание. Сидя в такси, я представил себе, как старикан бродит взад-вперёд по моему ковру, бормоча: «Он нейдёт» — и распаляясь всё больше и больше.

— Надеюсь, вы останетесь довольны ленчем, сэр.

— Что ты собираешься подать на стол?

— Холодное consomme, телячьи отбивные и салат, сэр. А также лимонный сок с содовой и льдом.

— Что ж, надеюсь, желудок сэра Родерика не пострадает. Только не вздумай увлечься и принести кофе.

— Ни в коем случае, сэр.

— И не стой с идиотским выражением на лице, потому что ты оглянуться не успеешь, как загремишь в психушку.

— Слушаюсь, сэр.

В дверь позвонили.

— Начали! — сказал я. — Не подкачай, Дживз!

ГЛАВА 8. Сэр Родерик приходит на ленч

Я конечно, уже встречался с сэром Родериком, но только в компании Гонории, а рядом с Гонорией любой человек выглядит жалким замухрышкой. До этого момента я даже не подозревал, какой устрашающей внешностью обладает старикан. Вместо бровей у него росли кусты, придававшие свирепость его пронзительному взгляду, который трудно было переварить на голодный желудок. Сэр Родерик был высок, широкоплеч и являлся обладателем огромной лысой головы, напоминавшей своими размерами и формой купол собора Святого Павла. Должно быть, он носил девятый размер шляпы, никак не меньше. Кстати, это доказывает, как глупо развивать свои мозги.

— Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте! — жизнерадостно выкрикнул я, стараясь выглядеть радушным хозяином, и тут же подумал, что говорю именно то, против чего предостерегала меня тётя Агата. Чертовски трудно начать разговор в подобных случаях. Если ты живёшь в лондонской квартире, это связывает тебя по рукам и ногам. Я имею в виду, если б я был молодым сквайром, принимавшим гостя в своём поместье, мне ничего не стоило бы сказать: «Приветствую вас в Сластеншир-холле» — или что-нибудь в этом роде. Сравните, как глупо прозвучало бы, если бы я вдруг заявил: «Приветствую вас в квартире номер 7а дома Крайтон Мэншнз, на улице Беркли, В».

— Боюсь, я немного опоздал, — произнёс старикан, как только мы уселись за стол. — Меня задержал лорд Алястер Хантерфорд, сын герцога Рамфурлина. Он сообщил мне, что у его милости вновь появились симптомы болезни, вызывающей беспокойство всей семьи. Я не мог оставить лорда Алястера, не поговорив с ним, и поэтому не сумел прийти вовремя. Надеюсь, это не причинило вам неудобств?

— О, нет, нет, никоим образом. Значит, у герцога поехала крыша, что?

— Я бы не стал употреблять данное выражение, тем более памятуя, что речь идёт о представителе одного из благороднейших родов Англии, но у меня не вызывает сомнений, что мозг герцога несколько перевозбудился. — Он попытался вздохнуть, хотя рот у него был набит телячьей котлетой. — Моя профессия отнимает у меня массу душевных сил.

— Ещё бы!

— Иногда я ужасаюсь, глядя на то, что творится вокруг. —

Внезапно он умолк и замер, не донеся вилки до рта. — Вы держите кошку, мистер Вустер?

— А? Что? Кошку? Нет, не держу.

— Я мог бы поклясться, что либо в комнате, либо где-то поблизости только что мяукнула кошка.

— Может, такси или ещё что-нибудь на улице.

— Простите?

— Я имею в виду, такси пищат, знаете ли. Очень похоже на кошку.

— Никогда не сравнивал, — довольно холодно произнёс старикан.

— Не хотите ли немного лимонного сока с содовой? — спросил я, стараясь поменять тему разговора, принявшего нежелательный оборот.

— Благодарю вас. Полбокала, если можно.

Тошнотворный напиток, казалось, подбодрил его и вновь настроил на. дружеский лад.

— Терпеть не могу кошек. Да, о чём же я… Ну, конечно. Так вот, иногда я ужасаюсь, глядя на то, что творится вокруг. Я имею в виду не те случаи, которые требуют моего профессионального вмешательства, хотя, безусловно, они тоже участились. В данный момент я говорю о том, что мне приходится наблюдать каждый день в Лондоне. С каждой минутой я всё больше и больше убеждаюсь, что все люди на свете — душевнобольные. Например, не далее как сегодня утром я ехал из своего клуба домой, а так как погода стояла прекрасная, я велел шофёру откинуть верх машины и уселся поудобнее, наслаждаясь весенним солнышком, когда мы остановились посередине улицы, попав в так называемую «пробку», неизбежную в перегруженном транспортом Лондоне.

Должно быть, какое-то время я его не слушал, потому что когда он остановился передохнуть и сделать очередной глоток лимонного сока, у меня почему-то возникло смутное ощущение, что он прочёл мне какую-то лекцию.

— Браво, браво! — воскликнул я.

— Простите?

— Нет, нет. Вы говорили…

— Машины, следующие в противоположном направлении, тоже остановились, но почти сразу же продолжили путь, и в это время произошло нечто необычайное. С моей головы внезапно сорвали шляпу! А когда я обернулся, то увидел, что ею радостно машут мне из окна такси, исчезающего за углом!

Я удержался от смеха, но сами понимаете, чего мне это стоило. По крайней мере я отчётливо услышал, как мои рёбра

заходили ходуном.

— Должно быть, кто-то решил над вами подшутить, что? — спросил я.

Моё предположение, казалось, не понравилось старикану.

— Надеюсь, — сказал он, — меня нельзя обвинить в отсутствии чувства юмора, но должен признаться, я не вижу ничего смешного в этом возмутительном поступке. Безобразие! Такое мог совершить только душевнобольной! Герцог Рамфурлин, о котором я упоминал, — только учтите, это строго конфиденциально, — вообразил, что он канарейка, и приступ, взволновавший лорда Алястера, случился с ним по той причине, что нерадивый лакей забыл принести ему утром кусок сахара. Очень часты случаи, когда мужчины подкарауливают женщин, чтобы отрезать прядь их волос. Смею предположить, что примерно такой же манией обладал человек, похитивший мою шляпу. Могу лишь надеяться, что над ним вовремя установят наблюдение, не то он… Мистер Вустер, здесь есть кошка! Это не на улице! Мяуканье доносится из соседней комнаты!

Должен признаться, на этот раз я тоже отчётливо услышал мяуканье. Я нажал на кнопку звонка, и Дживз тут же вплыл в комнату и остановился в почтительной позе.

— Сэр?

— Послушай, Дживз! — воскликнул я. — Кошки! Что ты на это скажешь? В квартире есть кошки?

— Только три, сэр. В вашей спальне.

— Что?!

— Кошки в спальне, — услышал я трагический шёпот сэра Родерика. Глаза старикана пронзили меня насквозь.

— В каком это смысле только три?

— Чёрное, серое и рыжее животные, сэр.

— О чём ты… — Обогнув стол со скоростью курьерского поезда, я бросился к двери. К несчастью, сэр Родерик кинулся в том же направлении, и мы столкнулись со страшной силой, одновременно вылетев в прихожую. Старикан ловко вышел из клинча и схватил с вешалки зонтик.

— Не подходите! — завопил он, размахивая зонтиком над головой. — Не подходите, сэр! Я вооружён!

— Ради бога, простите, — сказал я. — Решил проверить, в чём дело, и совершенно случайно с вами столкнулся. Виноват.

Он опустил зонтик и, казалось, несколько успокоился, но в эту минуту в спальне начался концерт. У меня создалось такое впечатление, что все лондонские коты, поддерживаемые собратьями из окрестностей, решили выяснить между собой отношения раз и навсегда. Нечто вроде расширенного состава

симфонического оркестра.

— Это невыносимо! — вскричал сэр Родерик. — Я сам себя не слышу!

— Мне кажется, сэр, — почтительно произнёс Дживз, — что животные пришли в некоторое возбуждение, обнаружив под кроватью мистера Вустера свежую рыбу.

Старикан покачнулся.

— Рыбу? Я правильно расслышал?

— Сэр?

— Вы сказали, под кроватью мистера Вустера лежит свежая рыба?

— Да, сэр.

Сэр Родерик застонал и потянулся за своей тростью.

— Разве вы уже уходите? — спросил я.

— Да, мистер Вустер, ухожу. Я предпочитаю проводить свой досуг в менее эксцентричном обществе.

— Но послушайте! Подождите, я пойду с вами! Произошло нелепое недоразумение! Я уверен, всё уладится! Дживз, мою шляпу.

Расторопный малый мгновенно повиновался, и я напялил шляпу себе на голову.

— Боже всемогущий!

Такого шока я давно не испытывал. Я просто утонул, если можно так выразиться. Когда я взял шляпу в руки, она сразу показалась мне несколько просторной, а как только я её надел, у меня возникло такое ощущение, что на мне шлем с забралом.

— Что такое? Это не моя шляпа.

— Это моя шляпа, — сказал сэр Родерик ледяным тоном. Давно так со мной никто не разговаривал. — Та самая шляпа, которую у меня украли сегодня утром, когда я ехал в машине.

— Но…

Быть может, Наполеон или ещё кто-нибудь запросто выкрутились бы из создавшегося положения, но у меня пороху не хватило. Я стоял с идиотским выражением на лице и отвисшей нижней челюстью, в то время как старикан забрал у меня свою шляпу и повернулся к Дживзу.

— Я прошу вас, мой милый, — сказал он, — проводить меня до машины. Мне бы хотелось задать вам несколько вопросов.

— Слушаюсь, сэр.

По правде говоря, я был сыт по горло. Я имею в виду, коты в спальне — это уж слишком, что? Я понятия не имел, как они умудрились туда попасть, но я не собирался позволить устраивать им в моей квартире пикник. Я распахнул дверь настежь, увидел посередине комнаты клубок переплетённых тел, а затем мимо

меня промчались и выскочили на лестничную площадку сто пятнадцать кошек всевозможных расцветок, оставив после себя на ковре огромный рыбий скелет, укоризненно на меня смотревший, словно он требовал извинений в письменном виде за то, что с ним произошло.

В выражении рыбьих глаз было нечто жуткое, и у меня мурашки побежали по коже. Я осторожно закрыл дверь, попятился, и неожиданно на кого-то наткнулся.

— Ох, простите, — сказал он.

Резко повернувшись, я увидел того самого розовощёкого парня, лорда Такого-то, который приехал в Лондон вместе с Юстасом и Клодом.

— Послушайте, — виновато произнёс он, — ради бога, извините за беспокойство, но это не мои коты только что промчались по лестнице? Они были очень похожи на моих котов.

— Они выскочили из моей спальни.

— Значит, это были мои коты! — печально объявил он. — Проклятье!

— Вы оставили своих котов в моей спальне?

— Это сделал ваш камердинер, как его… Он очень благородно предложил подержать их там до отхода моего поезда. А сейчас они удрали! Ну да ладно, теперь уже ничего не поделаешь. По крайней мере я заберу шляпу и рыбу.

Этот парень нравился мне всё меньше и меньше.

— Рыбу тоже вы мне подсунули?

— Нет, Юстас. А шляпа принадлежит Клоду.

Окончательно лишившись сил, я опустился на стул и спросил:

— Послушайте, вы не могли бы объяснить, в чём тут дело?

Парень изумлённо на меня уставился.

— Как, неужели вы не знаете? Вот это да! — Он покраснел до корней волос.

— Но если вы ничего не знаете, неудивительно, что эта история показалась вам чудной.

— Чудной — не то слово.

— Мы это сделали для «Искателей», знаете ли.

— Искателей?

— Так называется клуб в Оксфорде, знаете ли, куда ваши кузены и я очень хотим попасть. Чтобы тебя приняли, надо что-нибудь слямзить, знаете ли. Какой-нибудь, знаете ли, сувенир. Полицейский шлем, знаете ли, или дверной молоток, или что-нибудь ещё, знаете ли. Когда члены клуба собираются на ежегодный праздничный обед, стены комнаты украшаются трофеями, и все произносят речи, ну, и всё такое. Здорово

получается! Ну вот, мы хотели свистнуть что-нибудь особенное, стильное, если вы понимаете, о чём я говорю, поэтому приехали в Лондон, рассчитывая заполучить что-нибудь необычное. И с самого начала нам удивительно подвезло! Вашему кузену Клоду удалось стянуть с головы одного деятеля в автомобиле очень даже приличную шляпу, а ваш кузен Юстас незаметно свистнул свежего лосося в «Харродзе», а мне посчастливилось умыкнуть трёх котов всего за один час. Должен вам сказать, мы воспряли духом дальше некуда. А затем возник вопрос, куда всё это подевать до отхода поезда. Уж больно подозрительно, знаете ли, бродить по Лондону с рыбой и кучей котов. Потом Юстас вспомнил о вас, и мы приехали к вам в кэбе. Вы ушли погулять, но ваш камердинер сказал, что вы не будете возражать. А когда мы вас встретили, вы торопились, и нам ничего не удалось вам объяснить. Ну ладно, я возьму шляпу, если вы не возражаете.

— Её здесь нет.

— Нет?

— Старикан, у которого вы её стянули, был тем самым человеком, которого я пригласил на ленч. Он забрал свою шляпу.

— Это надо же! Бедняга Клод будет вне себя. А как насчёт лосося?

— Хотите полюбоваться на останки?

Увидев скелет, он огорчённо вздохнул.

— Вряд ли комитет согласится зачислить нас в клуб на основании такого трофея. От рыбы почти ничего не осталось, да?

— Её съели коты.

Он глубоко вздохнул.

— Ни котов, ни рыбы, ни шляпы. Зря старались. Вот невезуха! И кроме того

— мне, конечно, жутко неудобно вас беспокоить, — но не могли бы вы одолжить мне десятку?

— Десятку? Зачем?

— Видите ли, дело в том, что мне необходимо заплатить штраф за Клода и Юстаса. Их арестовали.

— Арестовали?!

— Да. На радостях, что им так легко удалось добыть шляпу и лосося, да ещё после шикарного ленча, они немного переусердствовали и попытались умыкнуть грузовик. Глупо, конечно, потому что всё равно им не удалось бы пригнать его в Оксфорд и предъявить комитету. Но мне не удалось их отговорить, и когда водитель поднял шум, завязалась драка, так что сейчас Клод и Юстас дожидаются в полицейском участке на Вайн-стрит, пока я не уплачу за них штраф. Поэтому, если вас не затруднит… ох, большое спасибо, очень любезно с вашей

стороны. Не мог же я бросить их в беде, да? Я имею в виду, они ребята что надо, знаете ли. У нас в университете их очень любят. Они пользуются большой популярностью.

— Неудивительно! — сказал я.

* * *

Когда Дживз вернулся, я его поджидал, чтобы сказать ему пару тёплых слов.

— Ну? — спросил я.

— Сэр Родерик задал мне несколько вопросов, сэр, касательно ваших привычек и образа жизни, на которые я ответил со всевозможной осторожностью.

— Я не об этом тебя спрашиваю. Мне хотелось бы знать, почему ты с самого начала не соизволил объяснить ему, в чём дело. Одно твоё слово, и всё было бы в порядке.

— Да, сэр.

— А сейчас он ушёл, твёрдо убеждённый в том, что я псих.

— Вспоминая нашу беседу, сэр, я не удивлюсь, если подобная мысль пришла ему в голову.

Я только собрался его отчитать, как зазвонил телефон. Дживз снял трубку.

— Нет, мадам. Мистера Вустера нет дома. Нет, мадам, я не знаю, когда он вернётся. Да, мадам, я передам ему вашу просьбу. — Он повесил трубку. — Миссис Грегсон, сэр.

Тётя Агата! Так я и думал. После неудавшегося ленча с сэром Родериком её тень всё время маячила перед моими глазами, если так можно выразиться.

— Она уже знает?

— Насколько я понял, сэр Родерик звонил ей по телефону, сэр, и…

— Свадебная церемония отменяется, что?

Дживз кашлянул.

— Похоже на то, сэр. Миссис Грегсон не почтила меня своим доверием, но она сильно возбуждена…

Чудно, но меня до такой степени достали старикан, кошки, рыба, розовощёкий лорд и всё остальное, что я только сейчас сообразил, как мне подфартило. Клянусь своими поджилками, у меня словно гора с плеч свалилась. Я чуть было не закричал от восторга!

— Дживз! — воскликнул я. — Не сомневаюсь, это ты всё

подстроил!

— Сэр?

— Я имею в виду, ты с самого начала держал ситуацию под контролем.

— Видите ли, сэр, Спенсер, дворецкий миссис Грегсон, который случайно подслушал, о чём вы беседовали за ленчем у неё в доме, передал мне ваш разговор, и должен признаться — простите мне эту вольность, — я надеялся, что какие-нибудь обстоятельства помешают вам вступить в законный брак. Сомневаюсь, что молодая леди была бы вам парой, сэр.

— И она выкинула бы тебя за дверь через пять минут после свадьбы.

— Да, сэр. Спенсер сообщил мне, что мисс Глоссоп высказывала подобное намерение. Миссис Грегсон желает, чтобы вы немедленно позвонили ей, сэр.

— Вот как? Что ты мне посоветуешь, Дживз?

— Мне кажется, вам следует отправиться в путешествие, сэр. Заграничные впечатления доставят вам удовольствие.

Я покачал головой.

— Она ко мне приедет.

— Вряд ли, сэр, если вы уедете достаточно далеко. Комфортабельные лайнеры уходят в Нью-Йорк каждую среду и субботу.

— Дживз, — сказал я. — Ты, как всегда, прав. Закажи билеты.

ГЛАВА 9. Рекомендательное письмо

Знаете, чем больше я живу на свете, тем сильнее убеждаюсь, что половина неприятностей в мире происходит оттого, что одни типы легкомысленно пишут рекомендательные письма другим типам, которые вручают их третьим типам. Это одна из причин, по которым можно пожалеть, что мы не живём в каменном веке. Я, как вы понимаете, имею в виду, что если б в те времена один тип захотел написать рекомендательное письмо другому типу, ему пришлось бы провести месяц, а то и больше, высекая его на булыжнике, и я не сомневаюсь, что тот, другой тип пронёс бы булыжник не более мили, а потом плюнул бы на все рекомендации и бросил бы его посередине дороги. Но в наши дни рекомендательные письма пишет каждый, кому не лень, а в результате страдают безобидные парни вроде меня.

Заметьте, всё, что я говорил выше, испытано мной на собственном опыте. Я не стану кривить душой и честно признаюсь, что перво-наперво, так сказать, когда Дживз сообщил мне — это произошло недели через три после моего прибытия в Америку, — что какой-то придурок по имени Бассингтон-Бассингтон явился ко мне с рекомендательным письмом от тёти Агаты… о чем это я? Ах, да… Я честно признаюсь, что перво-наперво я воспрял духом. Видите ли, после довольно неприятных событий, заставивших меня покинуть Англию, я никак не ожидал получить от тёти Агаты весточку, потому что она не могла написать мне ничего, что прошло бы цензуру. И для меня явилось довольно приятной неожиданностью прочитать её довольно любезное послание. Возможно, несколько холодное, но в общем достаточно вежливое. Я стал думать о будущем с надеждой. Она протягивала мне оливковую ветвь, знаете ли. Или цветок апельсина? Я всегда их путаю. Короче, я имею в виду, раз тётя Агата написала мне пристойное письмо, значит, она сделала первый шаг к примирению.

А я хотел мира всей душой, и чем скорее, тем лучше. Поймите меня правильно, я слова худого не скажу о Нью-Йорке. Мне он даже понравился, и я неплохо проводил здесь время. Но факт остаётся фактом: парень, всю жизнь проживший в Лондоне, начинает тосковать по дому на чужбине, и я мечтал очутиться в своей старой, доброй квартире на Беркли-стрит, а такая возможность могла представиться мне только в том случае, если бы тётя Агата угомонилась и простила бы мне историю с Глоссопами. Лондон, конечно, большой город, но поверьте мне на слово, он недостаточно велик, чтобы жить в нём вместе с тётей

Агатой, если она имеет на тебя зуб. Поэтому, должен признаться, этот самый Бассингтон-Бассингтон был для меня всё равно что Голубь Мира. Он прибыл в Нью-Йорк в семь сорок пять утра, совершенно непристойный час. Дживз очень вежливо указал ему на дверь и предложил прийти часа через три, таким образом дав мне реальный шанс проснуться и радостно приветствовать наступивший день. Должен признаться, Дживз поступил благородно, так как совсем недавно между нами возникла некоторая напряжённость, так сказать, лёгкое трение; одним словом, пробежала черная кошка из-за шикарных лиловых носков, которые я носил вопреки его желанию; и человек менее великий, чем Дживз, наверняка ухватился бы за возможность отомстить мне и запустил бы Сирила в мою спальню, когда я и двух слов не смог бы сказать даже своему лучшему другу. Пока я не выпью чашку чая и не погрущу в полном одиночестве, я не в состоянии вести светские разговоры.

Итак, Дживз поступил крайне благородно, вытурив Сирила на свежий воздух и вручив мне его визитную карточку вместе с утренним чаем.

— Это ещё кто такой, Дживз? — спросил я, не совсем соображая спросонок.

— Насколько я понял, джентльмен прибыл из Англии, сэр. Он заходил к вам утром.

— Великий боже, Дживз! Неужели утро начинается не сейчас, а ещё раньше?

— Он просил передать, что зайдёт позже, сэр.

— Никогда о нём не слышал. А ты, Дживз?

— Мне известен род Бассингтон-Бассингтонов, сэр. Я знаю три ветви Бассингтон-Бассингтонов: шропширские Бассингтон-Бассингтоны, хэмпширские Бассингтон-Бассингтоны и кентские Бассингтон-Бассингтоны.

— Похоже, Англия завалена Бассингтон-Бассингтонами.

— Совершенно верно, сэр.

— Вряд ли они внезапно закончатся, что?

— Должно быть, так, сэр.

— А этот откуда?

— Не могу знать, сэр. Я недостаточно хорошо с ним знаком.

— Судя по твоим впечатлениям, Дживз, ты не хочешь заключить со мной пари, два к одному, что он не какой-нибудь придурок или псих?

— Нет, сэр. Шансы слишком неравны.

— Так я и думал. Что ж, нам остаётся надеяться, что он не полный придурок.

— Время покажет, сэр. Джентльмен принес вам письмо, сэр.

— Да ну? — спросил я и взял конверт. А затем я узнал почерк. — Послушай, Дживз, письмо от тёти Агаты.

— Вот как, сэр?

— Напрасно ты говоришь таким легкомысленным тоном. Разве тебе не понятно, что это означает? Она пишет, чтобы я присмотрел за этим психом, пока он будет жить в Нью-Йорке. Прах меня побери, Дживз, если только мне удастся ублажить этого придурка и он благосклонно обо мне отзовётся, я смогу вернуться в Англию к гудвудским скачкам. Дживз, ты должен мне помочь. Нам необходимо поднапрячься и угодить этому парню во что бы то ни стало.

— Да, сэр.

— Он пробудет в Нью-Йорке недолго, — сказал я, продолжая читать письмо. — Какие-то важные шишки в Вашингтоне должны устроить его на дипломатическую службу. Я считаю, нам удастся заслужить его любовь и уважение, если мы дадим в его честь хороший обед и пару раз пригласим на ленч. Как ты думаешь?

— Мне кажется, вы абсолютно правы, сэр.

— С тех пор, как мы уехали из Англии, я в первый раз вздохнул свободно. Тучи рассеиваются, Дживз!

— Весьма вероятно, сэр.

Он начал раскладывать мои вещи. Наступило неловкое молчание.

— Другие носки, Дживз, — сказал я, судорожно вздохнув, но стараясь говорить небрежным тоном. — Я надену лиловые.

— Прошу прощенья, сэр?

— Подай мои шикарные лиловые носки.

— Слушаюсь, сэр.

Он достал их из ящика комода, словно был вегетарианцем, выудившим из салата гусеницу. Я видел, что он сильно переживает. Жутко неприятно, и всё такое, но человек должен уметь изредка постоять за себя. Двух мнений быть не может.

* * *

Я ждал Сирила сразу после завтрака, но он всё не появлялся, поэтому около часа я отправился в клуб «Ягнята», где у меня была назначена встреча с одним деятелем, Гаффином, которого я обещал угостить ленчем. С Джорджем Гаффином, автором пьес и ещё чего-то, я познакомился сразу по прибытии в Нью-Йорк. По правде говоря, я много с кем подружился в Нью-Йорке, городе,

битком набитом богемными парнями, всегда готовыми радостно приветствовать новичка, ничего не понимающего в искусстве.

Гаффин немного опоздал, объяснив, что задержался на репетиции своей новой музыкальной комедии «Попроси папу». Мы отменно перекусили и принялись за кофе, когда официант сообщил, что меня хочет видеть Дживз.

Дживз ждал в гостиной. Он бросил на мои носки взгляд мученика и отвёл глаза.

— Только что звонил мистер Бассингтон-Бассингтон, сэр.

— Да ну?

— Да, сэр.

— Где он?

— В тюрьме, сэр.

Если б я не стоял у стены, я бы упал. Чтобы такое произошло с протеже тёти Агаты в первый же день, как он, так сказать, попал под моё крылышко!

— В тюрьме?!

— Да, сэр. Он сообщил мне по телефону, что его арестовали, и попросил вас прийти и внести за него залог.

— Арестовали! За что?

— Он не почтил меня своим доверием, сэр.

— Тяжёлый случай, Дживз.

— Совершенно справедливо, сэр.

Я прихватил старину Джорджа, который благородно вызвался меня сопровождать, и мы быстро доехали на такси до полицейского участка. Некоторое время мы сидели на деревянной скамье в приёмной, а затем появился полицейский, ведя за собой Сирила.

— Привет! Привет! Привет! — сказал я. — Что?

Насколько я могу судить, ни один парень не выглядит лучшим образом сразу после выхода из тюремной камеры. Когда я учился в университете, мне приходилось раз в год ходить туда как на работу, чтобы внести залог за одного своего приятеля, которого полицейские с тупым постоянством хватали каждую ночь после лодочных гонок между Оксфордом и Кембриджем, и когда он выходил из камеры, то был похож на нечто неприличное, провалявшееся сутки на свалке. Сирил выглядел примерно так же. У него был разорван воротничок, подбит глаз, и вообще о его внешнем виде не стоило говорить вслух, тем более писать тёте Агате. Высокий худой парень с копной соломенных волос и бледно-голубыми глазами навыкате, делавшими его похожим на какую-то редкую рыбу.

— Мне передали вашу просьбу, — сказал я.

— А, так вы Берти Вустер?

— Точно. А это — мой приятель, Джордж Гаффин. Пишет пьесы и всё такое, знаете ли.

Мы пожали друг другу руки, и полисмен, отковыряв кусок жевательной резинки из-под сиденья стула, куда он прилепил её на чёрный день, уселся в углу и принялся работать челюстями.

— Дурацкая страна, — заявил Сирил.

— О, ну, не знаю, знаете ли! — сказал я.

— Мы стараемся, — заметил Джордж.

— Старина Джордж — американец, — объяснил я. — Пишет пьесы и всё такое, знаете ли.

— Само собой, страну придумал не я, а Колумб, — сказал Джордж. — Но если вы хотите внести в неё изменения к лучшему, я с удовольствием передам ваши предложения в надлежащие инстанции.

— Для начала скажите, почему полицейские в Нью-Йорке не одеваются должным образом?

Джордж бросил взгляд на жующего в углу полицейского.

— По-моему, всё на месте, — сказал он.

— Я имею в виду, почему они не носят шлемов, как полисмены в Лондоне? Почему они выглядят как почтальоны? Это нечестно. Любой бы на моём месте оконфузился. Я стоял себе спокойно на мостовой, никого не трогал, когда парень, похожий на почтальона, подошёл ко мне и ткнул меня дубинкой под рёбра. Я не понимаю, почему я должен терпеть, когда почтальон тыкает меня под рёбра. Я не для того проплыл три тысячи миль, чтобы какой-то почтальон тыкал меня под рёбра.

— В том, что вы говорите, есть смысл, — согласился Джордж. — Как вы поступили?

— Я его отпихнул, знаете ли. У меня, знаете ли, жутко вспыльчивый характер. Все Бассингтон-Бассингтоны, если вы знаете, обладают жутко вспыльчивыми характерами! А затем он поставил мне фонарь под глазом и отволок в этот омерзительный участок.

— Я сейчас всё устрою, старина, — сказал я и, вытащив пачку банкнот, отправился на переговоры, оставив Сирила с Джорджем. Должен признаться, я чувствовал себя немного не в своей тарелке. Чело моё было покрыто морщинами, и вообще я воспринял происшедшее как дурное предзнаменование. Пока этот придурок жил в Нью-Йорке, я за него отвечал, а у меня сложилось такое впечатление, что он относится к тем придуркам, за которых приличный человек не согласится отвечать и двух минут.

Вечером, когда я вернулся домой и Дживз подал мне виски, я довольно долго размышлял о Сириле.

Я никак не мог избавиться от ощущения, что его визит в

Америку отразится на мне далеко не лучшим образом. Я ещё раз перечитал рекомендательное письмо тёти Агаты и снова убедился, что она квохчет над придурком, как курица над яйцом, и считает делом моей жизни охранять его от всяких бед, пока он живёт в одном со мной городе. Мне стало легче на душе при мысли о том, что Сирил сошёлся с Джорджем Гаффином, потому что старина Джордж был человеком серьёзным, без всяких там экивоков. После того, как я заплатил за Сирила штраф, они отправились на дневную репетицию «Попроси папу», болтая, как два закадычных друга. Насколько я понял, они договорились вместе пообедать. Пока Сирил находился под неусыпным оком Джорджа, мне не о чем было беспокоиться.

Мои размышления прервал Дживз, который принёс мне телеграмму. Вернее, это была каблограмма от тёти Агаты, и вот что в ней было написано:

«Сирил Бассингтон-Бассингтон уже прибыл? Ни в коем случае не вводи его в театральные круги. Жизненно важно. Подробности письмом».

Я перечитал текст несколько раз.

— Странно, Дживз!

— Да, сэр.

— Жутко странно и совсем непонятно!

— Сегодня вечером я вам больше не нужен, сэр?

Само собой, если он даже не желал мне посочувствовать, с этим ничего нельзя было поделать. По правде говоря, я намеревался показать ему каблограмму и спросить у него совета. Но если он дулся на меня из-за лиловых носков, noblesse oblige Вустеров не позволял мне опуститься до униженных просьб.

— Нет, спасибо, можешь идти.

— Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной ночи.

Он исчез, а я продолжал сидеть, обдумывая сложившуюся ситуацию. Я напрягал свою бедную черепушку не менее получаса, стараясь разобраться, что к чему, когда раздался звонок. Я открыл дверь и увидел на пороге Сирила, который, по всей видимости, находился в приподнятом настроении.

— Если не возражаете, я зайду на минутку, — весело сказал он. — Мне надо сообщить вам одну изумительную новость.

И он скользнул мимо меня и исчез в гостиной. Когда я запер дверь и присоединился к нему, он стоял у окна и читал каблограмму тёти Агаты, хихикая самым непотребным образом.

— Наверное, мне не следовало читать чужих телеграмм, но я увидел своё имя и не удержался. Знаете, Вустер, мой старый друг, всё это смешно, спасу нет. Не возражаете, если я выпью?

Огромное спасибо, и прочее, и прочее. Хотите, посмеёмся вместе? Гаффин дал мне небольшую роль в его музыкальной комедии «Попроси папу». Блеск, знаете ли! Я, знаете ли, чувствую себя на седьмом небе!

Он залпом опрокинул виски и продолжал говорить. Казалось, он не обратил внимания, что я не заплясал от радости.

— Знаете ли, я всегда хотел стать актёром, знаете ли, — сообщил он, — но мой добрый, славный папан не соглашался ни за какие деньги. Стоило мне заикнуться на эту тему, он начинал вопить как резаный. Вот почему я приехал в Америку, если хотите знать. Если б я пошёл на сцену в Лондоне, кто-нибудь тут же настучал бы на меня папану, поэтому я всё обмозговал и сказал, что поеду в Вашингтон подучиться на дипломата. Здесь мне никто не помешает!

Я попытался вразумить придурка.

— Но рано или поздно ваш отец всё узнает.

— Подумаешь! К тому времени я буду доброй, славной звездой. У него язык не повернётся меня ругать.

— Зато со мной он не станет церемониться.

— Вы-то здесь при чём? Какое отношение вы имеете к моей театральной деятельности?

— Я познакомил вас с Джорджем Гаффином.

— Это верно, старичок, это верно. Совсем забыл вас поблагодарить. Ну ладно, мне пора. Завтра с утра репетиция «Попроси папу», так что мне надо выспаться. Чудно, что я собираюсь играть в «Попроси папу», когда именно этого я не собираюсь делать. Вы поняли, что я имел в виду? Что? Что? Ну, пока-пока!

— До свидания, — сказал я и проводил придурка до двери. Затем я кинулся к телефону и позвонил Джорджу Гаффину.

— Послушай, Джордж, как насчёт Бассингтон-Бассингтона?

— Что насчёт Бассингтон-Бассингтона?

— Он говорит, ты дал ему роль в твоей пьесе.

— Ах, да. Несколько строк.

— Но я только что получил пятьдесят семь каблограмм из дома, где меня просят и на пушечный выстрел не подпускать его к сцене.

— Прости, но Сирил именно тот, кто мне нужен. Ему просто придётся сыграть самого себя.

— Послушай, Джордж, старина, для меня это — нож острый. Моя тётя Агата прислала ко мне этого придурка с рекомендательным письмом, и она решит, что во всём виноват я.

— Она лишит тебя наследства?

— Дело не в деньгах. Но… Видишь ли, ты не знаешь мою

тётю Агату, поэтому мне трудно объяснить. Она самый настоящий вампир в юбке и не даст мне покоя, когда я вернусь в Лондон. Она съест меня со всеми потрохами и не подавится.

— В таком случае не возвращайся в Лондон. Оставайся здесь и стань президентом Америки.

— Но, Джордж, старина…

— Спокойной ночи.

— Но послушай, Джордж, дружище!

— Ты не уловил моей последней фразы. Я сказал «спокойной ночи». Вы, праздные богачи, может, и не нуждаетесь в сне, но мне завтра утром надлежит быть бодрым и весёлым. С богом!

У меня возникло такое ощущение, что меня все бросили. Мне стало так тоскливо и одиноко, что я не выдержал и постучал в дверь к Дживзу. Я редко так поступаю, но сейчас я решил, что мне необходима поддержка и Дживзу следует подбодрить своего молодого господина, даже если это нарушит его сладкий сон.

Дживз вышел ко мне в длинном коричневом халате.

— Сэр?

— Прости, что разбудил тебя, Дживз, но у меня куча неприятностей, и я не знаю, как выкрутиться.

— Я не спал, сэр. Перед сном я всегда читаю несколько страниц какой-нибудь познавательной книги.

— Прекрасно! Я имею в виду, если ты только что упражнял свои мозги, тебе легче будет решить всякие сложные проблемы. Дживз, мистер Бассингтон-Бассингтон записался в актёры!

— Вот как, сэр?

— Ах! Тебя не потрясло это известие? Ты просто не знаешь, в чём тут дело! Понимаешь, вся его семья категорически возражает против его выступлений на сцене. Я не оберусь неприятностей, если он станет актёром. И, что самое важное, тётя Агата обвинит меня во всём, что произошло. Ты понимаешь, о чём я говорю?

— Безусловно, сэр.

— Ну, ты можешь придумать какой-нибудь способ, чтобы остановить его?

— Должен признаться, в данный момент нет, сэр.

— Тогда думай, Дживз, думай!

— Я сделаю всё, что в моих силах, сэр. Я могу быть чем-нибудь ещё вам полезен?

— Надеюсь. Если ещё что-нибудь случится, а просто не выдержу. Это всё, Дживз.

— Слушаюсь, сэр.

И он удалился к себе.

ГЛАВА 10. Лифтёру неожиданно везёт

Роль, которую старина Джордж написал для придурка Сирила, умещалась на двух машинописных страницах, но безмозглый тупица, видимо, решил, что будет играть Гамлета, и зубрил её на разные лады с утра до вечера. Мне кажется, первые несколько дней он читал мне текст не менее двух десятков раз. Почему-то он вбил себе в голову, что я отношусь к нему с почтительным восхищением и готов поддержать его во всех начинаниях в любую минуту. Всё время думая о том, что скажет мне тётя Агата, и одновременно выслушивая по ночам излияния Сирила, я превратился в тень самого себя. Дживз продолжал держаться от меня, так сказать, на почтительно-вежливом расстоянии из-за лиловых носков. Такая обстановка кого угодно могла состарить в считанные дни, а о joie de vivre нечего было и думать.

Вскоре пришло письмо от тёти Агаты. Примерно на шести страницах она описывала чувства отца, когда тот узнал, что Сирил собирается стать актёром, и ещё на шести страницах вкратце излагала, что она скажет, подумает и сделает, если я не сберегу Сирила от дурного влияния театральных кругов, пока он находится в Америке. Письмо пришло днём, и, прочитав его, я ещё раз убедился, что послания тёти Агаты нельзя держать в секрете. Я находился в таком состоянии, что, не нажимая на кнопку звонка, бросился на кухню, хрипло призывая Дживза на помощь. Рывком открыв дверь, я неожиданно увидел, что попал на чаепитие. За столом сидели печальный тип, скорее всего камердинер, и мальчик в брюках и курточке.

Печальный камердинер пил виски с содовой, а мальчик уплетал джем.

— Э-э-э, послушай, Дживз, — сказал я. — Прости, что нарушил твой покой, и приятного аппетита, но…

В этот момент мальчик скосил на меня один глаз, и я почувствовал, что мне пронзили грудь. Это был холодный, тяжёлый, обвиняющий во всех смертных грехах взгляд, от которого хочется проверить, правильно ли завязан галстук. Он был довольно полным ребёнком с кучей веснушек на лице, измазанном джемом.

— Привет, привет, привет! — сказал я. — Что? — Ничего другого мне в голову не пришло.

Паренёк посмотрел на меня, как на ненужное пополнение,

которое принесла кошка, нагулявшись по крышам. Может, я тайно понравился ему с первого взгляда, но он явно дал мне понять, что был обо мне самого невысокого мнения, которое не могло измениться после нашего знакомства. Видимо, я пользовался у него таким же успехом, как остывшее жаркое.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Меня? О, Вустер, знаете ли.

— Мой папка богаче, чем ты!

И, сказав обо мне всё, что хотел, он вновь уткнулся в джем, не обращая на меня ни малейшего внимания. Я повернулся к Дживзу.

— Послушай, Дживз, ты не мог бы уделить мне минутку? Я хочу кое-что тебе показать.

— Слушаюсь, сэр.

Мы прошли в гостиную.

— Кто твой маленький друг, Дживз?

— Молодой джентльмен, сэр?

— Довольно смелое высказывание, но я тебя понял.

— Надеюсь, я не позволил себе вольность, угостив его чаем, сэр?

— Конечно, нет. Если тебе нравится проводить время подобным образом, я ничего не имею против.

— Я случайно встретил молодого джентльмена вместе с камердинером его отца, которого когда-то близко знал в Лондоне, и поэтому осмелился пригласить их обоих на чай.

— Хватит об этом, Дживз. Лучше прочти письмо.

Он просмотрел его за несколько секунд.

— Весьма неприятно, сэр, — сказал он, как будто я сам этого не знал.

— Так что же делать?

— Возможно, со временем мы найдём ответ, сэр.

— А может, не найдём?

— Всё может быть, сэр.

На этом месте нас прервал звонок в дверь. Дживз мгновенно исчез, и через минуту в гостиной появился Сирил, как всегда весёлый и жизнерадостный.

— Послушайте, Вустер, старый пень, — сказал он. — Мне нужен ваш совет. Я имею в виду свою славную, добрую роль, знаете ли. Во что мне одеться? Я хочу сказать, действие происходит в своего рода отеле, примерно в три часа пополудни. Что мне надеть, как вы думаете?

Я не был расположен обсуждать костюмы, которые надлежит носить джентльменам.

— Посоветуйтесь с Дживзом, — предложил я.

— Что за славная, добрая мысль! Где он?

— Скорее всего на кухне.

— А где ваш славный, добрый звонок? Я нажму на кнопку, да? Нет?

— Действуйте.

Дживз вплыл в комнату.

— О, Дживз, послушай, — бодро произнёс Сирил. — Я хотел перекинуться с тобой парой слов. Понимаешь… Привет, это кто?

Только теперь я заметил, что полный ребёнок просочился в гостиную вслед за Дживзом. Он стоял на пороге, глядя на Сирила так, словно его худшие опасения подтвердились. Наступило молчание. Мальчик впился в Сирила взглядом и примерно через полминуты вынес вердикт:

— Рыбья Морда.

— А? Что? — растерянно спросил Сирил.

Ребёнок, которого, видимо, мама с детства научила говорить правду, пояснил:

— У тебя лицо, как у дохлой рыбины.

Он говорил таким тоном, словно ему было ужасно жалко Сирила, и, должен признаться, я счёл это благородным и великодушным с его стороны. Честно говоря, лично у меня при взгляде на придурка каждый раз возникало чувство, что он сам виноват в том, что таким уродился. Этот мальчик нравился мне всё больше и больше. Прекрасный ребёнок. Очень чётко выражал свои мысли.

Сирилу потребовалось несколько мгновений, чтобы разобраться в ситуации, а затем в нём вскипела кровь Бассингтон-Бассингтонов.

— Прах меня побери! — вскричал он. — Будь я проклят, пропади всё пропадом!

— Я бы не согласился иметь такую харю, — убеждённо заявил мальчик, — даже если б мне предложили миллион долларов. — На мгновение он задумался, потом исправился. — Два миллиона долларов!

Что произошло дальше, я не могу описать с точностью, но следующие несколько минут скучать мне не пришлось. По-моему, Сирил прыгнул на ребёнка, и в воздухе замелькали руки, ноги и прочие части тел. Я неожиданно получил удар в районе третьей пуговицы жилета, после чего свалился на кушетку и перестал воспринимать окружающий мир. Когда я пришёл в себя, Дживз уводил мальчика за руку, а Сирил стоял посреди комнаты и фыркал, как лошадь.

— Кто этот маленький наглый негодяй, Вустер?

— Понятия не имею. Первый раз вижу.

— Я всыпал ему по первое число. Кстати, Вустер, мальчик сказал жутко странную вещь. Представляете, он крикнул, что Дживз пообещал дать ему доллар, если он обзовёт меня… э-э-э… тем, кем обозвал.

Мне это показалось неправдоподобным.

— Зачем Дживзу заниматься подобными глупостями?

— Вот и я так подумал.

— С какой стати?

— Вот именно.

— Я имею в виду, не всё ли Дживзу равно, какое у вас лицо?

— Да, — сказал Сирил, как мне показалось, довольно холодно. — Непонятно. Ну, я пошёл. До свидания.

— Пока-пока!

* * *

Примерно через неделю после этого чудного эпизода Джордж Гаффин позвонил мне и пригласил на последнюю репетицию своей комедии «Попроси папу», которая должна была пойти в следующий понедельник в Шенектаде. Последняя репетиция, объяснил мне Джордж, ничем не отличалась от генеральной, но являлась куда более увлекательной, так как все, кому не лень, могли прерывать пьесу в любом месте и делать соответствующие замечания, таким образом давая выход своим чувствам.

Репетиция начиналась в восемь часов утра с просмотра костюмов, поэтому я приехал в десять пятнадцать и не опоздал. Джордж стоял на сцене, разговаривая с каким-то типом в рубашке с короткими рукавами и ещё одним деятелем, кругленьким лысым толстячком в огромных очках. Этого последнего я несколько раз видел с Джорджем в клубе, его звали Блуменфилд, и он был директором театра. Я помахал Джорджу рукой и уселся в заднем ряду, чтобы не оказаться в гуще событий, когда дело дойдёт до драки. Через несколько минут Джордж освободился и присоединился ко мне, а спустя некоторое время занавес опустился. Парень за пианино лихо ударил по клавишам, и занавес вновь поднялся.

Я не помню точно, в чём заключался сюжет «Попроси папу», но смело могу утверждать, что он оказался вполне доступен моему пониманию, несмотря на отсутствие Сирила. Сначала я был в недоумении. Я имею в виду, Сирил не только десятки раз читал мне свою роль, но и беспрерывно говорил о том, что

следует и чего не следует делать, и, должно быть, у меня в черепушке засела мысль, что он — душа пьесы, а остальные исполнители просто вынуждены выходить на сцену, когда он с неё уходит. Я ждал появления Сирила не менее получаса и вдруг понял, что он присутствовал на сцене с первой минуты. По правде говоря, я просто не узнал его в расфранчённом уроде, который прислонился к кадке с пальмой и старался с умным видом слушать, как героиня поёт о Вечной Любви, уж не помню что. После второго куплета он принялся отплясывать вокруг неё вместе с дюжиной точно так же одетых уродов. Тягостное зрелище для того, кто видел своим внутренним взором тётю Агату, точившую нож, и старикана Бассингтон-Бассингтона с охотничьим хлыстом в руке.

Танец закончился, и Сирил с своими дружками упорхнули за кулисы. В эту минуту рядом со мной послышался голос.

— Папка!

Старикан Блуменфилд хлопнул в ладоши, и герой, сотрясавший воздух очередной руладой, мгновенно заткнулся. Я прищурился, всматриваясь в темноту. Так и есть, это был не кто иной, как маленький веснушчатый друг Дживза! Он стоял в проходе, засунув руки в карманы, с таким видом, будто театр принадлежал ему одному. В зале воцарилось молчание; присутствующие почтительно ожидали дальнейшего развития событий.

— Папка, — повторил ребёнок, — этот номер не пойдёт.

Блуменфилд-старший расплылся в улыбке.

— Тебе он не понравился, мой мальчик?

— Меня от него мутит.

— Ты абсолютно прав.

— Здесь нужно что-нибудь похлеще. Чтоб было позабористей.

— Совершенно верно, мой мальчик. Так и запишем. Ладно, можете продолжать.

Я повернулся к Джорджу, который что-то невнятно бормотал себе под нос.

— Послушай, Джордж, старина, кто этот мальчик?

Старина Джордж глухо застонал, словно у него разболелся зуб.

— Сын Блуменфилда. Я понятия не имел, что он сюда проник. Теперь начнётся!

— Он всегда так себя ведёт?

— Всегда.

— Но почему старикан его слушает?

— Этого никто не знает. Может, тут дело в отцовской любви, а может, Блуменфилд считает, что сын приносит ему удачу.

Лично мне кажется, старик убеждён, что ума у мальчика не больше, чем у среднего зрителя, и поэтому пьеса, которая понравится ребёнку, не сможет не произвести впечатления на публику. Соответственно, то, что ему не понравится, никто не пойдёт смотреть. Этот мальчик — чума, проказа и отрава. Его следовало удушить при рождении!

Репетиция продолжалась. Герой допел свою арию. Затем произошла перепалка между режиссёром и Голосом по имени Билл, который гремел откуда-то сверху. Потом на сцене вновь началась толкотня, и, наконец, настало время выхода Сирила.

Я так и не разобрался до конца, в чём заключался сюжет, но помню, что Сирил был каким-то английским лордом, приехавшим в Америку по определённым причинам. До сих пор он произнёс всего две фразы: «Эй, послушайте!» и «Да, клянусь своими поджилками!», но так как я много раз слышал его роль, я знал, что скоро он начнёт заливаться соловьём. Откинувшись на спинку кресла, я приготовился слушать.

Он стал заливаться соловьём минут через пять. К этому времени страсти разгорелись. Голос и режиссёр разругались в пух и прах по поводу какого-то прожектора. А как только они немного угомонились, цветочный горшок упал с подоконника, чуть было не отправив героя в больницу. Короче, когда Сирил, стоявший как столб у пальмы, выбежал на середину сцены, чтобы оживить представление, атмосфера накалилась до предела. Героиня что-то говорила — забыл, что именно, — а певцы хора во главе с Сирилом беспокойно топтались на месте — так всегда бывает перед исполнением номера.

Первая фраза Сирила была: «Эй, послушайте, знаете ли, вы не смеете так со мной говорить, знаете ли!», и, по-моему, он заставил свою гортань работать с энергией и je ne sais quoi. Но, разрази меня гром, прежде чем героиня успела ему возразить, наш маленький веснушчатый друг вновь решил высказать протест.

— Папка!

— Да, мой мальчик?

— Этот тип никуда не годится.

— Какой тип, мой мальчик?

— С лицом как у дохлой рыбины.

— Но у них у всех лица как у дохлых рыбин, мой мальчик.

Казалось, ребёнок понял справедливость сделанного ему замечания. Он высказался более определённо.

— Этот урод.

— Какой урод? В середине? — спросил старикан, указывая на Сирила пальцем.

— Угу. Дрянной актёришко.

— Я тоже так считаю.

— Зануда!

— Ты абсолютно прав, мой мальчик. Я давно за ним наблюдаю.

Когда разговор отца с сыном закончился, Сирил, до сих пор стоявший с отвисшей нижней челюстью, встрепенулся. Даже с заднего ряда, где я сидел, было видно, что уязвлённая гордость Бассингтон-Бассингтонов приготовилась к битве. Сначала у Сирила покраснели уши, затем нос, потом щёки, и через четверть минуты он стал похож на спелый помидор.

— Какого хрена вы имеете в виду?

— Какого хрена вы имеете в виду? — проревел Блуменфилд. — Не смейте кричать со сцены!

— У меня руки чешутся отделать этого маленького негодяя!

— Что?!

— Руки чешутся!

Старикан раздулся как мыльный пузырь и стал похож на воздушный шарик.

— Я вам, мистер!!! Как вас там!!!

— Я Бассингтон-Бассингтон, а добрые славные Бассингтон-Бассингтоны… я хочу сказать, Бассингтон-Бассингтоны не привыкли…

Блуменфилд в нескольких словах выразил своё мнение о Бассингтон-Бассингтонах и о том, к чему они не привыкли. Его сочную, яркую речь сбежалась послушать вся труппа. Счастливые лица выглядывали из-за кулис и кадок с пальмами.

— Ты не должен халтурить, когда работаешь на моего папку, — заявил веснушчатый ребёнок, укоризненно качая головой.

— Нос у тебя не дорос командовать! — запинаясь, выкрикнул Сирил.

— Что такое? — рявкнул старикан. — Вы знаете, что этот мальчик — мой сын?

— Да, — ответил Сирил, — и я сочувствую вам обоим.

— Вы уволены! — гаркнул Блуменфилд, раздуваясь до непомерной величины. — Вон из моего театра!

* * *

На следующее утро, около половины десятого, когда я выпил

чашку живительной влаги, Дживз вплыл в мою спальню и сообщил, что Сирил ожидает меня в гостиной.

— Как он выглядит, Дживз?

— Сэр?

— Как выглядит мистер Бассингтон-Бассингтон?

— Вряд ли я могу осмелиться, сэр, критиковать специфические особенности, присущие лицам ваших друзей.

— Я не об этом. Я имею в виду, он не выглядит недовольным, раздражённым, ну, в общем, сам понимаешь?

— По нему незаметно, сэр. В его поведении нет ничего необычного.

— Странно.

— Сэр?

— Нет, ничего. Пусть войдёт.

Должен признаться, я ожидал, что на Сириле отразятся события вчерашней битвы. Я думал увидеть страдальца с разбитой душой, так сказать, и трепещущим взором. Но Сирил не потерял своей жизнерадостности.

— Привет, Вустер, старичок!

— Салют!

— Я зашёл попрощаться.

— Попрощаться?

— Да. Через час отбываю в Вашингтон. — Он уселся на кровать. — Я пораскинул мозгами и решил, что поступлю нечестно с добрым, славным папаном, если стану актёром и всё такое. Как вы думаете?

— Я с вами полностью согласен.

— Я хочу сказать, он послал меня сюда расширить мой добрый, славный кругозор, и прочее, и прочее, знаете ли, и будет жутко страдать, если я плюну на его напутствие и пойду на сцену. Не знаю, понимаете ли вы меня, но я имею в виду, тут дело в совести.

— А разве в театре без вас смогут обойтись?

— О, я всё уладил. Я объяснил обстоятельства дела Блуменфилду-старшему, и он отнёсся ко мне с пониманием. Само собой, ему жаль меня терять — он сказал, что не представляет, как найти мне замену, и всё такое, — но в конце концов, хоть я и поставил его в безвыходное положение, мне кажется, я поступил правильно, отказавшись от роли. А вы как считаете?

— О, безусловно.

— Не сомневался, что вы со мной согласитесь. Ну, мне пора. Очень рад был с вами познакомиться, и прочее, и прочее. Пока-пока!

— До свидания.

Он ушёл, наврав мне с три короба и ни разу не покраснев. Сквозь его невинные голубые глаза можно было видеть противоположную стенку. Я нажал на кнопку звонка. Я много о чём успел передумать, и мне казалось, я узрел свет истины.

— Дживз!

— Сэр?

— Это ты подговорил веснушчатого ребёнка раздразнить мистера Бассингтон-Бассингтона?

— Сэр?

— О, ты прекрасно понимаешь, о чём я говорю. Ведь это ты сказал мальчику, чтобы он попросил отца выгнать мистера Бассингтон-Бассингтона из театра?

— Я никогда не осмелился бы позволить себе такую вольность, сэр. — Он начал раскладывать мою одежду. — Вполне возможно, молодой господин Блуменфилд понял из нашего с ним разговора, что я не считаю сцену подходящим поприщем для мистера Бассингтон-Бассингтона.

— Послушай, Дживз, ты просто чудо!

— Всегда к вашим услугам, сэр.

— Я жутко тебе признателен. Тётя Агата съела бы меня живьём, если б ты не помешал ему стать актёром.

— Весьма вероятно, сэр. Я приготовил вам синий костюм с красной искрой. Надеюсь, вы останетесь довольны, сэр.

* * *

Чудно, но я оделся, позавтракал и вышел на лестничную площадку, прежде чем вспомнил, что собирался отблагодарить Дживза за спортивный дух, который он проявил в деле придурка Сирила. Поверьте, у меня болело сердце, но я твёрдо решил уступить достойному малому и позволить шикарным лиловым носкам раз и навсегда уйти из моей жизни. В конце концов, надо уметь приносить жертвы. Я только собрался вернуться в квартиру и сообщить ему радостную весть, как подошёл лифт, и я подумал, что вознагражу Дживза после того, как приду домой.

Негр— лифтёр посмотрел на меня с преданностью и обожанием.

— Спаси вас бог, сэр, за вашу доброту, — сказал он.

— А? Что?

— Мистер Дживз отдал мне ваши носки, как вы велели. Спаси вас бог, сэр!

Я опустил глаза. Ноги у негра были лиловые. По-моему, я ещё не встречал ни одного лифтёра, одетого так шикарно.

— Э-э-э… Гм-м-м… Не за что! Носите на здоровье! Рад, что вам нравится! — промямлил я.

Ну, я хочу сказать, что? Вот так-то!

ГЛАВА 11. Товарищ Бинго

Эта история началась в Гайд-парке — у Мраморной арки, где самые разные диковинные типы собираются по воскресеньям, залезают на ящики из-под мыла и произносят речи. Меня вы тут не часто встретите, но так случилось, что в первое воскресенье после возвращения в добрую старую метрополию мне необходимо было нанести визит одному приятелю на Манчестерской площади, и, решив прогуляться, чтобы не прийти на свидание слишком рано, я забрёл именно в то место, о котором говорил.

Хотя Империя уже не та, что была раньше, я всегда думаю, что Гайд-парк по воскресеньям — это душа Лондона. Я хочу сказать, попав туда, ссыльный чувствует, что наконец-то вернулся домой. Так что после вынужденного пребывания в Нью-Йорке я стоял в Гайд-парке, жадно впитывая его атмосферу. Мне даже нравились чудаки на ящиках, потому что я понимал, что наконец-то очутился у себя на родине.

На почтительном расстоянии справа от меня парни в цилиндрах слушали миссионера; слева довольно энергично выступал атеист, говоривший не совсем внятно из-за отсутствия зубов; передо мной стояла группа мыслителей со знаменем, на котором было написано: «Герольды Красной Зари». Один из герольдов, бородатый тип в мятой шляпе и твидовом костюме, распространялся о Праздных Богачах так красочно, что я остановился послушать. Примерно через минуту я услышал над своим ухом чей-то голос:

— Мистер Вустер, если не ошибаюсь?

Полный, невысокий мужчина. Сначала я не сообразил, кто он такой, потом до меня дошло. Дядя Бинго Литтла, который пригласил меня на ленч, когда малыш Бинго влюбился в официантку из забегаловки. Неудивительно, что я не узнал его с первого взгляда. Когда я видел Литтла-старшего в последний раз, он был обрюзгшим стариком, севшим за стол в домашних тапочках и халате; сейчас передо мной стоял самый настоящий франт. Цилиндр, визитка и сверхмодные брюки с голубыми штрипками сверкали и переливались на солнце. Короче, он был одет с иголочки.

— О, здравствуйте! — сказал я. — Набираетесь сил?

— Я прекрасно себя чувствую, благодарю вас. А вы?

— На все сто. Только что вернулся из Америки.

— Ах! Собирали материал для одного из ваших восхитительных романов?

— Что? — Я не сразу сообразил, о чём он говорит. Затем я

вспомнил историю с Рози М. Бэнкс.

— О, нет. Просто решил на время поменять образ жизни. Вы давно не видели Бинго? — торопливо спросил я, меняя тему разговора, чтобы не обсуждать с ним моей литературной деятельности.

— Бинго?

— Вашего племянника.

— А, Ричарда. Да, довольно давно. После моей женитьбы наши отношения стали весьма прохладными.

— Очень жаль. Значит, вы женились, что? Как поживает миссис Литтл?

— Моя жена в прекрасном здравии. Но… гм-м-м… она не миссис Литтл. Со времени нашей последней встречи великодушный суверен милостиво пожаловал мне звание пэра. После опубликования Списка Награждений я стал лордом Биттлшэмом.

— Прах меня побери! Правда? Примите мои самые искренние поздравления! Так держать, что? Лорд Биттлшэм? — переспросил я. — Так это вы владелец лошади Океанский Бриз?

— Да. Женитьба во многих отношениях расширила поле моей деятельности. Моя жена интересуется скачками, и теперь я содержу небольшие конюшни. Насколько я понимаю, Океанскому Бризу отдают предпочтение — по-моему, это так называется — на скачках в Гудвуде, поместье герцога Ричмондского в Суссексе.

— Гудвудский кубок! Совершенно верно! Я готов продать последнюю рубашку и все деньги поставить на Океанский Бриз!

— Вот как? Надеюсь, животное оправдает ваши ожидания. Сам я в этом ничего не понимаю, но жена говорит, знатоки считают мою лошадь — если я не перепутал термин — «верняком».

В этот момент я обратил внимание, что толпа притихла и с любопытством на нас смотрит, а бородатый парень на ящике тыкает пальцем в нашем направлении.

— Да, посмотрите на них! Посмотрите внимательно! — вопил бородач, заглушая голос атеиста и тем более невнятное бормотание миссионера. — Вы видите перед собой типичных представителей класса, который веками угнетал несчастных бедняков! Лентяи! Бездельники! Взгляните на тощего верзилу с маской вместо лица! Работал ли он честно хоть один день за всю свою жизнь? Нет! Вор, пустомеля и кровопийца! Могу поспорить, он не расплатился с портным за свои брюки!

По— моему, он перешёл на личности, и, должен признаться, мне это не понравилось. Однако у лорда Биттлшэма вид был довольный.

— Эти ребята обладают даром чётко выражать свои мысли. — Он ухмыльнулся.

— За словом в карман не полезут.

— Не забудьте о толстяке! — продолжал бородач. — Не обойдите его своим вниманием. Знаете, кто он такой? Лорд Биттлшэм! На свете найдётся мало людей хуже, чем он. Как вы думаете, чем он занимается с утра до вечера? Обжирается! Его бог — его желудок, и он непрестанно приносит ему жертвоприношения в виде пищи. Если б вы сейчас вспороли ему брюхо, из него вывалилось бы столько еды, что хватило бы десяти рабочим семьям на неделю!

— А знаете, метко сказано, — заметил я, но старикан, видимо, был лишён чувства юмора. Он покраснел как варёный рак и запыхтел как кипящий чайник.

— Пойдёмте отсюда, мистер Вустер, — сказал он. — Я не из тех, кто выступает против свободы слова, но я отказываюсь выслушивать вульгарную брань в свой адрес.

Мы не спеша тронулись в путь, а бородач продолжал выкрикивать гнусные оскорбления нам вслед. Жутко неприятно.

На следующий день я ненадолго забежал в клуб и неожиданно увидел в курительной комнате Бинго.

— Привет, старина! — воскликнул я, искренне обрадовавшись встрече. — Как жизнь?

— Бьёт ключом.

— Вчера я видел твоего дядю.

Рот малыша Бинго растянулся до ушей.

— Знаю, пустомеля. Присаживайся, старичок, и выпей из меня немного крови. Много наворовал, пока мы не виделись?

— Великий боже! Но ведь тебя там не было!

— Нет, был.

— Я тебя не заметил.

— Нет, заметил. Просто не узнал из-за растительности.

— Растительности?

— Бороды, мой мальчик. Ценнейшее моё приобретение. Изменяет до неузнаваемости. Само собой, неприятно, когда вслед тебе кричат «Бобёр», но с этим можно смириться.

Я уставился на него, открыв рот.

— Не понимаю.

— Это долгая история. Выпей мартини или виски с содовой, и я всё тебе объясню. Но сначала скажи мне честно, ты когда-нибудь видел такую красавицу? Разве она не самая удивительная девушка в мире?

И внезапно он вытащил откуда-то фотографию — как фокусник кролика из шляпы, — и принялся махать ею перед

моим носом. Особа женского пола, на ней запечатлённая, казалось, состояла из одних глаз и зубов.

— Боже всемогущий! — воскликнул я. — Только не говори мне, что ты опять влюбился!

Он бросил на меня недовольный взгляд.

— Что значит «опять»?

— На моей памяти с весны ты влюблялся по меньшей мере в дюжину девушек, а сейчас начало июля. Официантка в забегаловке, и Гонория Глоссоп, и…

— Ха! Хо! Те девушки? Быстро проходящие увлечения. Теперь это серьёзно.

— Где ты с ней познакомился?

— На крыше автобуса. Её зовут Шарлотта Кордэ Роуботам.

— Великий боже!

— Она не виновата, бедное дитя. Её отец окрестил её так потому, что он является горячим приверженцем революции, а подлинная Шарлотта Кордэ, если мне не изменяет память, обожала резать угнетателей в ванных, за что её можно только уважать. Ты обязательно должен познакомиться с Роуботамом-старшим, Берти. Удивительный старик. Собирается истребить всю буржуазию, раздать землю бедным и отменить титулы. Что может быть справедливее? Но ты спрашивал меня о Шарлотте. Мы сидели на крыше автобуса, и в это время пошёл дождь. Я предложил ей свой зонтик, и мы разговорились о том, о сём. Я влюбился и взял её адрес, а через несколько дней купил бороду и пошёл знакомиться с семьёй Роуботамов.

— Но для чего тебе понадобилась борода?

— Видишь ли, пока мы ехали в автобусе, Шарлотта мне всё рассказала о своём отце, и я понял, что если хочу бывать у них в доме, мне надо стать членом этой самой «Красной Зари». Сам понимаешь, не мог же я толкать речи в Гайд-парке, не изменив своей внешности. Поэтому я купил бороду, и, клянусь своими поджилками, старина, я в неё просто влюбился! Когда мне приходится её снимать, чтобы, скажем, пойти в клуб, я чувствую себя голым! Борода здорово помогла мне наладить отношения со стариком Роуботамом. Он уверен, что я большевик, вынужденный скрываться от полиции. Нет, правда, ты обязательно должен познакомиться с Роуботамом, Берти. Кстати, что ты делаешь завтра днём?

— Ничего особенного. А в чём дело?

— Прекрасно! Тогда ты сможешь всех нас пригласить к себе на чай. Я обещал сводить их в популярное кафе «Львы» после сходки, которая состоится завтра в Ламберте, но так даже лучше. Сэкономлю кучу денег, а в наши дни, если ты не потратил пенни,

считай, ты его заработал. Дядя сказал тебе, что он женился?

— Да. Кроме того, он дал мне понять, что ваши отношения стали весьма прохладными.

— Прохладными? Они на точке замерзания. С тех пор как старикан женился, он тратит деньги направо и налево, а на мне экономит. Я думаю, звание пэра обошлось ему в кругленькую сумму. Говорят, сейчас даже титул баронета стоит чёрт-те сколько. И он содержит скаковую конюшню. Кстати, загони последнюю рубашку и все деньги поставь на Океанский Бриз. Скачки на гудвудский кубок. Верняк.

— Сам знаю.

— Пролететь невозможно. Я собираюсь выиграть достаточно денег, чтобы жениться на Шарлотте. Ты, конечно, будешь в Гудвуде?

— Естественно!

— Мы тоже. В день скачек у нас состоится сходка рядом с пэддоком.

— Но послушай, зачем тебе так рисковать? Твой дядя наверняка будет в Гудвуде. А вдруг ты попадёшься ему на глаза? Он обозлится хуже некуда, если узнает в тебе парня, который смешал его с грязью в Гайд-парке.

— Как, прах побери, он может меня узнать? Пошевели мозгами, ты, вороватый кровопийца! Мне сошло это с рук вчера, сойдёт и в Гудвуде. Ну ладно, спасибо тебе за любезное приглашение, старина. Мы будем счастливы прийти к тебе завтра. Прими нас как следует, и да благословит тебя бог. Кстати, я, должно быть, ввёл тебя в заблуждение словом «чай». Не вздумай угостить нас ломтиками хлеба с маслом толщиной с сигаретную бумагу. Мы, революционеры, любим хорошо поесть. Нам потребуется что-нибудь вроде омлета, оладьев, джема, ветчины, булочек и сардин. Придём ровно в пять.

— Но, послушай, я не знаю…

— Всё ты знаешь. Олух царя небесного, ты ещё не раз поблагодаришь меня за этот чай после того, как разразится революция. Когда ты увидишь, как старик Роуботам бежит по Пикадилли, держа в каждой руке по окровавленному ножу, ты будешь счастлив напомнить ему, что в своё время он пил у тебя чай с устрицами. Нас будет четверо: Шарлотта, твой покорный слуга, старик и товарищ Батт. Он наверняка с нами увяжется.

— Кто такой, чёрт побери, товарищ Батт?

— Ты не обратил внимания на парня, который стоял слева от меня в Гайд-парке? Невысокий тщедушный тип. Похож на дохлую треску. Это Батт. Мой соперник, прах его побери. В настоящий момент он вроде как обручён с Шарлоттой. Пока я не появился,

его дело было на мази. У него голос как труба, и старик Роуботам души в нём не чает. Но, — будь я проклят, — если я не смогу переплюнуть этого Батта, заткнуть его за пояс и выбросить на помойку, где ему самое место, значит, я уже не тот, что был раньше. Может, он и умеет надрывать глотку, но у него нет моего дара красноречия. Слава богу, в Оксфорде я управлял лодкой во время регаты. Ну ладно, мне пора. Послушай, не подскажешь, где бы мне раздобыть пятьдесят фунтов?

— Почему бы тебе не пойти работать?

— Работать? — изумлённо переспросил Бинго. — Мне? Нет, спасибо, я как-нибудь выкручусь. Дело в том, что на Океанский Бриз я хочу поставить не меньше полтинника. До завтра, Берти. Благослови тебя господь, старичок, и не забудь про оладьи.

* * *

Понятия не имею, почему так получилось, но ещё со школьной скамьи я чувствовал себя ответственным за малыша Бинго. Я хочу сказать, он мне не сын (слава богу), и не брат, и вообще не имеет ко мне ни малейшего отношения, но тем не менее большую часть моей жизни я вынужден хлопотать над ним как курица над яйцом и вечно вытаскивать его из всяких передряг. Должно быть, тут дело в том, что я человек редкой души, или как там это называется. По правде говоря, его последнее любовное приключение довольно сильно меня обеспокоило. Казалось, он выбивался из последних сил, чтобы стать членом семьи умалишённых, но как, прах меня побери, он собирался содержать даже ненормальную жену на ноль дохода в год, было выше моего понимания. Старикан Биттлшэм наверняка бы перестал выплачивать Бинго содержание, если бы он вступил в подобный брак, а чем лишить Бинго содержания, проще было дать ему топором по голове и прекратить его мучения раз и навсегда.

— Дживз, — сказал я, вернувшись домой. — Я сильно волнуюсь.

— Сэр?

— За мистера Литтла. Я тебе ничего сейчас не стану объяснять, потому что завтра он приведёт к нам на чай своих друзей, и тогда ты сможешь составить о них своё мнение. Я хочу, чтобы ты внимательно наблюдал за ними, Дживз, и сделал бы определённые выводы.

— Слушаюсь, сэр.

— Кстати, насчёт чая. Подай на стол оладьи.

— Да, сэр.

— А также джем, ветчину, булочки, омлет и пять или шесть вагонов сардин.

— Сардин, сэр? — переспросил Дживз, задрожав с головы до ног.

— Сардин.

Наступило неловкое молчание.

— Не упрекай меня, Дживз, — сказал я. — Это не моя вина.

— Нет, сэр.

— Ну, кажется, всё.

— Да, сэр.

Я видел, что малый явно загрустил.

* * *

Когда ты ждёшь в жизни каких-то больших неприятностей, как правило, всё обходится, но в случае с Бинго и его друзьями этого не произошло. С того самого момента, как он навязался ко мне в гости, я чувствовал, что дело дрянь, и не ошибся. Самым неприятным во всей этой истории был факт, что впервые с тех пор, как я познакомился с Дживзом, я увидел его почти взволнованным. Мне кажется, у каждого человека есть своё больное место, и малыш Бинго ударил по нему Дживза в тот самый момент, когда ворвался в комнату, украшенный шестидюймовой бородой, свисавшей с его подбородка. Я совсем забыл предупредить Дживза насчёт бороды, и для бедняги она была как гром среди ясного неба. Я увидел, как у малого отвалилась нижняя челюсть, после чего он ухватился за стол, чтобы не упасть. Заметьте, я его не виню. Мало кто выглядел омерзительнее, чем малыш Бинго, поросший мхом. Дживз побледнел, но слабость его быстро прошла, и он вновь стал самим собой. И тем не менее мне было ясно, что он испытал сильное душевное потрясение.

Малыш Бинго был слишком занят тем, что представлял меня толпе своих знакомых, и поэтому не обратил на Дживза никакого внимания. Такую коллекцию людей я видел впервые в жизни. Товарищ Батт выглядел как упырь, вышедший из мёртвого леса после дождя; побитый молью — другими словами я не могу описать старика Роуботама; что же касается Шарлотты, глядя на

неё, я перенёсся в неведомый мне кошмарный мир. По правде говоря, если б она отказалась от жирной пищи и занялась бы зарядкой по утрам и вечерам, это пошло бы на пользу и ей, и тем, кто с ней общался. А так её было слишком много. Пышные формы. Вежливо говоря, чрезмерная упитанность. Кроме того, быть может, у неё и было золотое сердце, но первое, что бросалось в глаза, были её золотые зубы. Я знал, что малыш Бинго, когда на него находило, мог влюбиться в любую особь противоположного пола, но на этот раз я не находил ему оправданий.

— Мой друг, мистер Вустер, — заключил Бинго церемонию представления. Старик Роуботам сначала оглядел меня с ног до головы, потом окинул точно

таким же взглядом комнату и, насколько я понял, остался недоволен. Само собой, моя квартира не поражает восточным великолепием, но я привык к комфорту, и ему, видимо, это пришлось не по душе.

— Мистер Вустер? — спросил он. — Могу я называть вас товарищ Вустер?

— Простите?

— Вы сочувствуете революции?

— Ну, видите ли, не совсем. Понимаете, насколько мне известно, смысл революции заключается в том, чтобы резать таких, как я, а мне такая перспектива не очень нравится.

— Но я склоняю его к этой мысли, — заверил Бинго. — Я с ним борюсь. Ещё несколько бесед, и он одумается.

Старик Роуботам посмотрел на меня с сомнением.

— Товарищ Литтл обладает даром красноречия, — признался он.

— Я думаю, он говорит просто замечательно, — заявила девица, и малыш Бинго посмотрел на неё с такой преданностью и обожанием, что я чуть было не упал. Товарища Батта этот взгляд привёл в уныние. Он скорчил физиономию ковру и пробормотал что-то насчёт игры с огнём.

— Чай подан, сэр, — сказал Дживз.

— Чай, ребята! — воскликнула Шарлотта, встрепенувшись, как лошадь при звуках охотничьего рога. Мы сели за стол.

Странно, как человек меняется с годами. Помнится, в школе я душу продал бы за омлет и сардины в пять часов пополудни, но мои дурные привычки прошли с возрастом, и сейчас, должен признаться, я с ужасом смотрел, как сыновья и дочь революции уткнулись в тарелки и принялись поглощать пищу. Даже товарищ Батт временно повеселел и по уши зарылся в омлет, отвлекаясь только для того, чтобы выхлебать очередную чашку чая. В конце

концов кипяток закончился, и я повернулся к Дживзу.

— Принеси кипятку.

— Слушаюсь, сэр.

— А? Что такое? Что такое? — Старик Роуботам поставил чашку на блюдце и сурово на нас посмотрел. Затем он похлопал Дживза по плечу. — Никакого раболепия, мой милый, никакого раболепия!

— Прошу прощенья, сэр?

— Не называй меня «сэр». Говори мне «товарищ». Ты знаешь, кто ты такой, мой милый? Пережиток обречённой феодальной системы.

— Слушаюсь, сэр.

— Кровь закипает в моих жилах, когда я слышу…

— Не хотите ли сардинку? — предложил Бинго, тем самым совершив первый разумный поступок за всё время нашего знакомства. Старик Роуботам взял три сардинки и успокоился, а Дживз удалился. Хотите верьте, хотите нет, по его спине было видно, что он чувствовал.

Наконец, когда мне начало казаться, что чаепитие будет продолжаться вечно, я неожиданно понял, что гости собрались уходить.

Сардины и примерно три четверти кварты чая умиротворили старика Роуботама. Он дружелюбно пожал мне руку.

— Я должен поблагодарить вас за гостеприимство, товарищ Вустер, — сказал он.

— Ну что вы! Не за что! Был очень рад…

— Гостеприимство? — фыркнул товарищ Батт над моим ухом, и мне показалось, у меня лопнула барабанная перепонка. Он угрюмо покосился на малыша Бинго и девицу, которые стояли у окна и хихикали. — Я удивлён, что кусок не застрял у меня в горле! Яйца! Оладьи! Сардины! Пища, вырванная изо рта голодающих бедняков!

— О, знаете ли! Какая ужасная мысль!

— Я пришлю вам литературу о Деле Рабочего Класса, — пообещал мне старик Роуботам. — А со временем, надеюсь, я увижу вас на наших сходках.

Дживз пришёл убрать со стола и застал меня среди руин. Хоть товарищ Батт однозначно высказался по поводу угощения, он прикончил всю ветчину, а если б то, что осталось от джема, можно было засунуть в рот голодающим беднякам, они даже не почувствовали бы его вкуса.

— Ну, Дживз, — спросил я, — что скажешь?

— Я предпочёл бы не высказывать своего мнения, сэр.

— Дживз, мистер Литтл влюблён в эту особу женского пола.

— Я понял, сэр. Она слегка шлёпнула его в коридоре.

— Шлёпнула?

— Да, сэр. Игриво.

— Великий боже! Я не знал, что дело зашло так далеко. А как отреагировал товарищ Батт? Или, может, он не видел?

— Он зорко наблюдал за всем происходящим, сэр. Мне показалось, он сильно ревнует.

— Я его не виню. Дживз, что нам делать?

— Не могу сказать, сэр.

— Знаешь, всё это ужасно.

— Совершенно верно, сэр.

Другого утешения я от Дживза не добился.

ГЛАВА 12. Бинго не везёт в Гудвуде

Я обещал Бинго встретиться с ним на следующий день, чтобы высказать своё мнение о его треклятой Шарлотте, и сейчас медленно шёл по Сент-Джеймс-стрит, обдумывая, как бы поделикатнее довести до его сведения, что я ещё не встречал более отвратительной женщины. Внезапно из дверей Девонширского клуба вышел не кто иной, как Бинго в сопровождении своего дяди, лорда Биттлшэма. Я ускорил шаг и догнал их.

— Привет, привет, привет! — воскликнул я.

Результат получился неожиданным. Старикан задрожал с головы до ног, как бланманже во время землетрясения. Глаза у него чуть не выскочили из орбит, а лицо стало зелёным.

— Мистер Вустер! — Казалось, он несколько пришёл в себя, поняв, что я не самое худшее, что могло с ним произойти. — Вы меня ужасно напугали.

— Ради бога, простите!

— Моему дяде, — сказал Бинго-младший трагическим шёпотом, — сегодня утром немного не по себе. Он получил письмо с угрозами.

— Написанное, — объяснил старикан, — необразованным человеком и не оставляющее никаких сомнений в том, что со мной собираются сделать. Мистер Вустер, вы помните зловещего бородача, который оклеветал меня в Гайд-парке в прошлое воскресенье?

Я подпрыгнул на месте и бросил на Бинго испуганный взгляд. Малыш смотрел на своего дядю с дружеским участием.

— Э-э-э… ах, да, — промямлил я. — Помню.

— Вы смогли бы его узнать, если потребуется?

— Ну, я… гм-м-м… что вы имеете в виду?

— Дело в том, Берти, — вмешался в разговор Бинго, — что мы считаем бородача зачинщиком. Вчера поздно вечером я прогуливался в Паунсби Гарденз, где живет дядя Мортимер, и, проходя мимо его дома, заметил человека, воровато сбегавшего с крыльца. Вероятно, он подсунул письмо под входную дверь. Я помню, что у него была борода. Тогда я не придал этому значения, но сегодня утром, когда дядя Мортимер показал мне полученное письмо и рассказал о бородаче в парке, я сделал определённые выводы. Теперь я провожу расследование.

— Я считаю, надо поставить в известность полицию, — сказал лорд Биттлшэм.

— Нет, — твёрдо произнёс Бинго. — Слишком рано. Это

помешает мне докопаться до истины. Не беспокойся, дядя, я выслежу этого типа. Предоставь это дело мне. Давай я поймаю тебе такси и обсужу ситуацию с Берти.

— Ты хороший мальчик, Ричард, — прочувствованно заявил Биттлшэм, и мы усадили его в машину и отправили домой. Я повернулся к Бинго и посмотрел ему прямо в глаза.

— Это ты послал письмо? — спросил я.

— Конечно! Жаль, ты его не читал, Берти. Одно из лучших писем, которые я когда-либо написал!

— Но зачем?

— Берти, мой мальчик, — покровительственно произнёс Бинго, ухватившись за рукав моего пиджака, — у меня была веская причина. Потомство может сказать обо мне много разных слов, но оно никогда не посмеет заявить, что у меня не варила голова. Взгляни! — И он помахал перед моим носом клочком бумаги.

— Великий боже! — Это был чек, самый настоящий чек на пятьдесят самых надёжных друзей в мире, подписанный Биттлшэмом и выданный Р. Литтлу! — За что?

— Расходы, — объяснил Бинго, пряча чек. — Не думаешь же ты, что расследование можно вести, не тратя денег? Сейчас я пойду в банк и получу наличные. Чуть позже я отправлюсь к своему букмекеру и поставлю всю сумму на Океанский Бриз. В подобного рода ситуациях, Берти, необходим тактичный подход, и ничего больше. Если б я обратился к своему дяде и попросил его отстегнуть мне пятьдесят фунтов, что бы я получил? Фигу! Но, использовав тактичный подход… Да, кстати, что ты думаешь о Шарлотте?

— Видишь ли…

Малыш Бинго любовно потрепал рукав моего пиджака.

— Знаю, старина, знаю. Не пытайся подыскать слова. Она тебя сразила наповал, верно? Ты потерял дар речи, да? Я знаю! Она на всех так действует. Ну, мне пора, старичок. Ах да, прежде чем я уйду… Как тебе Батт? Ха! Ошибка природы, правда?

— Должен признаться, он несколько угрюм.

— По-моему, я заткнул его за пояс, Берти. Сегодня днём Шарлотта согласилась пойти со мной в зоопарк. А вечером мы идём в кино. Если тебе нечего сейчас делать, прогуляйся по Бонд-стрит и купи мне свадебный подарок.

После этой истории я довольно долго не видел Бинго. Несколько раз я оставлял ему записки в клубе с просьбой позвонить мне, но они не оказали на него никакого действия. Должно быть, он был слишком занят. Сыны Красной Зари тоже не попадались мне на глаза, хотя Дживз сказал мне, что как-то

вечером встретил товарища Батта и даже разговаривал с ним. По словам Дживза, Ватт выглядел мрачнее тучи. Видимо, он проиграл состязание, в котором призом была Шарлотта.

— Мистер Литтл окончательно его вытеснил, сэр, — сообщил мне Дживз.

— Хуже не придумаешь, Дживз, хуже не придумаешь.

— Да, сэр.

— Когда малыш Бинго берётся за дело, засучив рукава, ему нет удержу, Дживз.

— Вы, безусловно, правы, сэр, — сказал Дживз.

Затем наступил день скачек в Гудвуде, и я отправился на ипподром, одевшись с иголочки.

По правде говоря, когда я что-нибудь рассказываю, я никогда не знаю, придерживаться ли мне одних только фактов или, так сказать, заняться разглагольствованиями и рисовать всякие там картины, и прочее, и прочее. Я имею в виду, куча деятелей, вне всякого сомнения, описали бы вам гудвудские скачки, не забыв про голубое небо, зелёную травку, весёлую толпу карманников и не менее весёлую толпу зрителей, чьи карманы подверглись опустошению, ну и всё такое. Лично я лучше ничего об этом не скажу. К тому же у меня просто рука не поднимается вдаваться в подробности этих треклятых скачек. Рана слишком свежа. Сердечная боль ещё не утихла. Видите ли, дело в том, что Океанский Бриз (будь он неладен) не мог, как выяснилось, даже мечтать о кубке. Поверьте мне, он не мог о нём даже мечтать.

Такие испытания закаляют душу. Всегда неприятно, когда фаворит вдруг приходит одним из последних; что же касается именно этого животного, все считали, что после заезда достаточно будет подойти к букмекеру и забрать деньги. Я отошёл от пэддока, стараясь как можно скорее забыть о своём несчастье, и внезапно столкнулся со стариком Биттлшэмом, который выглядел таким потрясённым и убитым горем (лицо у него было багровое, глаза вылезли из орбит, а губы тряслись), что я молча пожал ему руку.

— Я вас понимаю, — сказал я. — Прекрасно понимаю. Сколько вы спустили?

— Спустил?

— На Океанском Бризе.

— Я не ставил на Океанский Бриз.

— Что?! Вы, владелец фаворита, ничего на него не поставили?

— Я никогда не играю на скачках. Это против моих правил. Мне сказали, животное не смогло выиграть соревнований.

— Не смогло выиграть! Ваше животное отстало так сильно,

что практически пришло первым в следующем заезде!

— Ха! — сказал старикан.

— Ха! — согласился я. Затем я внезапно подумал, что тут дело нечисто. — Послушайте, если вы ничего не потеряли на скачках, почему вы так ужасно выглядите? — спросил я.

— Этот парень здесь.

— Какой парень?

— Бородач.

Вы должны понять, до какой степени я очерствел душой, когда я скажу вам, что впервые за долгое время подумал о Бинго. Я внезапно вспомнил, как он говорил мне, что обязательно будет в Гудвуде.

— В эту самую минуту он произносит зажигательную речь, направленную против меня лично! Пойдёмте! Видите толпу? — Старикан увлёк меня за собой и, используя свой вес, протиснулся в первые ряды. — Смотрите! Слушайте!

* * *

Малыш Бинго в тот день явно превзошёл самого себя. Испытывая смертельные муки от того, что поставил все свои небольшие сбережения на скотину, не пришедшую даже в первой шестёрке, он вдохновенно рассуждал о чёрных сердцах владельцев-плутократов, которые обманули доверчивую публику, дав ей понять, что лошади нет равных, в то время как она страдала одышкой и вряд ли могла пройтись по конюшне, не споткнувшись и не присев передохнуть. Затем малыш принялся рисовать печальную (и, должен признаться, очень трогательную) картину краха рабочей семьи в результате такого нечистоплотного поведения подлецов. Он говорил о рабочем человеке, простом и доверчивом, который прочитал в газетах о великолепной форме Океанского Бриза и перестал кормить жену и детей, чтобы поставить на эту тварь; отказывал себе в кружке пива, экономя каждый шиллинг; вскрыл шпилькой копилку ребёнка накануне заезда; и в конце концов потерял всё, что имел. Должен признаться, говорил он очень вдохновенно. Я видел, как старик Роуботам одобрительно кивал, а бедняга Батт мрачно смотрел на оратора с плохо скрываемой ревностью. Публика ловила каждое его слово.

— Но не всё ли равно лорду Биттлшэму, — надрывался Бинго, — потерял или нет бедный работяга свои честно

заработанные деньги? Говорю вам, друзья и товарищи, нам надо не спорить, выступать и принимать решения, а действовать! Действовать! Честные люди не могут жить спокойно, пока кровь таких, как лорд Биттлшэм, не польётся рекой!

Публика, среди которой большинство, вероятно, поставило на Океанский Бриз, одобрительно взревела. Старикан Биттлшэм подбежал к высокому полисмену, печально наблюдавшему за развитием событий, и начал что-то убеждённо ему доказывать. Полисмен дёрнул себя за ус и доброжелательно улыбнулся, но остался стоять на месте. Старикан, запыхавшись, вернулся ко мне.

— Чудовищно! — воскликнул он. — Этот человек практически угрожает меня убить, а полисмен отказывается вмешиваться! Он заявил, что это одни слова! Слова! Чудовищно!

— Точно, — согласился я, но моя поддержка почему-то его не утешила. Теперь центр сцены занял товарищ Батт. Его голос гремел, как иерихонская

труба, каждое слово было отчётливо слышно, но тем не менее он не произвёл на толпу должного впечатления. Мне кажется, он говорил слишком бесстрастно — или беспристрастно — я всегда путаюсь в этих словах. После зажигательной речи Бинго публике хотелось чего-нибудь особенного, а не общих рассуждений о правом деле рабочего класса. Беднягу Батта стали освистывать. Внезапно он умолк, не закончив фразы, и уставился на старикана Биттлшэма.

Толпа решила, что он иссяк.

— Сосунок! — выкрикнул чей-то голос.

Товарищ Батт встрепенулся, и даже с того места, где я стоял, было видно, что глаза его мстительно заблестели.

— Ах! — вскричал он. — Вы можете смеяться, товарищи, вы можете ухмыляться и презрительно пожимать плечами, но позвольте мне вас заверить, что рабочее движение ширится с каждым днём, с каждым часом! Да, оно распространилось даже на так называемое высшее общество! Возможно вы мне поверите, когда я сообщу вам, что здесь, сегодня, на этом месте, в наших рядах присутствует один из выдающихся деятелей рабочего движения, племянник того самого лорда Биттлшэма, который вызвал ваш справедливый гнев всего несколько минут назад!

И прежде чем несчастный Бинго успел сообразить, что происходит, Батт протянул руку и дёрнул его за бороду. Она оторвалась в одну секунду, и должен вам честно сказать, что, хотя речь Бинго произвела на публику небывалое впечатление, она сравниться не могла с тем успехом, который сейчас выпал на долю Батта. Я услышал изумлённый возглас лорда Биттлшэма, а затем все звуки потонули в громе аплодисментов. Я хочу отдать

Бинго должное: несмотря на кризис, он не растерялся и действовал смело и решительно.

Схватить товарища Батта за тщедушную шею и попытаться открутить ему голову было для малыша делом одной минуты. К несчастью, прежде чем он успел добиться желаемых результатов, печальный полисмен повеселел, словно по волшебству, и кинулся вперёд, а через несколько секунд уже пробирался сквозь толпу, держа Бинго за шиворот правой рукой, а товарища Батта — левой.

— Позвольте пройти, сэр, — вежливо обратился он к лорду Биттлшэму, перегородившему весь проход.

— Что? — ошарашенно спросил старикан, видимо, ещё не успевший прийти в себя.

При звуках его голоса Бинго быстро поднял голову, выглядывая из-под руки полисмена, и сник, словно он был воздушным шариком, из которого выпустили воздух. Затем он продолжил путь, всем своим видом напоминая безвременно увядший цветок. В Гудвуде ему явно не повезло.

* * *

Обычно Дживз подаёт по утрам чай и мгновенно исчезает из спальни, предоставляя мне возможность погрустить в одиночестве, но иногда он остаётся и незаметно стоит в почтительной позе, давая понять, что ему надо о чём-то со мной поговорить. На следующее утро после скачек в Гудвуде я лежал на спине, глядя в потолок, когда неожиданно заметил, что Дживз ещё не ушёл.

— О! — воскликнул я. — Что случилось?

— Рано утром к вам заходил мистер Литтл, сэр.

— Да ну, разрази меня гром, правда? Он тебе рассказал, что произошло?

— Да, сэр. Именно в связи со вчерашними событиями он желал вас видеть. Мистер Литтл намеревается удалиться из Лондона и некоторое время пожить за городом.

— Очень разумно с его стороны.

— Я тоже так считаю, сэр. Однако у мистера Литтла возникли небольшие финансовые затруднения. Я взял на себя смелость, сэр, одолжить ему от вашего имени десять фунтов. Вы одобряете мои действия?

— Ну, конечно. Возьми десятку с туалетного столика.

— Слушаюсь, сэр.

— Дживз, — сказал я.

— Сэр?

— Знаешь, до сих пор не могу понять, как такое могло произойти. Я имею в виду, откуда этот тип, Батт, узнал о Бинго?

Дживз кашлянул.

— Боюсь, в этом виноват я, сэр.

— Ты? Почему?

— Дело в том, сэр, что в случайном разговоре с мистером Баттом я неосторожно упомянул, кто такой мистер Литтл.

Я сел на кровати.

— Что?!

— Да, сэр. Я отчётливо помню, как сказал, что титанический труд мистера Литтла в деле рабочего класса заслуживает общественного признания. Я искренне сожалею, что по моей вине отношения между мистером Литтлом и его светлостью временно испортились. И это ещё не всё. Из-за меня расстроилась помолвка мистера Литтла с молодой леди, которая пила у нас чай.

Я снова уселся на кровати. Чудно, но до сих пор я даже не задумывался о просвете в тучах.

— Ты имеешь в виду, они разошлись?

— Окончательно и бесповоротно, сэр. Из объяснений мистера Литтла я понял, что ему больше не на что надеяться. Даже если б не было других препятствий, отец молодой леди, судя по словам мистера Литтла, считает его обманщиком и шпионом.

— Разрази меня гром!

— Похоже, я неумышленно явился причиной множества неприятностей, сэр.

— Дживз! — сказал я.

— Сэр?

— Сколько денег лежит на туалетном столике?

— Кроме десяти фунтов, которые вы велели мне забрать, сэр, две банкноты по пять фунтов, три по одному, десять шиллингов, две полукроны, флорин, четыре шиллинга, шесть пенсов и полпенни, сэр.

— Забирай, — сказал я. — Ты их заработал.

ГЛАВА 13. Проповедь с гандикапом

Каждый год после скачек в Гудвуде я обычно не нахожу себе места. По правде говоря, я не большой любитель птичек, деревьев, лугов и цветочков, но Лондон в августе, вне всяких сомнений, неподходящее место для отдыха, и в это время меня так и подмывает умотать куда-нибудь за город и носа не высовывать до тех пор, пока жизнь в городе не станет веселее. В Лондоне через три недели после бесславной истории с малышом Бинго, о которой я вам только что рассказывал, было безлюдно и пахло раскалённым асфальтом. Все мои приятели разъехались кто куда, большинство театров позакрывались, а на Пикадилли затеяли какой-то ремонт.

Жара стояла адская. Однажды вечером я сидел в своей старой, доброй квартире, пытаясь собраться с силами, чтобы дойти до кровати, и чувствуя, что я так долго не протяну. Когда Дживз принёс мне освежающие напитки, я ему сказал прямо:

— Дживз, — сказал я, вытирая чело и хватая ртом воздух, как золотая рыбка, вытащенная из воды, — мне дьявольски жарко.

— Погода очень душная, сэр.

— Поменьше содовой, Дживз.

— Да, сэр.

— Я сыт метрополией по горло, Дживз. Настала пора перемен. По-моему, нам следует куда-нибудь умотать, что?

— Как скажете, сэр. Вам пришло письмо, сэр. Я положил его на трюмо, сэр.

— Разрази меня гром, Дживз! Да ведь это почти стих! Ты сказал в рифму, заметил? — Я вскрыл конверт. — Ничего не понимаю. Странно.

— Сэр?

— Ты знаешь Твинг-холл?

— Да, сэр.

— Представь себе, сейчас там живет мистер Литтл.

— Вот как, сэр?

— Собственной персоной. Ему пришлось снова устроиться гувернёром.

После жуткой гудвудской истории, когда сломленный духом малыш Бинго заставил меня раскошелиться на десятку и скрылся в неизвестном направлении, я справлялся о нём повсюду, но его никто и нигде не видел. А оказалось, всё это время он находился в Твинг-холле. Чудно! И если хотите, я объясню вам, почему это чудно. Твинг-холл принадлежит старому лорду Уикхэммерсли, который был лучшим другом моего покойного отца и всегда

говорил, что я могу пользоваться его домом, как своим собственным. Обычно я отдыхаю у него неделю-другую летом, и перед тем, как получить письмо, как раз думал, что пришло время туда отправиться.

— Более того, Дживз, мои кузены Клод и Юстас — ты их помнишь?

— Отчётливо, сэр.

— Ну вот, они тоже там живут. Готовятся к какому-то экзамену, занимаясь с приходским священником. Когда-то я тоже у него учился. Он широко известен всей округе своим талантом вдалбливать знания в самые тупые головы. Если я скажу тебе, что он подготовил меня к первому экзамену на степень бакалавра в Оксфорде, тебе станет ясно, что он за птица. Чудно.

Я ещё раз перечитал письмо. Оно было от Юстаса. Клод и Юстас — близнецы, которые (это более или менее общепризнано) являются проклятьем человечества.

Дом священника,

Твинг, Глос.

Дорогой Берти, хочешь заработать? Говорят, ты проигрался в Гудвуде в пух и прах, поэтому наверняка хочешь. Приезжай скорее и включайся в самое большое спортивное событие сезона. Объясню при встрече, но уверяю тебя, ты не пожалеешь.

Мы с Клодом занимаемся в группе старого Хеппенстолла. Нас девять человек, не считая твоего друга, Бинго Литтла, который устроился гувернёром к мальчику в Твинг-холл.

Не упусти прекрасную возможность, которая может не повториться. Приезжай и присоединяйся к нам.

Твой Юстас.

Я протянул письмо Дживзу, который задумчиво просмотрел его.

— Ну как, Дживз? Чудное письмо, что?

— Очень пылкие молодые джентльмены, мистер Клод и мистер Юстас, сэр. Думаю, они затеяли какую-то игру.

— Да, но какую?

— Трудно сказать, сэр. Вы обратили внимание, что письмо продолжается на обороте страницы?

— А? Что? — Я выхватил листок бумаги из рук Дживза, и вот что я прочитал:

ПРОПОВЕДЬ С ГАНДИКАПОМ

УЧАСТНИКИ И СТАВКИ

Вероятные выступления:

Его преп. Джозеф Такер (Бэджвик), старт.

Его преп. Леонард Старки (Стэплтон), старт.

Его преп. Александр Джонс (Верхний Бингли), получает три минуты.

Его преп. В. Дикс (Малый Клинтон-на-Пустоши), получает пять минут.

Его преп. Френсис Хеппенстолл (Твинг), получает восемь минут.

Его преп. Катберт Диббл (Боустед Парва), получает девять минут.

Его преп. Орло Хоуг (Боустед Магна), получает девять минут.

Его прел. Дж. Дж. Робертс (Фэйл-на-Водах), получает десять минут.

Его преп. Г. Хейворд (Нижний Бингли), получает двенадцать минут.

Его преп. Джеймс Бейтс (Гэндл-на-Холме), получает пятнадцать минут.

(Перечисленные выше уже прибыли).

Ставки: 5-2, Такер, Старки; 3-1, Джонс; 9-2, Дикс; 6-1, Хеппенстолл, Диббл, Хоуг; 100-8, все остальные.

Я был в полном недоумении.

— Ты что-нибудь понимаешь, Дживз?

— Нет, сэр.

— Ну, я думаю, нам следует разобраться в любом случае, что?

— Несомненно, сэр.

— Тогда действуй! Не забудь упаковать воротнички и зубную щётку, пошли лорду Уикхэммерсли телеграмму о нашем прибытии и купи два билета на завтра. Поезд уходит в пять десять со станции Пэддингтон.

* * *

Пятичасовой поезд, по своему обыкновению, опоздал, и когда я прибыл в Твинг-холл, все переодевались к обеду. Напялив на себя смокинг в рекордный срок и прыгая через две ступеньки по лестнице, я умудрился не опоздать к супу. Сев на первый попавшийся свободный стул, я увидел, что моей соседкой оказалась младшая дочь старого Уикхэммерсли, Синтия.

— Привет, старушка, — сказал я.

Мы всегда были большими друзьями. По правде говоря, одно время я думал, что влюблён в Синтию, но вовремя понял, что это не так. Синтия — жутко привлекательная, живая и весёлая девушка, этого у неё не отнять, но голова её забита всякими идеалами и прочей дребеденью. Может, я несправедлив к ней, но мне кажется, она относится к тем особам, которые требуют, чтобы их парни сделали себе карьеру, ну и всё такое. Помнится, она как-то благосклонно отзывалась о Наполеоне. Короче — уж не буду рассказывать здесь эту историю,

— моя любовь постепенно угасла, и мы стали просто хорошими друзьями. Я считаю её классной девчонкой, а она меня — кандидатом в психушку, поэтому отношения у нас просто прекрасные.

— Всё-таки приехал, Берти?

— Конечно, приехал. Как видишь, я здесь. Послушай, у меня такое ощущение, что я очутился на званом обеде. Кто все эти деятели?

— Наши соседи. Ты почти всех знаешь. Помнишь полковника Виллиса? И Спенсеров…

— Ах да. А вот и старик Хеппенстолл. А кто этот священник рядом с миссис Спенсер?

— Мистер Хейворд из Нижнего Бингли.

— Просто удивительно, сколько здесь священников. Послушай, вон ещё один рядом с миссис Виллис.

— Это мистер Бейтс, племянник мистера Хеппенстолла. Преподаёт в Итоне. Здесь он проводит летние каникулы и замещает мистера Спеттигю, пастора Гэндл-на-Холме.

— По-моему, я его знаю. Он учился в Оксфорде на четвёртом курсе, когда я туда поступил. Горячий парень. Участвовал в регатах, и всё такое. — Я обвёл глазами стол и увидел Бинго. — А вот и он.

— Кто «он»?

— Малыш Бинго Литтл. Мой старый друг. Он занимается с твоим братом, знаешь ли.

— Боже всемогущий! Он твой друг?

— Точно. Сто лет с ним знаком.

— Тогда скажи мне, Берти, он слабоумный?

— Слабоумный?

— Я не имею в виду слабоумный только потому, что он твой друг. Но его поведение более чем непонятно.

— В каком смысле?

— Он странно на меня смотрит.

— Странно? Как? Изобрази.

— Не могу. Здесь люди.

— Нет, можешь. Я прикрою тебя салфеткой.

— Ну, хорошо. Только быстро. Смотри!

Учитывая, что в её распоряжении было не больше полутора секунд, я должен сказать, что она прекрасно справилась с поставленной задачей. Глаза её расширились, нижняя челюсть отвалилась на сторону, и она стала так похожа на телёнка, страдающего расстройством пищеварения, что я мгновенно узнал симптомы.

— Всё в порядке, — сказал я. — Можешь не беспокоиться. Он просто в тебя влюбился.

— Влюбился? Не говори глупостей.

— Моя дорогая старушка, ты не знаешь малыша Бинго. Он может влюбиться в кого угодно.

— Спасибо!

— О, я совсем не это имел в виду, знаешь ли. Неудивительно, что ты ему понравилась. Помнится, я тоже когда-то был в тебя влюблён.

— Когда-то? Ах! А сейчас от пожара остались одни головешки? Куда подевался твой такт, Берти?

— Но, старушка, прах меня побери, если учесть, что ты смеялась до икоты, когда я сделал тебе предло…

— О, я ни в чём тебя не упрекаю. Несомненно, мы просто не подошли друг другу. Он красивый молодой человек, правда?

— Красивый? Бинго? Бинго красивый? Ну, знаешь ли, это уж я не знаю!

— Я имею в виду, по сравнению с другими, — уточнила Синтия.

Через некоторое время леди Уикхэммерсли сделала знак особам женского пола, означавший, что им пора уматывать, и они покорно ретировались. Мне не удалось поговорить с Бинго, когда мы остались в мужской компании, а позже, в гостиной, он просто не появился. В конце концов я разыскал его в отведённой ему комнате, где он валялся с трубкой в зубах, задрав ноги на спинку кровати и глядя в потолок. Рядом с ним на покрывале лежал блокнот.

— Привет, старый хрыч, — сказал я.

— Привет, Берти, — рассеянно сказал он.

— Как странно, что ты здесь. Насколько я понимаю, после твоей гудвудской проделки дядя перестал выплачивать тебе содержание, и ты устроился гувернёром, чтобы немного подзаработать?

— Точно, — коротко сказал Бинго.

— По крайней мере ты мог бы дать знать своим друзьям, куда ты исчез.

Он нахмурился.

— Я не хотел, чтобы они знали, куда я исчез. Я хотел куда-нибудь забиться и никого не видеть. Ты не представляешь, Берти, что я пережил за эти три недели. Солнце перестало светить…

— Странно. У нас в Лондоне погода стояла дивная.

— Птицы перестали петь…

— Какие птицы?

— Не всё ли тебе равно, какие птицы? — довольно грубо выкрикнул Бинго. — Разные птицы. Птицы, которые здесь живут. Я не успел каждую из них назвать по имени. Говорю тебе, Берти, мне нанесли удар, страшный удар.

— Кто? — Я никак не мог взять в толк, о чём он говорит.

— Бессердечная Шарлотта.

— Э-э-э… гм-м-м… — Я столько раз видел Бинго влюблённым, что совсем забыл о девушке, сыгравшей определённую роль в гудвудском деле. Шарлотта Кордэ Роуботам. Она дала Бинго от ворот поворот и ушла к товарищу Батту.

— Я испытал адские муки, Берти. Но сейчас, э-э-э, я воспрял духом. Послушай, Берти, что ты здесь делаешь? Я не знал, что ты знаком с владельцами Твинг-холла.

— Я? Да что ты, я знаю их с детства.

Малыш Бинго резко скинул ноги на пол, стукнув каблуками.

— Ты хочешь сказать, что давно знаком с леди Синтией?

— Конечно! С тех пор, как ей исполнилось семь лет.

— Великий боже! — воскликнул Бинго. Впервые за весь разговор он посмотрел на меня так, будто я чего-то стоил, и тут же поперхнулся дымом.

— Я люблю эту девушку, Берти, — заявил он, откашлявшись.

— Само собой. Очень приятная девушка.

Он посмотрел на меня с отвращением.

— Не смей говорить о ней таким мерзким, безразличным тоном! Она ангел! Ангел! Она что-нибудь говорила обо мне за обедом, Берти?

— О, да.

— Что? — быстро спросил он.

— Всего не помню, но она сказала, что ты красивый молодой человек.

Малыш Бинго закрыл глаза. На лице его появилось выражение исступлённого восторга. Затем он взял блокнот с покрывала.

— Поди погуляй, старичок, будь умницей, — сказал он каким-то далёким голосом. — Мне надо немного посочинять.

— Посочинять?

— Стихи, да будет тебе известно. Как бы я хотел, разрази меня гром, — не без горечи заявил он, — чтоб её звали не Синтия, а как-нибудь иначе. Во всём проклятом языке нет ни одного слова, которое рифмовалось бы с Синтией! Боже великий, чего бы я только не сотворил, если б её звали Джейн!

На следующее утро я только открыл глаза, радуясь красивым солнечным зайчикам на туалетном столике и недоумевая, куда подевался Дживз, как на мои ноги опустилась какая-то тяжесть и голос малыша Бинго сотряс воздух.

— Уходи, — сказал я. — Оставь меня в покое. Я не могу ни с кем общаться, пока не выпью чаю.

— Когда Синтия смеётся, — изрёк малыш Бинго, — голубеют небеса, соловьям в ночи неймётся, песня жаворонка льётся и творятся чудеса, когда Синтия смеётся. — Он откашлялся и поехал в другую сторону. — Когда Синтия печальна…

— Какого чёрта! Что ты бормочешь?

— Я читаю тебе поэму о Синтии, которую написал ночью. Продолжать?

— Нет!

— Нет?

— Нет. Я ещё не выпил чай.

В этот момент Дживз вошёл в спальню, и я с радостным криком схватил с подноса чашку живительной влаги. После нескольких глотков мир приобрёл свои привычные очертания, и даже Бинго стал выглядеть не так омерзительно, как раньше. Когда я выпил первую чашку чая, я, можно сказать, родился заново и не только позволил бедному дурачку прочитать до конца его дребедень, но даже покритиковал скандирование в четвёртой строке пятого стиха. Мы всё ещё спорили, когда дверь распахнулась настежь, и в спальню ввалились Клод и Юстас. Одна из причин, по которой мне не нравится деревенская жизнь, заключается в том, что на свежем воздухе суета начинается чуть ли не с петухами. Однажды я гостил за городом у знакомых, которые попытались меня вытащить из дому в половине седьмого утра, чтобы искупаться в озере. Слава богу, в Твинг-холле меня знают и не мешают завтракать в постели.

Казалось, близнецы были рады меня видеть.

— Добрый старый Берти! — воскликнул Клод.

— Наш человек! — подтвердил Юстас.

— Преподобный сказал нам, что ты приехал. Я не сомневался, что, получив моё письмо, ты примчишься как угорелый.

— На Берти всегда можно положиться, — согласился Клод. — Спортсмен от кончиков ногтей до корней волос. Бинго тебе всё рассказал?

— Нет, конечно. Он…

— Мы разговаривали на другие темы, — торопливо перебил меня малыш Бинго. Клод стянул у меня последний кусок хлеба с маслом, а Юстас налил себе

чашку чая и уселся на кровать.

— Сейчас я тебе всё объясню, Берти. Как ты знаешь, нас тут девять человек. Живём как на необитаемом острове и занимаемся у старого Хеппенстолла. Само собой, нет ничего интереснее, чем изучать классическую литературу в сорокаградусную жару, но отдохнуть тоже хочется, а в этой жуткой дыре, будь она проклята, нет никакой возможности как следует расслабиться. Слава богу, Стегглзу — он тоже в нашей группе — пришла в голову блестящая мысль. Вообще-то Стегглз жалкая личность, и всё такое, но надо отдать ему должное, идея что надо.

— Какая идея?

— Ты ведь знаешь, что в округе навалом священников. В радиусе шести миль расположена дюжина деревушек, и в каждой деревушке имеется церковь, а в каждой церкви имеется священник, а каждый священник по воскресеньям читает проповеди. В воскресенье на следующей неделе — двадцать третьего числа — мы хотим устроить соревнование под названием «Проповедь с гандикапом». Надежный распорядитель, как на скачках, будет наблюдать за каждым священником, и тот, кто прочтёт самую длинную проповедь, будет считаться победителем. Стегглз — букмекер. Ты изучил скаковую карточку, которую я тебе прислал?

— Я ничего в ней не понял.

— Олух царя небесного, там чёрным по белому были написаны гандикапы и шансы участников, на которых делаются ставки. Я захватил с собой копию на тот случай, если ты потерял письмо. Изучи её самым внимательным образом. Дживз, старина, не хочешь проявить спортивный дух и нажить немного денег?

— Сэр? — спросил Дживз, который только что принёс мне завтрак.

Клод объяснил ему положение дел. Удивительно, как Дживз

сразу во всём разобрался. Но он лишь покачал головой и отечески улыбнулся.

— Благодарю вас, сэр. Я воздержусь.

— Но ведь ты с нами, Берти? — спросил Клод, уворовав с тарелки ломоть бекона и кусок булки. — Изучил карточку? Ну как, прояснилось в голове?

Дурацкий вопрос. Мне всё стало ясно с первого взгляда.

— Нет сомнений, старого Хеппенстолла никто не сможет обскакать, — сказал я. — Его дело в шляпе. По всей Англии не найти священника, который смог бы дать ему восемь минут форы. Твой Стегглз самый настоящий осёл, если он даёт ему такой гандикап. Да что там говорить! Когда я здесь жил, старик никогда не проповедовал меньше получаса, а одна из его проповедей, о Братской Любви, продолжалась сорок пять минут, и ни секундой меньше. Может, с годами он утратил свой пыл?

— Ничуть, — ответил Юстас. — Расскажи ему, в чём дело, Клод.

— Ну, в первое же воскресенье, как мы сюда приехали, — сказал Клод, — старый Хеппенстолл прочитал проповедь, продолжавшуюся не больше двадцати минут. Ни Стегглз, ни сам священник этого не заметили, но мы с Клодом увидели, что старик уронил из своей папки по меньшей мере с дюжину страниц, когда поднимался на кафедру. Бедняга чуть замешкался посередине проповеди, но никто ничего не понял, и Стегглз ушёл в полной уверенности, что двадцать минут — предел для Хеппенстолла. В следующее воскресенье мы слушали Такера и Старки, и оба они говорили больше тридцати пяти минут, поэтому Стегглз распределил гандикап так, как ты видишь на карточке. Ты должен войти к нам в долю, Берти. Понимаешь, у меня нет ни гроша, и у Юстаса нет ни гроша, и у Бинго Литтла нет ни гроша, так что тебе придётся финансировать наш синдикат. Не сомневайся. Мы набьём карманы деньгами, как дважды два! Ну, нам пора. Внимательно всё обдумай и позвони мне позже. И если ты подведёшь нас, Берти, пусть проклятье кузена… Пойдём, Клод, старичок.

Чем больше я размышлял, тем больше мне нравилось это предприятие.

— Что скажешь, Дживз? — спросил я.

Дживз мягко улыбнулся и выплыл из комнаты.

— В Дживзе отсутствует спортивный дух, — заметил Бинго.

— Но во мне он присутствует. По-моему, дело верное. Клод прав. Это всё равно, что найти деньги на дороге.

— Так держать! — воскликнул Бинго. — Наконец-то передо мной забрезжил свет! Скажем, я поставлю на Хеппенстолла

десятку. Когда выиграю, поставлю на Розовый Мяч в Кэтвике через неделю; когда выиграю, поставлю на Ондатру в Люисе; когда выиграю, у меня соберётся кругленькая сумма для скачек в Александр-парке десятого сентября, где я точно знаю победителя. Информация прямо из конюшен.

Для меня это прозвучало, как отрывок из «Дома, который построил Джек».

— А затем, — продолжал малыш Бинго, — у меня появится возможность навестить дядю и припереть его к стенке. В душе он большой сноб, и когда я сообщу ему, что женюсь на дочери эрла…

— Послушай, старина, — не удержался я, — не забегаешь ли ты слишком далеко вперёд?

— Да ну, брось. Естественно, окончательно ничего ещё не решено, но вчера она практически призналась, что я ей очень нравлюсь.

— Что?!

— Ну, она сказала, что любит людей, надеющихся только на самих себя, мужественных, красивых, смелых, с сильным характером, честолюбивых и предприимчивых.

— Уйди, малыш, — сказал я. — Уйди и дай мне спокойно сесть яйцо всмятку.

* * *

Позавтракав и одевшись, я добрался до телефона и, оторвав Юстаса от занятий, велел ему поставить по десятке от каждого из нас на резвую лошадку из Твинга. После ленча Юстас перезвонил мне, сообщив, что поставил семь к одному, так как шансы Хеппенстолла упали из-за слухов, что он заболевает сенной лихорадкой и может свалиться в любую минуту. Должен вам сказать, мы успели внести деньги вовремя, потому что в это воскресенье старик закусил удила и порадовал нас тридцатишестиминутной проповедью о Распространённых Предрассудках. Я сидел в церкви рядом со Стегглзом и видел, что он заметно побледнел.

У коротышки Стегглза была крысиная физиономия, а глаза всё время бегали, словно он подозревал всех и каждого в непорядочности; и как только мы вышли из церкви, он объявил, что старый Хеппенстолл теперь пойдёт пятнадцать к восьми, а затем добавил, что игра велась нечестно и, если б это было

возможно, он пожаловался бы в Жокей-клуб. Естественно, столь неравные шансы отпугнули от старика всех игроков, и временно желающих делать ставки вообще не оказалось. Наступило затишье, но после ленча во вторник, когда я прогуливался в саду, наслаждаясь сигаретой, Клод и Юстас прикатили на велосипедах, бешено вращая педалями, и сообщили дурные новости.

— Берти, — дрожа от возбуждения, сказал Юстас, — если мы немедленно не предпримем каких-нибудь мер, наше дело дрянь.

— Что случилось?

— Г. Хейворд, вот что случилось, — мрачно произнёс Юстас. — Из Нижнего Бингли.

— Мы не приняли его в расчёт, — пояснил Клод. — Непонятно почему, но все его проморгали. Так всегда бывает. Стеггл з его проглядел. Мы его проглядели. Сегодня утром мы совершенно случайно проезжали по Нижнему Бингли, а в церкви было венчание, и нам внезапно захотелось проверить, в какой форме находится

Г. Хейворд — на тот случай, если вдруг он окажется тёмной лошадкой.

— И хорошо, что проверили, — заявил Юстас. — Он выступил с речью, продолжавшейся ровно тридцать шесть минут по хронометру Клода! И это на деревенской свадьбе! Представляешь, какую проповедь он прочтёт в воскресенье?

— Нам остается только одно, Берти, — сказал Клод. — Тебе придётся раскошелиться, чтобы мы смогли поставить на Хейворда и не потерять денег.

— Но…

— Другого выхода нет.

— Да, но послушай, это уж слишком, знаешь ли. Мы вложили в Хеппенстолла сорок фунтов.

— У тебя имеются другие предложения? Надеюсь, ты не думаешь, что старик может дать Хейворду четыре минуты форы и выиграть?

— Эврика! — воскликнул я.

— Что?

— Я знаю, как нам обезопасить нашего кандидата. Я зайду к нему сегодня вечером и попрошу сделать мне одолжение и прочитать проповедь о Братской Любви.

Клод и Юстас переглянулись, как те самые ребята из поэмы, которых осенило.

— Неплохо придумано, — сказал Клод.

— Толковый план, — согласился Юстас. — Хоть и редко, но голова у тебя варит, Берти.

— И всё-таки ты уверен, что эта проповедь, пусть шикарная,

устоит перед четырёхминутным гандикапом? — спросил Клод.

— Двух мнений быть не может, — уверенно сказал я. — Когда я говорил о сорока пяти минутах, я преуменьшил. Она продолжалась не меньше пятидесяти.

— Тогда действуй, — согласился Клод.

Вечером я отправился в дом священника и всё устроил. Он был крайне польщён, что все эти годы я помнил его проповедь, и признался, что несколько раз порывался её прочитать, но после короткого раздумья откладывал в сторону, так как находил слишком длинной.

— В наши беспокойные времена, дорогой Вустер, — заявил он, — краткость священного слова становится всё более желанной даже для деревенских прихожан, которые не так заражены духом спешки, как их собратья в метрополии. Я часто спорю с моим племянником, Бейтсом, который замещает моего старого друга Спеттигю в Гэндле-на-Холме. Мой племянник считает, что обращение к пастве должно быть коротким и ясным, не более десяти-двенадцати минут.

— Вы находите проповедь о Братской Любви слишком длинной? — изумлённо спросил я. — Но как же так? Разве она длинная?

— Не менее пятидесяти минут.

— Быть того не может!

— Ваше удивление, дорогой мой Вустер, делает мне честь, которой я, конечно, недостоин. Тем не менее факт остаётся фактом. Вы уверены, что мне не следует опустить несколько абзацев? Может, стоит что-нибудь урезать или сократить? Например, экскурс в семейную жизнь древних ассирийцев?

— Если вы выкинете из вашей проповеди хоть одно слово, вы только всё испортите, — искренне сказал я.

— Я счастлив это слышать и обещаю вам, что исполню вашу просьбу.

* * *

Я всегда говорил и буду говорить, что заключать пари заранее — ошибка, заблуждение и просто дурость. Никогда не знаешь, что может произойти. Если б все молодые люди проявляли благоразумие, делая ставки, им легче было бы жить на свете. В субботу утром я едва успел позавтракать, как Дживз вошёл ко мне в спальню и сообщил, что Юстас требует меня к

телефону.

— Великий боже, Дживз, что ещё случилось?

Должен признаться, к этому времени я совсем издёргался.

— Мистер Юстас не почтил меня своим доверием, сэр.

— Но, судя по его голосу, он взволнован?

— Похоже на то, сэр.

— Знаешь, что я думаю, Дживз? Наверняка с фаворитом что-нибудь стряслось.

— 0 каком фаворите вы говорите, сэр?

— О мистере Хеппенстолле. Теперь он идёт один к одному. Его проповедь о Братской Любви на корпус впереди всех остальных. Как бы с ним чего не вышло.

— Вы сможете обо всём узнать, поговорив с мистером Юстасом по телефону, сэр. Он ждёт.

— Разрази меня гром, я совсем забыл.

Я быстро накинул халат и помчался вниз по лестнице. Как только я услышал голос Юстаса, я понял, что мы погибли.

— Берти?

— Слушаю.

— Куда ты запропастился? Берти, нам каюк. Фаворит сошёл с дистанции.

— 0 нет!

— Да. Кашлял в своей конюшне всю прошлую ночь.

— Что?

— Стопроцентная информация. У него сенная лихорадка.

— Святые угодники и их тётушка!

— Сейчас у него доктор, так что не пройдёт и нескольких минут, как его официально объявят выбывшим из соревнования. Это означает, что завтра вместо него проповедь будет читать викарий, а он никуда не годится. За него предлагают сто к шести, но желающих поставить не нашлось.

Примерно с минуту я молчал, обдумывая ситуацию.

— Юстас?

— Слушаю.

— Сколько сейчас дают за Хейворда?

— Всего четыре к одному. Я думаю, Стеггл что-то прослышал. За последний день шансы Хейворда резко повысились.

— Четыре к одному нас тоже устроит. Поставь по пятёрке от каждого из нас, и мы окажемся в плюсе.

— Если он выиграет.

— То есть как? Ты говорил, он верняк, если не брать в расчёт Хеппенстолла.

— Глубоко сомневаюсь, что в мире остался хоть один

верняк, — угрюмо заявил Юстас. — Мне говорили, преподобный мистер Такер показал великолепное время вчера в Бэджвике на собрании молодых матерей. Однако у нас нет выхода. Пока.

Так как я не был официальным наблюдателем, я мог пойти в воскресенье в любую церковь, и, естественно, у меня не было сомнений, куда направить мои стопы. К сожалению, Нижний Бингли находился милях в десяти от Твинг-холла, а это означало, что мне придётся рано встать, но я одолжил велосипед у одного из грумов и добрался до деревушки довольно быстро. О том, что Г. Хейворд скакун что надо, я знал только со слов Юстаса и невольно думал, что священник просто превзошёл самого себя, выступая на свадьбе, где присутствовали близнецы; но все мои сомнения рассеялись в тот момент, когда он взошёл на кафедру. Этот мужчина средних лет с седой бородой с самого начала заговорил уверенно и неторопливо, делая паузы и откашливаясь после каждой фразы, так что не прошло и пяти минут, как я понял, что вижу перед собой победителя. Его привычка внезапно умолкать и недоумённо оглядывать церковь выиграла нам немало времени, и мы получили огромное преимущество, когда он уронил пенсне и довольно долго не мог его найти. Через двадцать пять минут Г. Хейворд только вошёл в раж, а когда проповедь закончилась, хронометр отсчитал тридцать пять минут четырнадцать секунд. Если учесть гандикап, можно было не сомневаться, что он пришёл первым, и я вскочил на велосипед и отправился в Твинг-холл на ленч в прекрасном расположении духа.

Когда я вошёл в дом, Бинго разговаривал по телефону.

— Отлично! Чудесно! Замечательно! — говорил он. — А? Ну, о нём можешь не беспокоиться. Хорошо, я скажу Берти. — Он повесил трубку и увидел меня. — Привет, Берти. Я только что разговаривал с Юстасом. Полный порядок, старина. Согласно отчёту из Нижнего Бингли, Г. Хейворд обскакал всех.

— Я в этом не сомневался. Я как раз оттуда.

— Ты ездил в Нижний Бингли? Я был в Бэджвике. Такер старался изо всех сил, но гандикап его доконал. Робертс из Фэйла-на-Водах занял третье место. У Старки болело горло, так что он пришёл одним из последних. Добрый старый

Г. Хейворд, — прочувствованно сказал Бинго, и мы вышли с ним на террасу.

— Значит, сведения поступили из всех церквей? — спросил я.

— Кроме Гэндла-на-Холме. Но о Бейтсе можно не беспокоиться. У него никогда не было шансов на успех. Кстати, бедняга Дживз потеряет десятку. Безмозглый осёл!

— Дживз? Что ты имеешь в виду?

— Он пришёл ко мне сегодня утром и дал мне десять фунтов, чтобы я поставил за него на Бейтса. Я попытался объяснить Дживзу, какую он делает глупость, и умолял его не выкидывать денег на ветер, но безуспешно.

— Прошу прощенья, сэр. Утром вам просили передать эту записку, но вы уже уехали.

Дживз материализовался у моего локтя бог весть откуда. Как всегда, он стоял в почтительной позе.

— А? Что? Записку?

— Дворецкий его преподобия, мистера Хеппенстолла, принес её из дома священника, сэр. К сожалению, я не смог вручить её вам вовремя, по причине вашего отсутствия.

Малыш Бинго обратился к Дживзу, как отец к несмышлёнышу, советуя ему впредь быть осторожнее. Вопль, который я издал, заставил придурка прикусить язык и заткнуться на середине фразы.

— Ты что, белены объелся? — недовольно спросил он.

— Мы погибли! Слушай!

И я прочитал ему записку:

Дом священника,
Твинг, Глос.
Мой дорогой Вустер,

Как вы уже слышали, обстоятельства, над которыми я не властен, помешали мне прочесть проповедь о Братской Любви, о которой вы так лестно отзывались. Однако мне совсем не хочется, чтобы вы испытали разочарование, поэтому, если вас не затруднит сегодня утром посетить церковь Гэндл-на-Холме, вы услышите эту проповедь из уст моего племянника, Бейтса. Я одолжил ему рукопись по его настоянию, так как, между нами, здесь затронуты и другие интересы. Дело в том, что мой племянник — кандидат в директора общеизвестной школы, и в настоящий момент у него остался всего один соперник.

Вчера поздно вечером Джеймс получил информацию из надёжного источника, что Глава Совета Попечителей школы собирается присутствовать на его проповеди, чтобы сделать о нём и о его ораторском искусстве определённые выводы, которые могут сильно повлиять на решение Совета. Я согласился выполнить просьбу моего племянника, тем более что он помнит мою проповедь так же хорошо, как вы. Он не успел бы написать достойной проповеди — вместо короткого обращения к прихожанам, с моей точки зрения, ошибочного — всего за один вечер, а мне хочется помочь мальчику в его начинаниях.

Надеюсь, выслушав проповедь о Братской Любви из его уст, вы

получите не меньше удовольствия, чем если бы её читал я. Остаюсь

искренне ваш, Ф. Хеппенстолл.

P. S. От сенной лихорадки у меня временно ослабло зрение, поэтому я диктую письмо моему дворецкому, Брукфилду, который вручит его вам незамедлительно.

Такого мёртвого молчания мне ещё не доводилось слышать. Затем Бинго то ли всхлипнул, то ли судорожно вздохнул, и на лице его отразилась целая гамма чувств. Дживз кашлянул — наверное, так осторожно и деликатно кашляет овца, когда в горле у неё застревает травинка, — и устремил взгляд куда-то вдаль. Первым заговорил Бинго.

— Боже всемогущий! — хрипло прошептал он. — Тёмная лошадка!

— Совершенно верно, сэр, — согласился Дживз.

— Проклятье, значит, у тебя была секретная информация! — воскликнул малыш.

— Да, сэр. Брукфилд передал мне содержание записки. Мы с ним старые друзья.

На лице Бинго отразились горе, недоумение, ярость, отчаяние и обида.

— Ну, знаете ли, это уж слишком! — вскричал он. — Читать чужие проповеди! Разве это честно? Разве это по правилам?

— Старина, — сказал я, — будем справедливы. Ничего незаконного в этом нет. Священники часто так поступают. Им совершенно не обязательно каждый раз сочинять проповеди.

Дживз вновь кашлянул и посмотрел поверх моей головы отсутствующим взглядом.

— А в данном случае, сэр, я позволю себе смелость заметить, что нам надо проявить снисходительность. Мы не должны забывать, что место директора школы очень много значит для будущих молодожёнов.

— Молодожёнов! Каких молодожёнов?

— Преподобного мистера Бейтса, сэр, и леди Синтии. Горничная её светлости сообщила мне, что они обручились несколько недель назад, и его светлость дал согласие на брак при условии, что мистер Бейтс займёт достойное положение в обществе и устроится на высокооплачиваемую работу.

Бинго позеленел.

— Обручились?

— Да, сэр.

Наступило молчание.

— Пойду прогуляюсь, — пробормотал малыш.

— Но, старина, — напомнил я, — скоро ленч. Гонг прозвучит с минуты на минуту.

— Я не голоден! — сказал Бинго.

ГЛАВА 14. И никакого жульничества

После описанных выше событий жизнь в Твинг-холле некоторое время продолжала идти своим чередом. К сожалению, выбор развлечений был здесь небогат, и рассчитывать на острые ощущения тоже не приходилось. Насколько я знал, самым важным событием в Твинге считался деревенский школьный пикник, который проводился ежегодно в один и тот же день. Короче говоря, мне ничего не оставалось, как бродить по окрестностям, изредка играть в теннис и по мере сил избегать встреч с Бинго.

Последнее являлось необходимым, чтобы не попасть в психушку, потому что любовная трагедия до такой степени выбила несчастного олуха из колеи, что он подкарауливал меня где только мог и начинал плакаться мне в жилетку, изливая свою душу. И когда однажды утром он ворвался ко мне в спальню, я решил пересечь его поползновения в корне. Я ещё выдерживаю, когда он стонет над моим ухом после обеда, и даже после ленча, но во время завтрака — никогда! Мы, Вустеры, сама любезность, но всему есть предел.

— Послушай, друг мой, — сказал я. — Мне известно, что сердце твоё разбито и всё такое, и чуть позже я с удовольствием тебя выслушаю, но…

— Я к тебе не за этим пришёл.

— Нет? Умница!

— Прошлое, — заявил малыш Бинго, — мертво. Не будем больше о нём говорить.

— Не будем.

— Моя душевная рана так глубока, что она никогда не заживёт, но я не скажу об этом ни слова.

— И не надо.

— Я не стану обращать на неё внимания. Я о ней забуду.

— Так держать!

Я давно не слышал, чтобы он говорил так разумно.

— Я пришёл к тебе, Берти, — продолжал он, выуживая из кармана листок бумаги, — с деловым предложением. Хочешь рискнуть?

В жилах всех Вустеров течёт горячая кровь, и в чём их нельзя упрекнуть, так это в отсутствии спортивного духа. Я отложил недоеденную сосиску в сторону и выпрямился.

— Говори, — сказал я. — Я весь внимание.

Бинго положил листок на кровать.

— Не знаю, известно тебе или нет, но в понедельник

состоится ежегодный деревенский пикник. Лорд Уикхэммерсли предоставляет для этой цели свой парк. Будут игры, представления, петушиные бои и чаепитие в палатках. А также спортивные состязания.

— Знаю. Синтия мне говорила.

Малыш Бинго поморщился.

— Тебя не затруднит не произносить при мне этого имени? Я не мраморный.

— Извини!

— Итак, пикник состоится в понедельник. Займёмся мы им или нет, вот в чём вопрос.

— В каком это смысле «займёмся»?

— Я говорю о спортивных состязаниях. Стеггл так здорово заработал на «Проповеди с гандикапом», что решил стать букмекером и на этот раз. Мне кажется, дело стоящее.

Я нажал на кнопку звонка.

— Мне надо проконсультироваться у Дживза. Я ни гроша не поставлю без его совета. Дживз, — сказал я, когда он вошёл в комнату, — напряги свой ум.

— Сэр?

— Пошевели мозгами. Нам нужен твой совет.

— Слушаю, сэр.

— Изложи суть дела, Бинго.

Бинго изложил суть дела.

— Что скажешь, Дживз? — спросил я. — Стоит рискнуть?

На некоторое время честный малый задумался.

— Я ничего не имею против, сэр.

Мне этого было достаточно.

— Прекрасно! — воскликнул я. — В таком случае мы организуем синдикат и всех разорим! Я внесу в общую копилку деньги, Дживз — мозги, а Бинго… что ты внесёшь, Бинго?

— Если вы меня примете и позволите рассчитаться позже, я подскажу вам, как сорвать приличный куш на «Беге матерей в мешках».

— Годится. Ты будешь нашим тайным осведомителем. Ну, а теперь рассказывай о состязаниях.

* * *

Бинго взял листок бумаги и принялся читать.

— Сначала идёт забег девочек до четырнадцати на пятьдесят

ярдов.

— Есть соображения, Дживз?

— Нет, сэр. Я не владею нужной информацией.

— Что дальше?

— Мальчики и девочки любых возрастов, состязание «Животное с картофелиной».

Это было что-то новенькое. По крайней мере я никогда о таком не слышал.

— Что это такое?

— Интересная штука, — заверил меня Бинго. — Соперники выходят парами, и каждой паре дают одну картофелину и говорят, какое животное они должны изображать. К примеру, ты и Дживз пара. Дживз должен стоять не двигаясь с картофелиной в руке, а тебе надевают на голову мешок, и ты ищешь Дживза, чтобы забрать у него картофелину, и при этом, скажем, мяукаешь. Дживз, само собой, тоже мяукает. Другие участники будут мычать, хрюкать или лаять, и так далее, чтобы найти свою пару с картофелиной, которая тоже будет мычать, хрюкать или лаять, и так далее, а…

Я оборвал придурка на полуслове.

— Я очень рад, что ты любишь животных, — сказал я, — но, по правде говоря…

— Совершенно справедливо, сэр, — согласился со мной Дживз. — Я бы не стал рисковать.

— Слишком непонятно, что?

— Вот именно, сэр. Невозможно определить, кто из участников в лучшей форме.

— Едем дальше. Что там ещё?

— Бег матерей в мешках.

— Ах! Совсем другое дело. Ты говорил, что можешь подсказать победителя.

— Миссис Пенуорти, жена торговца табачными изделиями, — сказал малыш не задумываясь. — Я вчера покупал у неё в лавке сигареты, и она призналась, что три года подряд выигрывала это состязание в Уорстершире. Сюда она переехала совсем недавно, поэтому о её талантах никто не подозревает. Она обещала мне хранить всё в тайне, поэтому я считаю, нам удастся сорвать на ней приличный куш.

— Рискнём по десятке на брата, Дживз, что?

— Думаю, можно, сэр.

— «Бег девочек с яйцом на ложке», — прочитал Бинго.

— Сомневаюсь, что нам следует вкладывать сюда деньги, сэр, — сказал Дживз. — Мне говорили, никто, кроме прошлогодней победительницы, Сары Миллз, не может выиграть.

Шансы слишком неравны.

— Она так хороша?

— В деревне считают, что она очень красиво несёт яйцо на ложке, сэр.

— Затем бег с препятствиями, — продолжал Бинго. — С моей точки зрения, нам лучше сюда не соваться. Так же невозможно угадать победителя, как в заездах на Большой Национальный приз. Соревнование отцов в метании шляп — тоже рискованное предприятие. Остаётся только «Сто ярдов с гандикапом», состязание мальчиков, поющих в церковном хоре. Приз — оловянный кубок, который вручает священник. Участвовать может каждый, чей голос не сломался до Крещения. В прошлом году выиграл Вилли Чамберс. Он получил пятнадцать ярдов гандикапа, который ему не понадобился, потому что он пробежал намного быстрее всех. Сейчас его тоже считают фаворитом. Право, не знаю, что посоветовать.

— Если позволите, сэр.

Я посмотрел на Дживза с любопытством. Впервые за всё время нашего знакомства я видел его в несколько возбуждённом состоянии.

— У тебя что-то на уме, Дживз?

— Да, сэр.

— Что-нибудь потрясающее?

— Точнее не скажешь, сэр. Я с уверенностью могу утверждать, что победитель на сто ярдов с гандикапом живёт в Твинг-холле, сэр. Это Гарольд, посыльный.

— Посыльный? Ты имеешь в виду коротконогого паренька с кучей пуговиц, который вечно мозолит всем глаза? Да ну, Дживз. Никто больше меня не уважает твоих познаний, но, разрази меня гром, я не понимаю, что ты нашёл в этом Гарольде. Круглый, как бочонок, и всё время дремлет, прислонившись к стене.

— Ему дают тридцать ярдов форы, сэр, а он без труда может выиграть на равных. Мальчик бежит быстрее ветра, сэр.

— Откуда ты знаешь?

Дживз кашлянул и посмотрел поверх моей головы отсутствующим взглядом.

— Я был удивлён не меньше вас, сэр, когда впервые понял, на что он способен. Однажды утром я погнался за ним с намерением надрать ему уши…

— Великий боже, Дживз! Ты?!

— Да, сэр. Мальчик дурно воспитан. Он сделал оскорбительное замечание, касающееся моего внешнего вида.

— Какое?

— Не помню, сэр, — с едва заметным недовольством в голосе

ответил Дживз.

— Но оно было оскорбительным. Я решил научить его хорошим манерам, но он в мгновение ока скрылся от меня в парке.

— Но, Дживз, это сенсация! Хотя непонятно, почему в деревне неизвестно о его спринтерских талантах. Ведь играет же он с другими детьми?

— Нет, сэр. Являясь посыльным его светлости, Гарольд не считает нужным общаться с деревенскими мальчишками.

— С малых лет стал снобом, что?

— Он прекрасно разбирается в классовом неравенстве, сэр.

— Но ты твёрдо уверен в его чудесных способностях? — спросил Бинго. — Я имею в виду, нам нет смысла на него ставить, если ты хоть немного сомневаешься.

— Проверку нетрудно организовать, сэр. Можно устроить испытание, о котором никто не будет знать.

— Честно говоря, мне тоже было бы спокойнее, если б я увидел его в деле,

— признался я.

— В таком случае, с вашего разрешения я возьму с туалетного столика шиллинг…

— Зачем?

— Я намерен подкупить мальчика, чтобы он пренебрежительно отозвался о косоглазии второго лакея его светлости, сэр. Чарлз очень чувствительно относится к своему физическому недостатку, а Гарольд боек на язык. Если вас не затруднит, сэр, через полчаса выглянуть из окна первого этажа у чёрного хода…

Я оделся с такой скоростью, что сам себе удивился. Как правило, я с большим уважением отношусь к церемонии одевания. Мне нравится медленно повязывать галстук и разглядывать складки на брюках; но в то утро я даже не помню, как на мне очутилась пиджачная пара. В результате мы с Бинго примчались к вышеупомянутому окну на четверть часа раньше срока.

Окно выходило в широкий мощёный дворик, который ярдов через двадцать заканчивался высокой стеной с аркой ворот, за которыми находилась асфальтовая дорога, упирающаяся на повороте — ярдов через тридцать — в густой кустарник. Я поставил себя на место Гарольда и стал думать, как бы я поступил, если б за мной погнался второй лакей. Выход был один — спрятаться в кустарнике; а это означало, что мальчику придётся пробежать пятьдесят ярдов. Прекрасное испытание. Если добрый старый Гарольд умудрится добраться туда раньше

лакея, значит, ни один другой мальчик из церковного хора ему и в подмётки не годится. Я ждал, дрожа от возбуждения, и мне казалось, прошло несколько часов, когда неожиданно послышался какой-то шум и нечто круглое, голубое и сверкающее пуговицами вылетело из дверей чёрного хода и помчалось к воротам со скоростью курьерского поезда. А примерно через две секунды в мощёный дворик выскочил лакей, сломя голову бросившийся в погоню.

Поверьте мне, у него не было шансов на успех. Ни одного. Задолго до того, как он преодолел половину дистанции, мальчишка начал кидаться в него камнями из-за кустов. Дрожь восторга пробрала меня до костей, и когда, возвратясь к себе в комнату, я встретил на лестнице Дживза, то чуть не пожал ему руку от избытка чувств.

— Дживз, — сказал я, — двух мнений быть не может! Продай мою последнюю рубашку и все деньги поставь на этого ребёнка!

— Слушаюсь, сэр, — сказал Дживз.

* * *

Когда соревнования происходят в деревне, ты, к сожалению, не можешь сыграть крупно, потому что это мгновенно вызовет всеобщую панику. Пройдоха Стеггл з был далеко не глуп, и если б я сделал ту ставку, которую хотел, он мгновенно учуял бы неладное. Тем не менее мне удалось всучить ему кругленькую сумму от каждого из членов синдиката, хотя он на мгновение и задумался, прежде чем взять деньги. Я слышал, что на следующий день он наводил о Гарольде справки в деревне, но так как никто не мог сказать ему ничего определённого, он, видимо, пришёл к выводу, что я решил рискнуть, полагаясь на гандикап в тридцать ярдов. Мнение общественности разделилось между Джимми Гудом, получившим десять ярдов при ставках семь к одному, и Александром Бартлеттом с пятью ярдами при ставках одиннадцать к четырём. Вилли Чамберса, стартующего без форы, предлагали два к одному, но желающих поставить на него не нашлось.

Мы, естественно, приняли все необходимые меры предосторожности, и после того, как внесли деньги при ставках сто к двенадцати, занялись тренировкой Гарольда. Задача оказалась не из лёгких, зато теперь я понял, почему все скаковые тренеры — угрюмые, молчаливые люди со следами страданий на

лице. За этим ребёнком нужен был глаз да глаз. Ему бесполезно было говорить о чести, славе и о том, как будет гордиться его мама, когда он напишет ей, что выиграл самый настоящий кубок: как только шалопай узнал, что ему придётся тренироваться, бросить есть сладкое и отказаться от сигарет, он взбунтовался, и нам пришлось неусыпно за ним следить, чтобы поддерживать его форму. Камнем преткновения явился для нас его образ жизни. С тренировками всё было в порядке; мы договорились, что второй лакей будет гоняться за ним каждое утро. Но стоило дворецкому отвернуться, мальчишка стрелой мчался на кухню или в курительную комнату, и с этим мы ничего не могли поделать. Нам оставалось лишь надеяться, что в день соревнований его выручит природный талант.

А затем однажды вечером Бинго вернулся после игры в гольф и сообщил нам тревожную весть. У малыша вошло в привычку брать с собой Гарольда в качестве мальчика, подносящего клюшки и мячи. Мы не возражали, считая, что ребёнку не мешает скинуть лишний вес.

Сначала Бинго, олух царя небесного, рассказал нам о том, что произошло, как о забавном случае.

— Видели бы вы, — произнёс он, расплываясь до ушей, — физиономию Стегглза сегодня днём!

— Физиономию Стегглза? Что ты имеешь в виду?

— Я чуть не лопнул от смеха. У него нижняя челюсть отвалилась, когда он увидел, как Гарольд стартует.

У меня возникло страшное предчувствие неотвратимой беды.

— Великий боже! Ты позволил Гарольду бежать на глазах у Стегглза?

Теперь нижняя челюсть отвалилась у Бинго.

— Об этом я как-то не подумал, — угрюмо признался он. — Но я ни в чём не виноват. Закончив партию, мы со Стегглзом решили освежиться в буфете, а когда вернулись на поле, мальчишка бил клюшкой Стегглза по камням вместо мячей. Увидев нас, он бросил клюшку и в несколько секунд скрылся за горизонтом. Стегглз был потрясён до глубины души. И, должен признаться, я тоже такого не ожидал. Паренёк превзошёл самого себя. Само собой, нехорошо получилось, но, — тут Бинго заметно повеселел, — ничего страшного не произошло. Наши ставки сделаны. Мы ничего не потеряем, если о Гарольде станет известно. Естественно, все пари теперь будут заключаться на него с равными шансами, но нас это уже не коснётся.

Я посмотрел на Дживза. Дживз посмотрел на меня.

— Нас это коснётся, как миленьких, если Гарольд вообще не стартует.

— Совершенно справедливо, сэр.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Бинго.

— Если тебя интересует моё мнение, — сказал я, — я убеждён, что Стегглз постарается устроить какую-нибудь каверзу до начала состязаний.

— Боже всемогущий! Об этом я как-то не подумал! — Бинго задрожал с головы до ног. — Неужели ты считаешь, он на это способен?

— Двух мнений быть не может. Стегглз — нехороший человек. С этой минуты, Дживз, мы должны следить за Гарольдом в оба.

— Несомненно, сэр.

— Установим неусыпное наблюдение, что?

— Совершенно верно, сэр.

— Ты не согласишься спать у него в комнате, Дживз?

— Нет, сэр.

— Ну, по правде говоря, я бы тоже не согласился. Разрази меня гром! — вскричал я. — В конце концов, почему мы так дёргаемся? Почему позволяем себе нервничать? Так не пойдёт. Каким образом Стегглз может навредить Гарольду, даже если захочет?

Бинго не развеселился. Впрочем, малыш всегда отличался тем, что при малейшей возможности рисовал мир чёрной краской.

— Существуют тысячи способов убрать фаворита, — мрачно изрёк он. — Тебе не мешало бы прочитать несколько детективов о скачках. В «Пересечь финишный столб» лорд Мальверер вышиб Костлявую Бетси из состязаний, подкупив главного конюха, который подбросил кобру ей в стойло накануне дерби!

— Сколько шансов за то, что кобра укусит Гарольда, Дживз?

— Смею предположить, немного, сэр. Но, если опасения мистера Литтла подтвердятся, то, близко зная ребёнка, я бы стал волноваться только за кобру.

— И всё же не забудь о неусыпном наблюдении, Дживз.

— Вне всяких сомнений, сэр.

* * *

Должен признаться, что за следующие несколько дней Бинго изрядно мне надоел. Я не возражаю против того, что за фаворитом в своих конюшнях надо следить и ухаживать, но я

считаю неправильным доводить дело до крайности, а малыша явно занесло. Голова придурка, казалось, была напичкана детективными историями, а насколько я помню, в подобных романах ни одна лошадь не стартует на скачках до тех пор, пока её дюжину раз не попытаются угробить тем или иным способом. Бинго вцепился в Гарольда, как репей. Он ни на секунду не выпускал несчастного ребёнка из виду. Я, конечно, понимал, что бедолаге хотелось выиграть, чтобы бросить работу учителя и вернуться в Лондон, но ему всё равно не следовало дважды будить меня в три часа ночи: первый раз для того, чтобы предложить самим готовить для Гарольда пищу, в которую враги могли подсыпать яд, а во второй — потому что он услышал загадочный шорох в кустах. Но окончательно он меня доконал, когда потребовал, чтобы в воскресенье вечером, накануне состязаний, я отправился на вечернюю службу в церковь.

— С какой стати? — возмутился я, благо, по правде говоря, недолюбливаю вечерние песнопения.

— Сам я пойти не могу. Меня здесь не будет. Сегодня уезжаю в Лондон с Эгбертом. — Эгберт был сыном лорда Уикхэммерсли и учеником Бинго. — Его посылают в Кент, и мне надо проследить, чтобы он сел на поезд, отбывающий с вокзала Чаринг-Кросс. Проклятье! Я вернусь не раньше чем в понедельник днём и, должно быть, пропущу самое интересное. Таким образом, теперь всё зависит от тебя, Берти.

— Но почему один из нас обязательно должен присутствовать на вечерней службе?

— Осёл! Гарольд поет в хоре!

— Ну и что? Если он свернёт себе шею, взяв слишком высокую ноту, я не смогу ему помешать.

— Болван! Стегглз тоже поёт в хоре! Он сможет что-нибудь сотворить с Гарольдом после службы.

— Какая чушь!

— Правда? — угрожающим тоном произнёс Бинго. — Позволь мне сказать, что в «Дженни, девушка-жокей» негодяй похитил мальчика, который должен был скакать на фаворите, в ночь перед скачками, а кроме него никто не мог справиться с лошадью, и если бы героиня не надела камзол жокея и…

— Ох, ну ладно! Ладно! Но если ты считаешь, что есть опасность, не проще ли Гарольду просто не ходить в церковь?

— Он должен пойти. Надеюсь, ты не думаешь что треклятый ребёнок — образец добродетели, от которого все в полном восторге? У него самая дурная репутация среди деревенских мальчишек. Его имя давным-давно смешано с грязью. Он столько раз прогуливал службы, что приходской священник пригрозил

выгнать его из хора, если это ещё раз повторится. Хороши мы будем, если его выгонят накануне соревнований!

Само собой, после этих слов мне ничего не оставалось, как пересилить себя и пойти в церковь. От вечерней службы в деревенской церкви почему-то всегда становится спокойно на душе и начинает клонить в сон. Возникает такое ощущение, что день закончился идеально. За кафедрой сегодня стоял старый Хеппенстолл, а его проповеди, которые он всегда читает размеренным, чуть блеющим голосом, настраивают на миролюбивый лад. Дверь в церковь была открыта, и в воздухе стоял смешанный запах деревьев, жасмина, плесени и чистой выходной одежды деревенских жителей. Повсюду, куда хватало глаз, фермеры сидели в расслабленных позах, мерно дыша, а дети, вначале ёрзавшие на своих местах, казалось, впали в транс. Последние лучи закатного солнца проникали в цветные стёкла, птицы пели на ветвях деревьев, женские платья слегка шелестели в Тишине и Покое. Именно к этому я и веду свой рассказ. Я наслаждался тишиной и покоем. Все наслаждались тишиной и покоем. И поэтому взрыв прозвучал как известие о конце света.

Я назвал это взрывом, потому что другого слова подыскать не смог. Только что в церкви царили Тишина и Покой, которые нарушал лишь убаюкивающий голос старого Хеппенстолла, говорившего о наших обязанностях по отношению к ближним, и вдруг раздался дикий, душераздирающий визг, бивший в темечко, пронзавший позвоночник и выходивший из пяток.

— Ии-ии-ии-ии-ии! Оо-ии! Ии-ии-ии-ии!

Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что орут по меньшей мере пятьсот свиней, которым одновременно откручивают хвосты, но на самом деле это был всего лишь один Гарольд, с которым случилось нечто вроде истерики. Он прыгал на месте и изо всех сил лупил себя по шее. И каждые несколько секунд он переводил дыхание и вновь начинал визжать.

Ну, вы сами понимаете, когда такое происходит во время вечерней службы, ни о каких Тишине и Покое не может быть и речи. Прихожане мгновенно вышли из транса и повскакали с мест, стараясь не пропустить ничего интересного. Старый Хеппенстолл оборвал себя на полуслове и резко повернулся. А два церковных служителя, не потерявшие присутствия духа, как леопарды кинулись по боковому приделу, сцапали визжащего Гарольда и уволокли его в ризницу. Я схватил шляпу и кинулся к служебному входу. Я никак не мог взять в толк, что, прах побери, случилось, но в глубине души чувствовал, что без Стеггльза здесь не обошлось.

* * *

Пока я добрался до служебного входа и уговорил кого-то открыть дверь, которая оказалась запертой, служба закончилась. Старый Хеппенстолл стоял в окружении хора мальчиков, церковных служащих, пономарей и уж не знаю кого ещё и распекал никудышного Гарольда на все лады. По-видимому, я появился в самом конце его смачной речи.

— Презренный мальчишка! Как ты смел…

— У меня нежная кожа!

— Мы говорим не о твоей коже…

— Кто-то сунул мне жука за шиворот!

— Глупости!

— Я чувствовал, как он шевелится!

— Ерунда!

— Врёт и не краснеет, правда! — сказал над моим ухом чей-то голос.

Это был Стегглз, будь он проклят. Одетый в белоснежный стихарь, или сутану, или как там это называется, с озабоченным выражением на лице негодяй нагло смотрел мне прямо в глаза, цинично улыбаясь.

— Это вы сунули ему жука за пазуху? — вскричал я.

— Я?! — сказал Стегглз. — Я?!

Старый Хеппенстолл надел скуфью.

— Я не верю ни одному твоему слову, негодный мальчишка! Я не раз предупреждал тебя, что ты будешь наказан, и сейчас пришло время перейти от слов к делу. С этой минуты ты больше не будешь петь в моём хоре. Уходи, позорник, с моих глаз!

Стегглз дёрнул меня за рукав.

— В этом случае, — сказал он, — ваши ставки, знаете ли… боюсь, вы потеряли свои деньги, дорогой мой друг. Я всегда говорил, что заключать пари заранее небезопасно.

Я бросил на Стегглза взгляд, который, однако, не возымел на него никакого действия.

— А ещё говорят, что спорт — занятие благородное! — сказал я. Мне хотелось как следует подколоть его, разрази меня гром!

* * *

Дживз выслушал мой рассказ, не моргнув глазом, но я видел,

что в душе он испытал некоторое потрясение.

— Изобретательный молодой джентльмен, мистер Стегглз, сэр.

— Ты хочешь сказать, прохвост и пройдоха!

— Возможно, эти слова больше к нему подходят. Однако в спорте всякое бывает, сэр, и сожалеть о том, что произошло, бессмысленно.

— Хотел бы я иметь твой жизнерадостный характер, Дживз.

Дживз поклонился.

— Теперь нам в основном остаётся рассчитывать на мисс Пенуорти, сэр. Если она оправдает ожидания мистера Литтла и покажет свой класс в беге матерей в мешках, наш выигрыш покроет наши расходы.

— Да, но это небольшое утешение. Мы надеялись сорвать хороший куш.

— Возможно, не всё ещё потеряно, сэр. Прежде чем мистер Литтл уехал, я убедил его поставить небольшую сумму от каждого из членов синдиката на бег девочек с яйцом на ложке.

— На Сару Миллз?

— Нет, сэр. На аутсайдера, при ставках с большой разницей шансов. На малышку Пруденс Бакстер, сэр, дочь главного садовника его светлости. Отец заверил меня, что у неё твёрдая рука. Она ежедневно приносит ему кружку пива из дома и, по его утверждению, ни разу не пролила ни капли.

— Может, рука у неё и твёрдая, Дживз, но как насчёт скорости? Когда в состязании принимают участие такие закалённые бойцы, как Сара Миллз, надо всё учитывать.

— Я понимаю, сэр, что загадал далеко вперёд, но тем не менее счёл разумным на неё поставить.

— От каждого из нас?

— Да, сэр.

— Ладно, Дживз, пусть будет так. Я пока ещё не слышал, чтобы ты хоть в чём-нибудь допустил промашку.

— Большое спасибо, сэр.

* * *

Должен вам признаться, что к школьным пикникам я отношусь крайне подозрительно и, как правило, стараюсь держаться от них подальше. Никогда не знаешь, в какую историю можешь вляпаться и чем она закончится. Но на этот раз на карту

было поставлено слишком много — если вы понимаете, о чём идёт речь, — и я, стиснув зубы, отправился в парк Твинг-холла. Как я и ожидал, зрелище было не из самых весёлых. Весь парк заполонили крестьяне, которые издали казались какой-то бесформенной, колеблющейся массой. Дети сновали взад и вперёд. Какая-то малышка уцепилась за мою руку и повисла на ней, пока я пробивался сквозь толпу к тому месту, где матери бежали в мешках. Нас никто друг другу не представлял, но девочка, видимо, решила, что я мечтаю услышать о тряпичной кукле, которую она только что выиграла в какую-то игру.

— Я назову её Гертрудой, — доверительно сообщила мне малышка, — и я буду раздевать её перед сном, и укладывать в кроватку, и будить её по утрам, и одевать, и раздевать её перед сном, и укладывать в кроватку, и будить её по утрам, и одевать…

— Послушай, старушка, — сказал я. — Мне не хочется тебя торопить, и всё такое, но ты не могла бы несколько сократить свой рассказ? Я хочу успеть к финишу бега матерей в мешках. От результата, грубо говоря, зависит благосостояние Вустеров.

— У меня тоже скоро состязание, — сообщила девочка, позабыв о кукле и явно приготовившись к долгому разговору на другую тему.

— Да? — рассеянно спросил я, пытаясь сквозь просветы в толпе рассмотреть, как проходит бег матерей. — Какое именно?

— Яйцо на ложке.

— Да ну, правда? Ты Сара Миллз?

— Не-а. — Лицо её обиженно искривилось. — Я Пруденс Бакстер.

Естественно, моё отношение к ней резко переменилось, и я посмотрел на неё с нескрываемым любопытством. Девочка из наших конюшен. Должен признаться, она не выглядела особо бойкой. Пухленькая коротышка. И, как мне показалось, совсем не в форме.

— Знаешь что, — сказал я, — если ты собираешься соревноваться, тебе не стоит стоять на солнце. Ты должна сохранить свои силы, подружка. Сядь в тень и отдохни.

— Не хочу сидеть.

— Ну, всё равно, постарайся не переутомляться.

Она тут же поменяла тему разговора. По-моему, ей это удавалось легче, чем бабочке порхать с цветка на цветок.

— Я хорошая девочка, — сказала она.

— Не сомневаюсь. Надеюсь, ты не менее хорошая бегунья с яйцом на ложке.

— Гарольд плохой мальчик. Гарольд визжал в церкви, и ему не разрешили прийти на пикник. Я рада, — продолжала юная

представительница женского пола, добродетельно сморщив нос, — потому что он плохой мальчик. В пятницу он дёрнул меня за косичку. Гарольд не придёт на пикник! Гарольд не придёт на пикник! Гарольд не придёт на пикник! — пропела она, явно гордясь собой.

— Не сыпь мне соль на раны, дорогая моя дочь доброго, старого садовника,

— попросил я. — Ты даже не понимаешь, что разишь меня в самое сердце!

— Ах, Вустер, дорогой мой, я вижу, вы подружились с молодой леди?

Старый Хеппенстолл подошёл ко мне, сияя улыбкой. Главное действующее лицо на пикнике.

— Я восхищён, дорогой мой Вустер, — продолжал он, — я восхищён тем пылом, с которым вы, молодые люди, приняли участие в нашем скромном деревенском празднике.

— Да ну, правда? — спросил я.

— Правда! Даже Руперт Стегглз не остался в стороне. Должен признаться, моё мнение о Руперте Стегглзе сегодня заметно изменилось к лучшему.

Моё мнение о нём не изменилось, но я промолчал.

— Между нами говоря, я всегда считал Руперта Стегглза очень эгоистичным молодым человеком, который не заботится о благе ближнего. Но, представьте себе, дважды за последние полчаса я видел, как он угощал миссис Пенуорти, жену нашего торговца табачными изделиями, чаем с булочками!

Я покинул его, даже не извинившись. Выдернув руку из цепкого захвата девочки, я кинулся к тому месту, где заканчивался бег матерей в мешках. У меня возникло жуткое предчувствие, что без очередной низкой проделки здесь не обошлось. Первым, кого я увидел у канатов, был малыш Бинго. Я схватил его за плечо.

— Кто выиграл?

— Не знаю. Не заметил. — Бедолага говорил с горечью. — Но это была не миссис Пенуорти, прах её побери! Берти, этот Стегглз — змея в коже ящерицы! Не понимаю, как он о ней пронюхал. Знаешь, что произошло? За пять минут до начала соревнований он завёл её в палатку и угостил таким количеством булочек, что бедная женщина рухнула через двадцать ярдов после старта. Упала и не смогла подняться! Слава богу, у нас есть Гарольд.

От изумления у меня отвалилась нижняя челюсть.

— Гарольд! Разве ты не в курсе?

— В курсе? — Бинго позеленел. — В каком курсе? Я абсолютно не в курсе! Я приехал пять минут назад. Пришёл сюда

прямо со станции. Что случилось?

Я объяснил ему, как обстоят дела. Какое-то время он смотрел на меня остекленевшим взглядом, затем, глухо застонав, повернулся и исчез в толпе. Я его не винил. Бедняга получил страшный удар и, естественно, окончательно упал духом.

Скоро должен был начаться забег «Яйцо на ложке», и я решил остаться и досмотреть соревнования до конца. Честно говоря, я не рассчитывал на выигрыш. Пруденс Бакстер прекрасно работала языком, но мне казалось, до победы ей было далеко.

Стартовали девочки совсем неплохо. Вперёд вырвался рыжеволосый ребёнок, второй была веснушчатая блондинка и третьей — Сара Миллз. Наша ставленница семенила по полю, далеко отстав от лидеров. В самом начале мне стало ясно, кто победит: Сара Миллз так грациозно держала ложку ни разу не дрогнувшей рукой, что смотреть на неё было одно удовольствие. Яйцо даже не шелохнулось, хотя шла она быстрым шагом. Я бы сказал, у неё был прирождённый талант носить яйца на ложках, если таковой существует.

Первоклассный спортсмен всегда себя покажет. За тридцать ярдов до финиша рыжеволосый ребёнок споткнулся, и яйцо шмякнулось на землю, оставив по себе горькие воспоминания. Веснушчатая блондинка боролась до конца, но пороху у неё явно не хватило, и Сара Миллз пришла к финишу, опередив соперницу на несколько корпусов. Третье место заняла девочка с косичками и круглым лицом, а Пруденс Бакстер, протеже Дживза, была то ли пятой, то ли шестой.

А затем толпа увлекла меня к тому месту, где старый Хеппенстолл собирался выдавать призы. К своему изумлению, я увидел, что рядом со мной стоит Стегглз.

— Привет, старина! — жизнерадостно улыбаясь, сказал он. — Сегодня вам здорово не повезло.

Я обдал его презрением, но на это жалкое ничтожество никакие взгляды не действовали.

— Не повезло всем, кто крупно рисковал, — продолжал он. — Бедный Бинго Литтл проигрался в пух и прах на беге девочек с яйцом на ложке.

Мне совсем не хотелось разговаривать с отпетым негодяем, но я так удивился, что невольно спросил:

— В каком это смысле «в пух и прах»? Мы… он сделал совсем небольшую ставку.

— Не знаю, что вы называете «небольшой». Он поставил на Пруденс Бакстер по тридцать фунтов от трёх человек.

Мир передо мной покачнулся.

— Что?!

— При ставках десять к одному. Видимо, его прельстила разница шансов, и он попытался сорвать крупный куш, но — увы! — у него ничего не вышло. Никаких неожиданностей в этом соревновании не произошло.

Я попытался посчитать в уме, сколько денег потерял наш синдикат. Мне удалось сложить половину цифр, когда издалека до меня донёсся голос старого Хеппенстолла. Я помнил, что при раздаче призов старик обычно говорил очень доброжелательным, по отечески снисходительным тоном, но сейчас почему-то голос у него был страдальческим, и он смотрел на толпу с печалью во взоре.

* * *

— А теперь я хочу сказать несколько слов о только что завершившемся беге девочек с яйцом на ложке, — произнёс он. — Как мне ни прискорбно, но я должен выполнить свой долг. Я не в силах пренебречь обстоятельствами, которые стали мне известны. И я не погрешу против истины, если скажу, что потрясён до глубины души.

В течение пяти секунд он дал зрителям возможность догадаться, что именно его потрясло, затем продолжал:

— Три года назад, как вы прекрасно помните, я был вынужден вычеркнуть из списка нашего ежегодного праздника бег отцов на четверть мили, так как до меня дошли слухи, что в деревенской гостинице заключались пари на победителя, а самого быстрого отца просто подкупили, чтобы он не пришёл первым. После этого ужасного случая моя вера в человеческую природу сильно пошатнулась, но должен признаться, я не сомневался, что порок не коснётся соревнований детей. В данном случае я говорю о беге девочек с яйцом на ложке. Увы! Как выяснилось, я оказался обманутым в своих ожиданиях!

Он вновь умолк, чтобы передохнуть и справиться со своими чувствами.

— Я не стану утомлять вас неприятными подробностями. Достаточно сказать, что незадолго до соревнования один из приезжих, слуга человека, гостящего в Твинг-холле, — я не назову его имени, — дал нескольким участникам забега по пять шиллингов, чтобы они… э-э-э… финишировали. Глубокое чувство раскаяния заставило его прийти ко мне и во всём признаться, но сделанного не воротишь. Зло свершилось, теперь пришло время

возмездия. Нельзя ограничиться полумерами. Наказание должно быть суровым. Таким образом, я объявляю, что Сара Миллз, Джейн Паркер, Бетси Клей и Рози Джукс дисквалифицированы и отныне лишаются права принимать участие в любительских соревнованиях, а эта прекрасная сумочка для вышивания, любезно предоставленная лордом Уикхэммерсли, присуждается Пруденс Бакстер. Поприветствуем победительницу!

ГЛАВА 15. Дух метрополии

Никто лучше меня не знает, что во многих отношениях малыш Бинго — парень хоть куда. Хотите верьте, хотите нет, но жизнь моя протекала бы не так интересно, если б я не был знаком с ним со школьной скамьи. И если мне захочется немного развлечься или куда-нибудь сходить, я в первую очередь выберу себе в спутники Бинго. Но я не могу не отметить, что у него имеются некоторые недостатки. Например, ему следовало бы изменить своей привычке влюбляться в каждую вторую встречную, а затем громко оповещать мир о своей любви. Если вы человек скрытный, не общайтесь с Бинго, — лучше сразу напишите о себе рекламную брошюру.

Знаете, к чему я это говорю? Не прошло и месяца после того, как я вернулся из Твинг-холла, мне пришла телеграмма следующего содержания:

Послушай, Берти, старина, наконец-то я полюбил. Она самая удивительная девушка в мире, Берти, старина! Наконец-то я полюбил по-настоящему, Берти! Немедленно приезжай и захвати с собой Дживза. Да, кстати, ты знаешь табачную лавочку на углу Бонд-стрит, с левой стороны? Если не трудно, купи мне сотню их особых сигарет и пришли сюда. Я уверен, когда ты её увидишь, ты тоже скажешь, что она самая удивительная девушка в мире. Не забудь захватить с собой Дживза. Пришли сигареты. БИНГО.

Телеграмма была отправлена из почтового отделения в Твинге. Значит, придурок отдал этот совершенно непотребный текст в руки потрясённой местной телеграфистке, которая, вне всяких сомнений, была первой сплетницей на деревне. К вечеру новость наверняка облетела всю округу. С тем же успехом он мог нанять глашатая. Когда я был ребёнком, мне очень нравилось читать о всяких рыцарях, и викингах, и особого рода деятелях, которые не краснея поднимались из-за стола во время пира и ни с того ни с сего разражались песней о том, что их девушки — бесценные сокровища. По-моему, Бинго родился слишком поздно. В те времена он чувствовал бы себя как рыба в воде.

Дживз принёс мне телеграмму на подносе вместе с рюмкой виски, которую я обычно пью перед сном. Прочитав восторженное послание Бинго, я тут же рассказал о нём толковому малому и добавил:

— Само собой, удивляться не приходится. Вот уже два месяца, как бедолага ни в кого не влюблялся. Интересно, кого он нашёл на этот раз?

— Мисс Мэри Берджесс, сэр, — сказал Дживз, — племянницу

его преподобия мистера Хеппенстолла. Она гостит в Твинге, в доме священника.

— Великий боже! — Я подозревал, что Дживзу известно всё на свете, но никогда не думал, что он обладает даром ясновидения. — Откуда ты знаешь?

— Когда мы отдыхали летом в Твинг-холле, сэр, я довольно близко сошёлся с дворецким мистера Хеппенстолла. Он человек любезный и время от времени сообщает мне местные новости. Судя по его словам, сэр, племянница мистера Хеппенстолла очень достойная молодая леди, серьёзная и благоразумная. Мистер Литтл слишком epris, сэр. Брукфилд — так зовут дворецкого — сообщил мне, что на прошлой неделе он заметил, как мистер Литтл стоял лунной ночью и смотрел на его окно.

— Чьё окно? Брукфилда?

— Да, сэр. По всей видимости, мистер Литтл находился под впечатлением, что это окно молодой леди.

— Но за каким ладаном, прах побери, его вообще понесло в Твинг-холл?

— В связи с тем, что мистеру Литтлу крупно не повезло на скачках в Хэрст-парке несколько недель назад, сэр, он вновь был вынужден занять место гувернёра у сына его светлости, лорда Уикхэммерсли.

— Боже всемогущий, Дживз! Есть ли на свете такое, чего ты не знаешь?

— Не могу сказать, сэр.

Я задумался.

— Тебе кажется, он хочет, чтобы мы приехали и немного ему помогли?

— По-моему, именно с этой целью он отправил телеграмму, сэр.

— Ну, что нам делать? Поедем?

— Я бы советовал поехать, сэр. Если позволите выразить моё мнение, я считаю, мистеру Литтлу надо помочь.

— Думаешь, на этот раз он нашёл то, что надо?

— Я слышал о молодой леди только хорошее, сэр. Я убеждён, что она окажет прекрасное влияние на мистера Литтла, если его роман закончится благополучно. Подобный союз, в чём я не сомневаюсь, также вернёт мистеру Литтлу расположение его дяди, так как у молодой леди большие связи в обществе и свой постоянный доход. Короче говоря, сэр, мне кажется, мы должны сделать всё, что в наших силах, чтобы брак между молодой леди и мистером Литтлом состоялся.

— Ну, если у Бинго за спиной будешь стоять ты, — сказал я, — то даже он вряд ли сумеет что-нибудь напортить.

— Вы очень добры, сэр. Я надеюсь оправдать ваше доверие.

На следующий день Бинго встретил нас на вокзале в Твинге и настоял, чтобы Дживз отвёз багаж на машине, а мы с ним прошлись пешком. Не успев сделать и двух шагов, он заговорил о девушке.

— Она удивительное создание, Берти. Совсем не похожа на легкомысленных современных девиц. Она нежная, серьёзная, прекрасная, чистая. Она напоминает мне… как её зовут?

— Мэри Ллойд?

— Святую Сесилию, — сказал малыш Бинго, обдав меня презрением. — Она напоминает мне святую Сесилию. Глядя на неё, мне хочется стать лучше, благороднее, умнее, мужественнее.

— Никак не могу взять в толк, — задумчиво произнёс я, вслух развивая пришедшую мне в голову мысль, — по какому принципу ты их выбираешь? Я имею в виду девушек, в которых ты влюбляешься. Я не встречал среди них двух одинаковых. Сначала это была Мэйбл, официантка, потом Гонория Глоссоп, затем Шарлотта Кордэ Роуботам…

Я должен отдать Бинго должное: услышав это имя, он задрожал с головы до ног. Честно признаться, когда я вспоминаю Шарлотту, меня тоже пробирает дрожь.

— Надеюсь, ты шутишь, Берти! Ведь не станешь же ты сравнивать те чувства, которые я питаю к Мэри Берджесс, то святое обожание, ту духовную…

— Ох, ну хорошо, я тебе верю, — сказал я. — Послушай, старина, тебе не кажется, что мы заблудились?

Учитывая, что мы направлялись в Твинг-холл, я не совсем понял, зачем нам понадобилось идти таким длинным маршрутом. От вокзала до Твинга было две мили по дороге, а мы свернули на тропинку, пересекли несколько холмов, прошлись по полю и очутились ещё на одной тропинке.

— Иногда она прогуливается здесь со своим братом, — пояснил Бинго. — Я подумал, мы могли бы встретить её и раскланяться, и тогда ты её увидел бы, а затем мы пошли бы домой.

— Шикарное развлечение и достойная награда после долгой прогулки в туфлях по свежевспаханным полям, — сказал я, — но всё-таки больше мы ничего не предпримем? Разве мы не поболтаем с девушкой и не проводим её немного?

— Боже всемогущий! — искренне удивившись, воскликнул Бинго. — Не думаешь же ты, что я осмелюсь на такое? Я лишь любуюсь ею издалека, ну, в общем, сам понимаешь. Скорее! Она идёт! Нет, это не она!

Я невольно вспомнил песенку Гарри Лаудера, где парень

ждёт девушку и поёт: «А вот и она-а-а. Нет, это кро-олик!» Малыш Бинго заставил меня трястись на северном ветру минут десять, несколько раз поднимая ложную тревогу, и я, не выдержав нервного напряжения, совсем было собрался предложить ему плюнуть на это дело и пойти домой, когда из-за поворота тропинки вышел фокстерьер, и Бинго задрожал, как осиновый лист. Затем в поле нашего зрения возник маленький мальчик, и Бинго затрясся, как желе. И наконец, как звезда экрана, выходу которой предшествовало появление personnel ensemble, показалась девушка, после чего на Бинго стало жалко смотреть. Он покраснел как рак, и, глядя на его белый воротничок и синий от холодного ветра нос, можно было подумать, что ему пришло в голову изобразить французский флаг. Ноги у него подкосились, а туловище согнулось, словно его внезапно прихватил радикулит.

Он попытался поднять руку к шляпе и в этот момент заметил, что девушка была не одна. Рядом с ней шёл парень в церковном облачении, и его присутствие не привело Бинго в восторг. Он покраснел ещё больше, а нос у него посинел ещё сильнее, и он едва успел донести руку до шляпы, прежде чем они прошли мимо.

Девушка поклонилась, викарий сказал: «Ах, Литтл! Дурная сегодня погода!», собака гавкнула, а затем вся честная компания скрылась за поворотом тропинки. Мы развлеклись лучше некуда.

* * *

Священник оказался для меня фактором неизвестным. Когда я вернулся в Твинг-холл, я рассказал о нём Дживзу, но, естественно, Дживз и так всё знал.

— Это его преподобие, мистер Уингхэм, новый викарий мистера Хеппенстолла, сэр. Насколько я понял Брукфилда, он соперник мистера Литтла, и в настоящий момент молодая леди отдаёт ему предпочтение. Преимущество мистера Уингхэма состоит в том, что он живёт в одном доме с молодой леди. После обеда они играют в четыре руки или поют дуэтом, сэр, что помогает им сблизиться. Когда это происходит, мистер Литтл, как я слышал, бродит вокруг дома священника и вздыхает.

— По-моему, несчастный олух ни на что другое не способен. Вздыхать он умеет, но дальше этого дело не идёт. Он потерял форму. В нём пропал боевой дух. Знаешь, когда мы её встретили, у слизняка не хватило мужества открыть рот и сказать

«здравствуйте».

— По всей видимости, сэр, любви мистера Литтла мешает благоговейный страх перед молодой леди.

— Так как же нам помочь человеку, который ведет себя трусливее зайца? У тебя есть какие-нибудь предложения? Я увижусь с ним после обеда, и он наверняка спросит, что ты посоветовал.

— С моей точки зрения, сэр, мистеру Литтлу необходимо сконцентрировать всё своё внимание на молодом джентльмене.

— На её брате? Что ты имеешь в виду?

— Ему надо с ним подружиться, вместе гулять и так далее.

— По-моему, ты перемудрил, Дживз. Я ожидал от тебя большего.

— Это будет началом, сэр, которое может привести к желаемому результату.

— Ладно, я ему скажу. Мне она понравилась, Дживз.

— Очень достойная молодая леди, сэр.

Вечером я передал Бинго информацию из надёжного источника, и бедолага сразу заметно повеселел.

— Дживз всегда прав, — сказал он. — Я мог бы и сам до этого додуматься. Завтра же возьмусь за дело.

Просто удивительно, до какой степени парень воспрял духом. Задолго до того, как я уехал в Лондон, он уже запросто беседовал с девушкой. Когда они встречались, он больше не выглядел паралитиком. Её брат установил между ними связь куда более тесную, чем какие-то там дуэты с викарием. Я спросил Бинго, о чём он разговаривает с девушкой, и он ответил, что они обсуждают будущее Уилфреда. Она надеялась, что Уилфред когда-нибудь станет викарием, а Бинго категорически возражал, так как в викариях, по его мнению, было что-то не то.

В тот день, когда мы уезжали, Бинго пришёл проводить нас вместе с Уилфредом. Они болтали, как старые школьные приятели, и уже из окна поезда я видел, что Бинго покупает ему шоколадки в вокзальном автомате. Идиллическая сцена. Помнится, я подумал, что дело Бинго в шляпе.

* * *

Тем более мне было удивительно, когда недели через две я получил телеграмму следующего содержания:

Берти старина послушай ты не мог бы немедленно приехать?

Проклятье всё пошло прахом. Проклятье Берти ты просто должен приехать. Я в полном отчаянии и сердце моё разбито. Тебя не затруднит прислать мне ещё сотню особых сигарет? Когда поедешь захвати с собой Дживза Берти. Ты просто должен приехать Берти. Я на тебя полагаюсь. Не забудь захватить Дживза. БИНГО.

Должен сказать, что для парня, который вечно сидит без гроша в кармане, такая расточительность непростительна. Я имею в виду, Бинго — самый болтливый из отправителей телеграмм на свете. Он просто не понимает, что подобные послания можно сократить. Олух царя небесного изливает свою раненую душу по два пенса за слово, или сколько там, не задумываясь о деньгах.

— Что скажешь, Дживз? — спросил я. — По правде говоря, он меня утомил. Я не могу каждые две недели отменять все свои встречи и мчаться в Твинг, чтобы пообщаться с Бинго. Пошли ему телеграмму и посоветуй раз и навсегда покончить со всеми мучениями, утопившись в деревенском пруду.

— Если вы позволите мне отлучиться на ночь, сэр, я буду счастлив съездить в Твинг-холл и узнать, в чём дело.

— Проклятье! Ладно, ничего не попишешь. В конце концов, ему нужен именно ты. Отправляйся и разузнай, что там стряслось.

Дживз вернулся на следующий день.

— Ну? — спросил я.

— Я сделал всё, что мог, сэр, — сказал он, — но боюсь, дела мистера Литтла плохи. После того как мы уехали, сэр, произошли неприятные, я бы осмелился предположить, зловещие события.

— Да ну, Дживз? Какие?

— Возможно, вы помните мистера Стегглза, сэр, — молодого джентльмена, который готовился к экзаменам, обучаясь у мистера Хеппенстолла в доме священника?

— При чем тут Стегглз? — спросил я.

— Из слов Брукфилда, сэр, который случайно услышал одну беседу, я понял, что мистер Стегглз проявил интерес к поклонникам молодой леди.

— Великий боже! Неужели он опять взялся за старое?

— Мистер Стегглз, сэр, заключает пари со своими приятелями. Он ставит против мистера Литтла, сэр, чьи шансы расценивает весьма невысоко.

— Мне это не нравится, Дживз.

— Зловещий симптом, сэр.

— Насколько я знаю Стегглза, без нечистой игры не обойдётся.

— Она уже состоялась, сэр.

— Уже?

— Да, сэр. Следуя моему совету, который мистер Литтл принял по доброте сердечной, он как-то прогуливался с молодым господином Берджессом по благотворительному церковному базару и повстречался там с мистером Стегглзом, сопровождавшим молодого господина Хеппенстолла, второго сына его преподобия мистера Хеппенстолла, недавно вернувшегося из Рэгби и только что оправившегося от свинки. Встреча произошла в небольшой столовой, где мистер Стегглз угощал молодого господина Хеппенстолла. Не вдаваясь в подробности, сэр, хочу сказать вам, что два джентльмена заинтересовались тем рвением, которое проявили молодые господа, поглощая пищу, и мистер Стегглз предложил мистеру Литтлу заключить пари, утверждая, что его кандидат, молодой господин Хеппенстолл, съест больше, чем молодой господин Берджесс. Мистер Литтл признался мне, что колебался, прежде чем согласиться, так как невольно задумался о том, что произойдёт, если мисс Берджесс обо всём узнает, но затем в нём взыграл спортивный дух, и он принял пари. Оба ребёнка с энтузиазмом взялись за дело, и в конце концов молодой господин Берджесс оправдал надежды мистера Литтла, хотя это далось ему нелегко. На следующий день оба соперника мучились сильными болями; было проведено расследование и сделано признание, и мистер Литтл, так говорит Брукфилд, совершенно случайно оказавшийся у дверей гостиной во время разговора, — имел весьма неприятное объяснение с молодой леди, которая заявила, что не желает его больше видеть.

Что там ни говори, факт остаётся фактом: за Стегглзом нужен глаз да глаз. Я думаю, Маккиавелли не мешало бы у него поучиться.

— Его подставили, Дживз! — воскликнул я.

— Я имею в виду, Стегглз специально всё подстроил. Он способен на любую низость.

— Вне всяких сомнений, вы правы, сэр.

— Похоже, ему удалось снять Бинго с дистанции.

— Таково общее мнение, сэр. Брукфилд говорит, что в гостинице «Корова и лошади» за Уингхэма дают семь к одному, но желающих поставить на мистера Литтла не находится.

— Великий боже! Неужто дело дошло до того, что пари заключают в деревне?

— Да, сэр. И в окрестных деревнях тоже. Эта любовная история заинтересовала всю округу. Мне говорили, ставки делают даже в таком отдалённом месте, как Нижний Бингли.

— Ну, тогда не знаю, чем ему можно помочь. Если Бинго

такой осёл…

— Битва почти проиграна, сэр, но тем не менее я предложил мистеру Литтлу принять определённые меры, в результате которых он сможет выгодно себя показать. Я рекомендовал ему заняться добрыми делами.

— Добрыми делами?

— В деревне, сэр. Читать прикованным к постели, ухаживать за немощными и так далее, сэр. Мы должны надеяться, что такой подход даст желаемый результат.

— Может, ты и прав, — несколько неуверенно произнёс я. — Но, поверь мне, если б я был прикован к постели, я дорого бы дал, чтобы не подпустить к себе такого психа, как Бинго, на пушечный выстрел.

— Мой план не без недостатков, сэр, — заметил Дживз.

* * *

В течение нескольких недель я не имел от Бинго никаких известий и решил, что добрые дела оказались ему не по зубам и он, грубо говоря, сошёл с дистанции. Однажды вечером, накануне Рождества, я сильно припозднился, задержавшись на танцах в «Посольстве». Признаться, я валился с ног, так как не присел ни на секунду, выделывая всякие па с обеда до двух часов ночи, и мечтал только об одном: как можно скорее добраться до постели. Представьте себе моё негодование и прочие мои чувства, когда, очутившись в спальне и включив свет, я увидел вместо подушки мерзкие черты лица малыша Бинго. Придурок появился невесть откуда и спал на моей кровати сном младенца с блаженной улыбкой на физиономии.

Это уж было слишком, знаете ли! Мы, Вустеры, целиком за средневековое гостеприимство, и всё такое, но когда дело доходит до того, что всякие типы крадут твою постель, это определённо переходит границы допустимого. Я швырнул в него ботинком, и Бинго подскочил как ужаленный и уселся на кровати.

— В чём дело, в чём дело? — пробормотал он.

— Какого ладана ты делаешь в моей постели?

— А, это ты, Берти. Привет. Уже пришёл?

— Да, пришёл. Что ты делаешь в моей постели?

— Я приехал в город на один день.

— Да, но что ты делаешь в моей постели?

— Прах побери, Берти, — сердито заявил Бинго, — что тебе

далась твоя дурацкая постель? В комнате для гостей тоже постелено. Я своими глазами видел, как Дживз стелил там кровать. Должно быть, он стелил её для меня, но, зная, какой ты радушный хозяин, я решил переночевать здесь. Послушай, Берти, старина, — с чувством произнёс он, видимо, решив больше не обсуждать постельную тему, — передо мной забрезжил свет.

— Ничего удивительного, сейчас начало четвёртого.

— Я говорю в переносном смысле, осёл. В душе моей зажёгся луч надежды. Я имею в виду Мэри Берджесс, сам понимаешь. Присаживайся, и я всё тебе объясню.

— И не подумаю. Я хочу спать.

— Должен тебе сказать, — тут Бинго облокотился о подушки и закурил сигарету из моего любимого портсигара, лежавшего на ночном столике, — что я не могу вновь не восхититься добрым, старым Дживзом. Современный Соломон. Я был в полном отчаянии, когда обратился к нему за советом, но он додумался до такого, что мои дела — предупреждаю, что вновь говорю в переносном смысле, — пошли как по маслу. Может, он докладывал тебе, что порекомендовал мне отвоевать утраченные позиции, занявшись добрыми делами? Берти, старина, — сказал малыш Бинго с надрывом в голосе, — за последние две недели я столько ухаживал за больными, что если б у меня сейчас заболел родной брат и ты привёл бы меня к нему, клянусь, я размозжил бы ему голову кирпичом. Однако, хоть я и чувствую себя вывернутым наизнанку, план Дживза сработал на все сто. Она заметно смягчилась уже через неделю. Мы стали раскланиваться, встречаясь на улице, ну, и всё такое. Несколько дней назад она мне улыбнулась — лёгкой, божественной улыбкой, знаешь ли, — когда я случайно столкнулся с ней у дома священника. А вчера… кстати, ты помнишь этого викария, Уингхэма? Парня с длинным носом?

— Конечно, помню. Твой соперник.

— Соперник? — Бинго поднял брови. — Ах да. Наверное, когда-то его можно было так назвать, хоть подобное утверждение и кажется мне притянутым за уши.

— Правда? — спросил я, несколько обозлённый его отвратительным притворством. — В таком случае разреши тебе сообщить, что совсем недавно в «Корове и лошадях» в Твинге, а также во всех деревнях, включая Нижний Бингли, викарий шёл семь к одному, но желающих поставить на тебя не нашлось.

Бинго подскочил на кровати и посыпал пеплом моё постельное бельё.

— Они играют?! — хрипло выкрикнул он. — Ты хочешь сказать, они играют на священных чувствах… О, проклятье!

Неужели люди не могут соблюсти элементарных правил приличия? Неужели для них ничто не свято? Какое скотство! Семь к одному? — задумчиво произнёс он. — Вот интересно, удастся мне незаметно на себя поставить? Ты случайно не знаешь, кто предложил пари? Хотя нет, откуда тебе знать. И вообще, так дело не пойдёт. Определённо не пойдет.

— Не слишком ли ты в себе уверен? — спросил я. — Мне всегда казалось, что Уингхэм…

— Пусть он тебя не беспокоит. Я совсем забыл упомянуть, что он заболел свинкой и выбыл из игры по меньшей мере на три недели. Новость, приятная сама по себе, но это ещё не всё. Видишь ли, Уингхэм был организатором школьного Рождественского концерта, а сейчас я перешёл ему дорогу. Вчера вечером я договорился со старым Хеппенстоллом, что возьму дело в свои руки. Сам понимаешь, что это для меня значит. Я окажусь в центре внимания всей округи! Меня ждёт слава! Все будут смотреть на меня, ловить каждое моё слово, ну, и всё такое. Я произведу ошеломляющее впечатление на Мэри. Она поймёт, что я способен на серьёзные поступки, что на меня можно положиться в трудную минуту, что я не просто бабочка, порхающая с цветка на цветок…

— Ох, ну хорошо, я тебе верю, хватит!

— Рождественский концерт — большой праздник для деревни. Старый Хеппенстолл только о нём и говорит. На него съезжаются сквайры с семьями со всей округи. Это мой шанс, Берти, старина, и я его не упущу. Конечно, я скован тем, что не участвовал в организации концерта с самого начала. Представляешь, этот тупой индюк в образе викария собирался устроить представление по пьесе, написанной пятьдесят лет назад, в которой нет ни перцу, ни изюминки. Всего я переделать не смогу, слишком поздно, но по крайней мере я внесу в пьесу бодрый дух метрополии. Перепишу самые скучные места и сделаю её развлекательной на все сто.

— Ты не умеешь писать пьес.

— Украду несколько сюжетов из других произведений. Как ты думаешь, для чего я приехал в Лондон? Хочу освежить в памяти ревю «Обнимитесь покрепче». Само собой, ничего шикарного в Твинг-холле не поставишь: декорации там дрянь, а о хоре дебильных мальчиков от девяти до четырнадцати лучше не говорить вслух, но я что-нибудь придумаю. Ты видел «Обнимитесь покрепче?»

— Дважды.

— Ну вот. В первом акте там куча смешных номеров, которые мне подойдут. Затем я хочу посмотреть шоу во Дворце. До

отъезда как раз успею сбегать на дневной сеанс. Так что не переживай по поводу того, что я не умею писать пьес. Можешь на меня положиться, мой мальчик, можешь на меня положиться. А сейчас, старина, — сказал малыш Бинго, укладываясь в постель и накрываясь одеялом, — ты должен дать мне немного отдохнуть. Я не могу болтать с тобой всю ночь. Вам, богатым бездельникам, не о чем беспокоиться, а у меня с утра куча дел. Спокойной ночи, старичок. Когда уйдёшь, погаси за собой свет и не хлопай дверью. Завтрак не раньше десяти, что? Так я и думал. Спокойной ночи.

В течение следующих трёх недель я не видел Бинго, но он стал для меня Гласом Вопиющего в Пустыне, так как завёл моду звонить мне из Твинга и консультироваться по поводу постановки разных сцен. Когда он поднял меня в восемь утра, чтобы узнать, понравится ли мне, если он озаглавит пьесу «Весёлого Рождества!», я решил положить этому конец и высказал придурку всё, что о нём думал. Звонки прекратились, и я постепенно начал забывать о Бинго, когда однажды днём, вернувшись домой, чтобы переодеться к обеду, увидел на кресле огромный плакат, который Дживз с интересом рассматривал.

— Великий боже, Дживз! — воскликнул я. В тот день мне было немного не по себе, и кошмарное зрелище, представшее перед моими глазами, чуть меня не доконало. — Что это такое?

— Мистер Литтл прислал мне афишу в посылке, сэр, и попросил, чтобы я привлёк к ней ваше внимание.

— Тебе это удалось!

Я ещё раз посмотрел на огромное полотно. Несомненно, оно не могло не привлечь внимания. По всей его семифутовой длине яркими красными буквами было написано:

ДЕРЕВНЯ ТВИНГ

Пятница, 23 декабря

РИЧАРД ЛИТТЛ

Представляет новое оригинальное ревю

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТВИНГ»

Пьеса РИЧАРДА ЛИПЛА

Стихи

РИЧАРДА ЛИТТЛА

Музыка

РИЧАРДА ЛИТТЛА

Исполняет хор мальчиков Твинга

Сценические эффекты РИЧАРДА ЛИТТЛА

Режиссёр РИЧАРД ЛИТТЛ

— Что скажешь, Дживз? — спросил я.

— Признаться, я сомневаюсь в успехе, сэр. Мне кажется, мистеру Литтлу лучше было бы следовать моему совету и продолжать заниматься добрыми делами.

— Думаешь, он провалится?

— Трудно ответить определённо, сэр. То, что нравится

лондонской публике, не всегда находит отклик в душах сельских жителей, я знаю это по собственному опыту. Дух метрополии, сэр, иногда кажется слишком эксцентричным в провинции.

— Видимо, мне придётся присутствовать на этом дурацком спектакле.

— Мне кажется, мистер Литтл очень обидится, если вы не приедете, сэр.

* * *

Деревенский Дом в Твинге — небольшое здание, пахнущее яблоками. Оно было переполнено, когда я пришёл туда двадцать третьего числа, специально подгадав к самому началу представления. Я был научен горьким опытом: несколько раз я приходил на подобного рода спектакли раньше срока, после чего меня зажимали в середине ряда и я не мог смыться, когда хотел. Выбрав прекрасный стратегический пункт недалеко от двери, я приготовился смотреть и слушать.

С того места, где я сидел, аудитория была видна как на ладони. Первые ряды, естественно, занимали важные шишки, среди которых находились сквайры с семьями, старый охотник с кирпично-красным лицом и седыми бакенбардами, отряд местных священников и с дюжину наиболее именитых прихожан, имеющих постоянные места в церкви. А сзади, рядом со мной, социальный статус зрителей был совсем низким. Здесь сидели Крепкие Орешки, которые пришли не для того, чтобы посмотреть спектакль, а ради бесплатного чая после представления. В общем, в зале присутствовали все слои общества Твинга. Шишки возбуждённо перешёптывались между собой, мелкая буржуазия сидела по струнке, напоминая горошины из одного стручка, Крепкие Орешки, оправдывая своё название, кололи зубами орехи и хрипло дышали. Девушка, Мэри Берджесс, сидела за пианино и играла вальс. Рядом с ней стоял викарий, видимо, вылечившийся от свинки. В зале было нечем дышать.

Кто— то игриво ткнул меня под рёбра, и, повернув голову, я увидел Стегглза.

— Привет, — сказал он. — Не знал, что вы придёте на спектакль.

Этот малый мне абсолютно не нравился, но мы, Вустеры, умеем носится маски. Я изобразил на лице улыбку.

— Здравствуйте. Бинго просил, чтобы я посмотрел его

представление.

— Я слышал, он приготовил нам нечто потрясающее, — заметил Стегглз. — Сценические эффекты, и всё такое.

— Может быть.

— Конечно, успех очень много для него значит. Он ведь рассказал вам о своей девушке?

— Естественно. И я слышал, вы заключаете пари при ставках семь к одному против Бинго, — иронически сказал я, глядя на прохвоста сверху вниз.

Он даже глазом не моргнул.

— Надо же как-то развеять деревенскую скуку. Но вы несколько отстали от жизни. Это в деревне ставят семь к одному. Если хотите рискнуть, я могу предложить вам более выгодные условия. Поставьте десятку, и я отвечу сто к восьми.

— Боже всемогущий! Вы всем предлагаете такие пари?

— Да. Сам не знаю почему, — задумчиво произнёс Стегглз, — но у меня возникло странное ощущение, нечто вроде предчувствия, что сегодня вечером произойдут какие-нибудь неприятности. Вы ведь знаете Литтла. Он вечно садится в лужу. Внутренний голос говорит мне, что его спектакль с треском провалится. А в этом случае, как вы понимаете, девушка наверняка от него отвернётся. Его положение всегда было достаточно шатким.

— Вы собираетесь сорвать представление? — спросил я мерзавца в лоб.

— Я?! — сказал Стегглз. — О чём вы? Как я могу это сделать? Минутку, мне надо пойти поговорить с одним человеком.

Он улизнул, а я, честно говоря, несколько разволновался. По глазам пройдохи я видел, что он готовит какую-то пакость, и мне захотелось предупредить Бинго об опасности. Но, во-первых, я не знал, где он, а во-вторых, было слишком поздно. Не успел Стегглз уйти, как занавес поднялся.

В начале представления Бинго играл роль суфлёра. События на сцене развивались как в дешёвой мелодраме и очень напоминали «Рождественские сказки для крошек», которые продаются во всех магазинах. Дети шепелявили, голос Бинго грохотал за кулисами, когда тупицы забывали текст, а публика безразлично смотрела и слушала. Затем представление оживил номер, украденный Бинго. Я сразу узнал песенку, которую исполняла Как-её-там певица в ревю, — вы бы тоже её узнали, если б я напел вам мотив, но он, прах его побери, вечно ускользает из моей памяти. Во Дворце этот номер всегда исполняют три раза на бис, и здесь он тоже имел успех, несмотря на то, что писклявый ребёнок изо всех сил фальшивил и

перескакивал с одной тональности на другую, как серна, прыгающая по скалам в Альпах. Даже Крепкие Орешки пришли в восторг. После последнего припева весь зал закричал «бис», и ребёнок, набрав полную грудь воздуха, запищал песню сначала.

В этот момент свет погас.

* * *

По— моему, таких внезапных ощущений я до сих пор ещё не испытывал. Лампочки даже не мигнули. Зал погрузился в темноту.

Как вы сами понимаете, это нарушило очарование, если так можно выразиться. Зрители начали перекликаться, а Крепкие Орешки затопали ногами и приготовились приятно провести время. А Бинго, естественно, не смог не выставить себя перед всеми полным идиотом. Внезапно его голос прозвучал в темноте:

— Леди и джентльмены, что-то произошло со светом…

Крепкие Орешки были счастливы услышать эту информацию из надёжного источника. Они восприняли её как призыв к действию. Затем примерно через пять минут свет зажёгся и представление продолжилось.

Аудитории понадобилось около десяти минут, чтобы окончательно успокоиться и впасть в привычный транс. Некоторое время всё было тихо-спокойно, и спектакль шёл своим чередом. Потом перед закрытым занавесом (после жуткой сцены, в которой волшебница наложила на кого-то какое-то проклятье) появился маленький мальчик, похожий на рыбу-палтус, и затянул песню Джорджа не-помню-как-его из «Обнимитесь покрепче». Вы знаете, о какой песне идёт речь. «Говорила вам мама, девочки!» называлась она и пользовалась большой популярностью в связи с тем, что зрителям надо было подхватывать припев. Довольно пикантная песня, и я часто вдохновенно пел её, купаясь в ванне, но, по правде говоря, она ни в коем случае — это ясно последнему тупице, за исключением, пожалуй, Бинго, — так вот, она ни в коем случае не подходит для детского торжественного представления в деревне. После первого же куплета с припевом публика окаменела; дамы принялись обмахиваться веерами; девица Берджесс, потрясённая до глубины души, механически тыкала пальцами в клавиши, а викарий, стоявший рядом с ней, покраснел и отвёл глаза. В восторг опять же пришли только Крепкие Орешки.

После второго куплета ребёнок неожиданно умолк и заскользил к выходу. После чего состоялся следующий краткий диалог:

МАЛЫШ БИНГО (голос из-за кулис): Говори, что положено!

РЕБЕНОК (плаксиво): Не хочу!

МАЛЫШ БИНГО (громовым голосом): Говори, негодник, или я сверну тебе шею!

Мне кажется, ребёнок пораскинул мозгами и, поняв, что Бинго может сцапать его в любую минуту, решил повиноваться, невзирая на последствия. Он встал на прежнее место, крепко зажмурился и, истерично хихикнув, с трудом выговорил:

— Леди и джентльмены, а сейчас я попрошу сквайра Трессидера спеть нам припев!

Знаете, несмотря на всё моё хорошее отношение к Бинго, иногда мне кажется, что всем было бы спокойнее, если бы его содержали в каком-нибудь частном доме сами знаете для кого. Бедный дурачок, по всей видимости, думал, что это будет гвоздём всего представления. Наверняка он представлял себе, как сквайр немедленно вскочит и зальётся соловьём ко всеобщим радости и веселью. На самом же деле старый Трессидер — заметьте, я его ни капельки не виню — остался сидеть на месте, постепенно багровея и надуваясь как индюк. Мелкая буржуазия замерла, ожидая, когда упадёт крыша. Единственные зрители, которые и сейчас пришли в восторг, были Крепкие Орешки, завопившие в десятки глоток. Сегодня на их улице был праздник.

А затем свет снова погас.

Когда через несколько минут лампочки зажглись, зрители увидели, что сквайр с гордо поднятой головой идёт в сопровождении семьи к выходу. Девица Берджесс сидела за пианино белая как мел, а викарий смотрел на неё с надеждой, видимо осознав, что на самом-то деле всё получилось не так и плохо.

Представление продолжалось. Дети вновь забормотали что-то из «Рождественских сказок для крошек», а затем мисс Берджесс заиграла прелюдию к песенке «Девушка-апельсин» из ревю, которая всегда пользуется огромным успехом. Все актёры вышли на сцену, и из-за занавеса высунулась чья-то рука, чтобы опустить его в нужный момент. Похоже, это был финал, но вскоре я убедился, что вместо театрального термина здесь куда лучше подошло бы обычное слово «конец». Конец света.

Насколько я понимаю, вы видели этот номер во Дворце? Песенка звучит так:

Ох, тра— та-та, тра-та-та, апельсины,

Мои апельсины,
Тра— та, апельсины,
Ох, тра— та-та, тра-та-та, уж не помню чего,
Тра— та-та, тили-бом, и чего-то ещё,
Ох…

По крайней мере слова примерно такие. Прекрасная музыка и неплохой мотив, но популярной эту песенку делало то, что в конце номера девушки доставали из корзин апельсины и кидали их в публику. Не знаю, обращали вы внимание или нет, но зрителям всегда жутко нравится, когда со сцены им чего-нибудь перепадает. Каждый раз зал стонал от восторга.

Но во Дворце, как вы понимаете, апельсины сделаны из шерсти, и девушки не швыряются ими, а мягко подкидывают в первый и второй ряды. Я начал понимать, что сегодня ситуация сложилась несколько иная, когда нечто твёрдое и круглое пронеслось мимо меня и взорвалось, шмякнувшись о стену. Второй жёлтый шар угодил в лоб одной из шишек в третьем ряду, а третий апельсин заехал мне по носу, и на некоторое время я перестал интересоваться представлением.

Когда я кое-как отёр лицо, а глаза мои перестали слезиться, я увидел, что школьный рождественский праздник превратился в нечто напоминающее оживлённую ночь в Белфасте. Повсюду слышались крики и летали фрукты. Дети на сцене развили бурную деятельность, а Бинго метался, не зная, что ему предпринять. Смышлёные ребята поняли, что второго такого шанса им никогда не представится, и поэтому швырялись апельсинами, сияя от счастья. Крепкие Орешки поднимали те апельсины, которые можно было поднять, и кидали их обратно, так что на некоторое время публика попала под перекрёстный огонь. Страсти накалились, а затем свет снова погас.

Я решил, что мне пора уматывать, и потихоньку скользнул к двери. Я вышел на улицу первым, но через несколько секунд публика валом повалила из зала. Они выходили.группами, и я ещё не слышал, чтобы о каком-нибудь представлении у зрителей сложилось столь единодушное мнение. До последнего человека, включая женщин, все проклинали малыша Бинго, и в народе постепенно стало складываться мнение, что его неплохо было бы купнуть в деревенском пруду.

Энтузиастов этой идеи становилось всё больше, и лица у них были такими суровыми, что я решил как-нибудь добраться до Бинго и посоветовать ему натянуть шляпу поглубже на лоб и выйти из здания чёрным ходом. Я вернулся в зал и после

недолгих поисков обнаружил малыша за кулисами. Бедолага, взмокший от пота, сидел на ящике из-под апельсинов и был похож на выжатый лимон. Волосы у него растрепались, плечи поникли, а в глазах стояли слёзы.

— Берти, — сказал он трагическим голосом, увидев меня, — это всё подстроил негодяй Стеггльз! Я поймал одного мальчишку, и он мне во всём признался! Стеггльз подложил настоящие апельсины вместо шаров из шерсти, на которые я ухлопал кучу сил, времени и не меньше фунта стерлингов! Ну погоди же! Сейчас пойду и разорву его на мелкие кусочки! Хоть какое-то будет утешение!

Мне не хотелось нарушать его планы, но у меня не было выхода.

— У тебя нет времени на легкомысленные развлечения, — сказал я. — Тебе надо сматываться. И чем скорее, тем лучше!

— Берти, — безжизненным голосом произнёс Бинго, — она только что была здесь. Сказала, что я во всём виноват и что больше не желает меня видеть. Обозвала меня бессердечным шутником… Ох, что толку? Она порвала со мной всякие отношения.

— Пусть это будет последней твоей неприятностью. — Несчастный придурок никак не мог понять всей трагичности своего положения. — Ты понимаешь, что две сотни широкоплечих крестьян собираются купнуть тебя в пруду?

— Нет!

— Да!

На какое— то мгновение бедолага, казалось, совсем упал духом. Но только на мгновение. В малыше Бинго всегда было что-то от доброго, старого, породистого английского бульдога. Странная, лёгкая улыбка на мгновение озарила его лицо.

— Не беспокойся, — сказал он. — Я выберусь через подвал и перелезу через стену. Меня им не запугать!

* * *

Примерно через неделю после описанных выше событий Дживз, подав мне чай в постель, отвлёк моё внимание от спортивной странички в «Морнинг пост» и указал на колонку брачных объявлений, где сообщалось, что вскоре состоится свадьба между достопочтенным викарием Губертом Уингхэмом, третьим сыном его светлости эрла Стурриджского, и Мэри,

единственной дочерью покойного Мэттью Берджесса из Уэверли Корт, Хантс.

— Естественно, — заметил я, прочитав объявление с востока на запад, — этого следовало ожидать, Дживз.

— Да, сэр.

— Она никогда не простила бы ему того, что произошло.

— Нет, сэр.

— Ну, — сказал я, с наслаждением делая глоток ароматной живительной влаги, — вряд ли Бинго будет долго переживать. На моей памяти подобное происходит с ним в сто пятнадцатый раз. Вот тебя мне жаль, Дживз.

— Меня, сэр?

— Прах побери, не мог же ты забыть, сколько сил затратил, чтобы помочь малышу. Все твои труды пропали даром.

— Не совсем, сэр.

— А?

— Это верно, сэр, что мне не удалось устроить брак между мистером Литтлом и молодой леди, но тем не менее я удовлетворён.

— Потому что сделал всё, что мог?

— Отчасти да, сэр, хотя в данном случае я имел в виду финансовую сторону вопроса.

— Финансовую сторону вопроса? В каком смысле?

— Когда я узнал, что мистер Стеггл заинтересовался данной историей, сэр, я на паях с моим приятелем Брукфилдом откупил билеты ставок у хозяина «Коровы и лошадей». Предприятие оказалось очень выгодным. Ваш завтрак будет готов через несколько минут, сэр. Жареные почки с грибами. Я подам блюдо по вашему звонку, сэр.

ГЛАВА 16. Отъезд с запозданием Юстаса и Клода

ГЛАВА 16. Отъезд с запозданием Юстаса и Клода

Когда в то утро тётя Агата припёрла меня к стенке в моём собственном доме, сообщив мне дурные вести, я почувствовал, что мне перестало везти. Дело в том, знаете ли, что, как правило, я не ввязываюсь в семейные скандалы. В тех случаях, когда одна Тётя перекликается с другой Тётей, подобно мастодонтам в первобытных болотах, а письмо дяди Генри о странном поведении кузины Мэйбл обсуждается на разные лады в семейном кругу (пожалуйста, прочти внимательно и передай Джейн), клан обычно меня игнорирует. Это одно из преимуществ, которыми я пользуюсь как холостяк и к тому же — согласно мнению моих ближайших и дражайших — холостяк слабоумный. «Нет никакого смысла говорить об этом Берти, он всё равно ничего не поймёт»

— таков девиз моих родственников, и должен признаться, я подпишусь под ним обеими руками. Мне нравится спокойная жизнь, знаете ли. И поэтому я решил, что меня просто сглазили, когда тётя Агата величественно вплыла в мою комнату, не дав мне понаслаждаться сигаретой, и принялась разглагольствовать о Юстасе и Клоде.

— Слава всевышнему, — сказала она, — наконец то я пристроила Юстаса и Клода.

— Пристроила? — спросил я, не имея ни малейшего представления, о чём идёт речь.

— В пятницу они отплывают в Южную Африку. Мистер Ван Альстайн, друг бедной Эмилии, устроил их на работу в свою фирму, и мы надеемся, теперь они образумятся и сделают карьеру.

По правде говоря, я ничего не понял.

— В пятницу? Ты имеешь в виду послезавтра?

— Да.

— В Южную Африку!

— Да. На пароходе «Эдинбургский Замок».

— Но зачем? Сейчас середина семестра.

Тётя Агата холодно на меня посмотрела.

— Должна ли я понять, Берти, что тебя так мало волнуют дела твоих ближайших родственников, что ты впервые слышишь об исключении Юстаса и Клода из Оксфорда? Это случилось две недели назад.

— Нет, правда?

— Ты безнадёжен, Берти. Мне казалось, что даже ты…

— Но за что их вытурили?

— Они вылили лимонад за шиворот младшему декану колледжа… не вижу ничего смешного, Берти. Это безобразие!

— Да, да, конечно, — торопливо согласился я. — Поперхнулся дымом. Что-то застряло в горле, знаешь ли.

— Бедная Эмилия, — продолжала тётя Агата. — Безумная мать, которая только губит детей своей любовью. Она хотела оставить их в Лондоне и отдать на военную службу, но я настояла на своём. Колонии — единственное место для таких безрассудных молодых людей, как Юстас и Клод. Последние две недели они жили с твоим дядей Кливом в Уорчестершире. Завтра им придётся провести день в Лондоне, а в пятницу рано утром они сядут на поезд, чтобы успеть к отплытию парохода.

— Немного рискованно, тебе не кажется? Я имею в виду, оставлять их в Лондоне одних почти на сутки.

— Они будут не одни. Ты за ними присмотришь.

— Я?!

— Да. Я хочу, чтобы Клод и Юстас остановились в твоей квартире, а наутро ты проследил бы, чтобы они сели на поезд.

— Ох, нет, послушай!

— Берти!

— Нет, пойми меня правильно, я о них самого лучшего мнения, и всё такое, но оба они психи, знаешь ли… нет, конечно, я всегда рад их видеть, но когда речь идёт о том, чтобы они остановились у…

— Берти, если ты так занят самолюбованием, что даже на минуту не можешь отвлечься, когда к тебе обращаются с пустяковой просьбой…

— Ох, ну хорошо! — сказал я. — Хорошо!

Само собой, спорить не имело смысла. Когда я вижу тётю Агату, мне всегда кажется, что мой позвоночник размягчается до желеобразного состояния. Она относится к тем женщинам, которых называют волевыми. Должно быть, такой же была королева Елизавета. Когда тётя Агата сверкает на меня глазами и говорит: «А ну-ка, живо, мой мальчик» или что-нибудь в этом роде, я повинуюсь, не рассуждая.

Когда она ушла, я позвал Дживза и сообщил ему последние новости.

— Послушай, Дживз, — сказал я. — Завтра к нам приезжают Клод и Юстас. Они останутся на ночь.

— Сэр?

— Я рад, что ты так спокойно к этому отнёсся. Лично я далеко не в восторге. Ты ведь знаешь Клода и Юстаса!

— Энергичные молодые джентльмены, сэр.

— Придурки, Дживз. Придурки, каких мало. Кошмар, что меня ждёт.

— Я вам больше не нужен, сэр?

Как вы понимаете, тут я распрямил плечи и высокомерно на него посмотрел. Мы, Вустеры, становимся холодными как лёд, когда ищем сочувствия, а получаем вежливые отговорки. Я, конечно, знал, в чём было дело. Последние два дня в атмосфере нашего дома витала некоторая напряжённость из-за шикарных штрипок, которые я откопал в магазинчике берлингтонского Пассажа. Одному из чертовски толковых парней, может, даже тому, кто изобрёл разноцветные сигаретные пачки, недавно пришла в голову блестящая мысль выпускать также разноцветные штрипки. Я хочу сказать, вместо обычных серых с белыми вы сейчас можете купить штрипки, копирующие флаг или штандарт школы, где вы учились. И, поверьте, только человек бесчувственный отказался бы от улыбнувшихся ему с витрины совершенно потрясающих добрых итонских штрипок. Я нырнул в магазинчик и совершил покупку, даже не подумав, как к этому отнесётся Дживз. А он не оправдал моих ожиданий. Дживз, хотя его можно во многих отношениях считать лучшим камердинером в Лондоне, слишком консервативен. Старомоден, если вы понимаете, что я имею в виду. Одним словом, враг прогресса.

— Можешь идти, Дживз, — с достоинством сказал я.

— Слушаюсь, сэр.

Он бросил на штрипки ледяной взгляд и исчез. Прах его побери!

* * *

На следующий день, когда я переодевался к обеду, близнецы ворвались ко мне в квартиру, и хотите верьте, хотите нет, давно я не видел таких радостных и весёлых парней. Я всего лет на шесть старше Юстаса и Клода, но, непонятно по какой причине, чувствую себя рядом с ними как старец, которому два шага до могилы. Я и оглянуться не успел, как они заняли мои лучшие кресла, стянули пару моих особых сигарет, налили себе по бокалу виски с содовой и принялись болтать с развязностью честолюбцев, достигших своей заветной цели, — словно это не их только что выперли из колледжа и, можно сказать, отправили в ссылку.

— Привет, Берти, старичок, — поздоровался Клод. — Как

славно, что ты согласился нас приютить.

— Да ну, брось. Я был бы рад, если б вы погостили у меня подольше.

— Слышишь, Юстас? Он был бы рад, если б мы погостили у него подольше.

— Надеюсь, у него останется впечатление, что мы гостили достаточно долго,

— философски заметил Юстас. — Ты в курсе наших дел, Берти? Я имею в виду, знаешь, как нам не подфартило?

— О, да. Тётя Агата мне рассказала.

— Мы покидаем родину на благо родины, — изрёк Юстас.

— И пусть за нас поднимут бокалы, — добавил Клод, — когда мы выйдем в море. Что тебе рассказала тётя Агата?

— Что ты вылил лимонад за шиворот младшего декана.

— Я предпочел бы, прах побери, — раздражённо произнёс Юстас, — чтобы люди не искажали фактов. Это был не младший декан, а старший преподаватель.

— И не лимонад, а содовая, — пояснил Клод.

— Дело было так. Я сел на подоконник с сифоном в руке, а старикашка стоял под окном. Он поднял голову, и… сам понимаешь, если б я не всадил ему струю между глаз, я б упустил блестящую возможность, какая раз в жизни бывает.

— Упустил бы раз и навсегда, — согласился Клод.

— Такое больше могло не повториться, — сказал Юстас.

— Сто к одному, что не повторилось бы, — заявил Клод.

— Ну, Берти, — спросил Юстас, — как ты собираешься развлекать своих дорогих гостей?

— Пообедаем дома, — ответил я. — У Дживза почти всё готово.

— А потом?

— Ну, я думал, мы поболтаем о том, о сём, и вы ляжете спать. Ведь вам завтра рано вставать — поезд уходит около десяти.

Близнецы с жалостью переглянулись.

— Берти, — сказал Юстас. — В твоей программе есть хорошие моменты, но их недостаточно. Я представляю себе наш вечер следующим образом: сначала мы обедаем, а затем отправляемся в «Киро». Там ведь закрывают поздно, верно? Ну вот, до половины третьего, а может, до трёх, нам будет чем заняться.

— После чего, — вставил Клод, — с божьей помощью мы развлечёмся где-нибудь в другом месте.

— Но мне казалось, вам надо хорошенько выспаться перед дальней дорогой.

— Выспаться?! — воскликнул Юстас. — Старичок, неужели

ты мог подумать, что сегодня мы ляжем спать?

* * *

Должно быть, я уже не тот, что был раньше. Я имею в виду, ночные бдения не кажутся мне такими привлекательными, как несколько лет назад. Помнится, когда я учился в Оксфорде, мы гуляли на балу в Ковент-Гардене до шести утра, затем завтракали у Хэммамза и изредка устраивали потасовки с уличными торговцами овощами — тогда мне казалась, это именно то, что доктор прописал. Но сейчас два ночи — предел моих возможностей, а в два часа ночи близнецы только разгулялись и взялись за дело засучив рукава.

Насколько я помню, после «Киро» мы отправились играть в железку с какими-то типами, которых я видел первый раз в жизни, и до дому нам удалось добраться что-то около девяти утра. Должен вам признаться, что к этому времени я туго соображал, на каком я свете. По правде говоря, у меня едва хватило сил попрощаться с близнецами, пожелать им доброго пути и удачной карьеры в Южной Африке, а затем завалиться в постель. Последнее, что я помню, — весёлое пение двух придурков, принимавших холодный душ, которое изредка прерывалось требованиями к Дживзу поскорее подать яичницу с беконом.

Проснулся я около часа дня, чувствуя себя как нечто забракованное Комиссией Пищевых Продуктов, но одна мысль меня утешала: в этот момент близнецы прощались со своей страной, стоя на палубе лайнера. И поэтому можете представить, какой шок я испытал, когда дверь открылась и в спальню вошёл Клод.

— Привет, Берти! — сказал он. — Отоспался? Как насчёт доброго, старого ленча?

За эти несколько часов мне приснилось такое количество кошмаров, что сначала я принял Клода за один из них, причём самый ужасный, и только когда он уселся мне на ноги, я убедился, что не сплю.

— Святые угодники и их тётушка! Что ты здесь делаешь? — с трудом прохрипел я.

Клод посмотрел на меня с упрёком.

— Странным тоном ты разговариваешь со своим гостем, Берти, — укоризненно произнёс он. — Не ты ли вчера вечером

утверждал, что был бы рад, если б я погостил у тебя подольше? Твоё желание исполнилось. Вот он я!

— Но почему ты не уехал в Южную Африку?

— Я так и думал, что тебя это заинтересует, — сказал Клод. — Сейчас всё тебе объясню. Помнишь девушку, с которой ты познакомил меня в «Киро»?

— Какую именно?

— Там была одна девушка, — холодно ответил Клод. — Единственная, о которой стоит говорить. Её звали Марион Вардур. Если ты не забыл, я почти всё время с ней танцевал.

Я начал смутно припоминать события прошедшей ночи. С Марион Вардур мы подружились довольно давно. Очень приятная женщина. Сейчас она играет в спектакле, который идёт в «Аполлоне». Я вспомнил, что она сидела в «Киро» в своей компании и близнецы настояли, чтобы я её с ними познакомил.

— Мы родственные души, Берти, — сказал Клод. — Я пришёл к этому выводу с первой минуты, и чем больше думал, тем сильнее убеждался в своей правоте. Так иногда бывает, знаешь ли. Два сердца бьются в унисон, и так далее, и тому подобное. Короче говоря, я улизнул от Юстаса в Ватерлоо и вернулся. Я не могу уехать в Южную Африку и бросить здесь эту девушку. Само собой, я целиком за Империю и считаю, что колонии надо осваивать, и всё такое, но сам я этого сделать не смогу. В конце концов, — рассудительно произнёс он, — Южная Африка прекрасно до сих пор без меня обходилась, и я не понимаю, почему она должна развалиться, если я в неё не приеду.

— А что насчёт Ван Альстайна, или как его там? Он ведь вас ждёт.

— Хватит с него Юстаса. Обойдётся. Юстас надёжный парень, и наверняка станет каким-нибудь магнатом. Я с интересом буду следить за его карьерой. А сейчас ты должен извинить меня, Берти. Я хочу разыскать Дживза и попросить приготовить мне один из его чудо-коктейлей. Не понимаю почему, но у меня с утра немного болит голова.

И хотите верьте, хотите нет, не успела дверь за ним закрыться, как в спальню ввалился Юстас, сияя как медный таз. Меня чуть не вытошнило от его радостной физиономии.

— Святые угодники! — простонал я.

Юстас захихикал.

— Я умница, Берти, просто умница! — сообщил он. — Мне, конечно, жаль беднягу Клода, но у меня не было выбора. Я смылся от него в Ватерлоо и вернулся сюда на такси. Должно быть, несчастный дурачок до сих пор гадает, куда я подевался. Такова жизнь. Если ты действительно хотел, чтобы я отправился в

Южную Африку, тебе не следовало знакомить меня с мисс Вардур. Я ничего не стану от тебя скрывать, Берти, — сказал Юстас, усаживаясь мне на ноги. — Я не из тех, кто влюбляется в первую встречную. Если ты думаешь обо мне как о волевом, скрытном мужчине, ты не ошибаешься. Но когда я встретил свою половинку, я не стал рассусоливать…

— О, боже! Ты тоже влюбился в Марион Вардур?

— Тоже? Что значит «тоже»?

Только я собрался рассказать ему о Клоде, как тот появился в спальне собственной персоной, свеженький как огурчик. Коктейли Дживза оказывают мгновенное действие на кого угодно, за исключением, пожалуй, египетских мумий. То ли тут дело в уорчестерширском соусе, то ли в чём ещё, но я не знаю лучшего лекарства от похмелья. Клод ожил, как увядший цветок после поливки, но он чуть было не вернулся в прежнее состояние, когда увидел близнеца-брата, смотревшего на него с отвисшей челюстью поверх спинки кровати.

— Какого ладана ты здесь делаешь? — спросил он.

— Какого ладана ты здесь делаешь? -. не остался в долгу Юстас.

— Ты вернулся, чтобы навязать своё мерзкое общество мисс Вардур?

— Так вот почему ты вернулся?

Они перекинулись ещё несколькими фразами в том же роде, затем Клод сказал:

— Раз уж ты здесь, ничего не попишешь. Пусть победит достойнейший!

— Проклятье! — не выдержал я. — Что вы несёте? Где вы собираетесь жить, если останетесь в Лондоне?

— То есть как это где? — удивлённо спросил Юстас. — Естественно, у тебя.

— Где же ещё? — Клод недоумённо поднял брови.

— Ты ведь не станешь возражать, Берти? — сказал Юстас.

— Берти — настоящий друг, — убеждённо произнёс Клод.

— Олухи царя небесного! Допустим, тётя Агата узнает, что я вас спрятал, вместо того чтобы отправить в Южную Африку. Как вы думаете, что она со мной сделает?

— Что она с ним сделает? — спросил Клод Юстаса.

— О, Берти как-нибудь выкрутится, — ответил Юстас Клоду.

— Ну конечно! — Клод просиял. — Берти жутко изобретательный. Он обязательно выкрутится.

— Ещё бы он не выкрутился! — воскликнул Юстас. — У Берти ума палата.

Должно быть, нет такого человека, который, оглянувшись

назад, не вспомнил бы какого-нибудь кошмарного эпизода из своей жизни. У некоторых деятелей — если верить современным романам — вся жизнь — сплошной кошмар, но лично я, обладая большим постоянным доходом и прекрасным пищеварением, не могу пожаловаться, что часто попадаю в подобные переделки. Наверное, поэтому тот период запомнился мне так ярко. Все последующие дни после возвращения близнецов я чувствовал себя настолько отвратительно, что мои нервы, казалось, вылезли из тела и стали загибаться на концах, как нестриженые ногти. По сути дела я превратился в один обнажённый нерв. К тому же мы, Вустеры, честны, искренни и всё такое, и терпеть не можем обманывать своих ближних.

В течение двух-трёх дней всё было тихо-спокойно, а затем тётя Агата забежала ко мне, чтобы поболтать. Приди она на двадцать минут раньше, перед её взором предстали бы близнецы, уминающие яичницу с беконом. Она упала в кресло, и я понял, что обычная жизнерадостность ей изменила.

— Берти, — сказала она, — у меня неспокойно на душе.

У меня тоже было неспокойно на душе. Близнецы могли вернуться в любую минуту, а я не знал, сколько времени тётя Агата у меня проторчит.

— Меня мучает мысль, — продолжала она, — что я слишком сурово обошлась с Юстасом и Клодом.

— Это невозможно, — вырвалось у меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Я… э-э-э… хотел сказать, ты никогда и ни с кем не бываешь сурова, тётя Агата. — Неплохо получилось, и главное, я ответил почти не задумываясь. Моя престарелая родственница явно была польщена; она посмотрела на меня с куда меньшим отвращением, чем обычно.

— Ты очень мил, Берти, но тем не менее я всё время думаю, не попали ли они в беду.

— Попали во что?!

Я был потрясён до глубины души. С моей точки зрения скорее, чем близнецы, в беду могли попасть два тарантула.

— Значит, ты считаешь, с ними всё в порядке?

— В каком смысле?

Тётя Агата посмотрела на меня чуть ли не с тоской во взоре.

— Тебе никогда не приходило в голову, Берти, — спросила она, — что твой дядя Джордж — ясновидящий?

По— моему, она решила поменять тему разговора.

— Ясновидящий?

— Как ты думаешь, это возможно, что он видит то, чего нам не видно?

Лично я всегда считал, что это не только возможно, но и более чем вероятно. Не знаю, встречались ли вы когда-нибудь с моим дядей Джорджем? Он шустрый старикашка, который целыми днями шатается по клубам и пропускает рюмку за рюмкой с другими шустрыми старикашками. Когда он появляется в ресторане, официанты встают по стойке смирно, а метрдотель достаёт из кармана штопор. Именно мой дядя Джордж задолго до современных медиков сделал открытие, что алкоголь — это пища.

— Твой дядя Джордж потрясён до глубины души. Он обедал со мной вчера вечером, и мне было жалко на него смотреть. Понимаешь, он утверждает, что по дороге из одного клуба в другой неожиданно увидел фантом Юстаса.

— Чего Юстаса?

— Фантом. Призрак. На мгновение ему показалось, что это сам Юстас, так ясно он его видел. Призрак исчез за углом, и когда дядя Джордж прибежал туда, улица была пустынна. Всё это очень странно и тревожно. Бедный Джордж совсем упал духом. За весь обед он не пил ничего, кроме ключевой воды, и ужасно нервничал. Ты думаешь, с нашими несчастными дорогими мальчиками всё в порядке? Они не попали в какую-нибудь ужасную катастрофу?

Я бы дорого дал, чтобы слова её.сбылись, но я ответил, что, мне кажется, с ними всё в порядке и ни в какую ужасную катастрофу они не попали. Лично я считал самого Юстаса хуже всякой катастрофы, да и Клод, с моей точки зрения, недалеко от него ушёл, но я промолчал. Когда тётя Агата меня покинула, она всё ещё выглядела встревоженной.

Как только близнецы вернулись, я поговорил с ними в открытую. Хоть мне и приятно было слышать, что дядя Джордж напугался до полусмерти, двум придуркам нечего было шляться по метрополии средь бела дня.

— Но, старик, будь благоразумен, — сказал Клод. — Мы не можем стеснить себя в движениях.

— Исключается, — заявил Юстас.

— Вся суть дела состоит в том, если ты понимаешь, о чём я говорю, — пояснил Клод, — что нам нужна полная свобода действий. Мы должны ходить взад-вперёд.

— Точно, — согласился Юстас. — И взад, и вперёд.

— Но, чёрт побери…

— Берти, — укоризненно сказал Юстас. — Не выражайся при ребёнке!

— Вообще-то я понимаю ход его мысли, — задумчиво произнёс Клод. — Мне кажется, проблему можно решить, если мы изменим свою внешность.

— Старина! — воскликнул Юстас, восхищённо глядя на брата. — Какая гениальная мысль! Наверняка не твоя, правда?

— Вообще-то мне подсказал её Берти.

— Я?!

— Только вчера ты рассказывал мне о том, как Бинго Литтл нацепил бороду, чтобы его не узнал дядя.

— Если вы считаете, что я позволю вам, клоунам, шляться по моей квартире с бородами…

— Где-то он прав, — согласился Юстас. — Мы купим бакенбарды.

— И фальшивые носы, — добавил Клод.

— И, как ты справедливо заметил, фальшивые носы. Ну вот, Берти, старичок, можешь больше не беспокоиться. Мы совсем не хотим тебя обременять, пока живём в твоей квартире.

А когда я бросился к Дживзу за утешением, он пробормотал что-то насчёт горячей крови молодых джентльменов. Никакого сочувствия.

— Прекрасно, Дживз, — сказал я. — В таком случае пойду прогуляюсь по Гайд-парку. Подай мне мои итонские штрипки.

— Слушаюсь, сэр.

* * *

Прошло несколько дней, и Марион Вардур зашла ко мне в гости на чашку чая. Прежде чем сесть, она нервно огляделась по сторонам.

— Твоих кузенов нет дома, Берти? — спросила она.

— Слава богу, нет!

— Тогда я скажу тебе, где их можно найти. В моей гостиной, в противоположных углах. Сидят, сверкают друг на друга глазами и ждут, когда появлюсь. Берти, этому надо положить конец.

— Ты часто их видишь?

Дживз подал нам чай, но бедная женщина так разволновалась, что продолжала говорить, не подождав, пока он уйдёт. У бедняжки был совершенно измученный вид.

— Я натыкаюсь на этих близнецов на каждом шагу, — пожаловалась она. — Как правило, на обоих. Они завели моду приходить вдвоём и ждать, кто кого пересидит. Скоро от меня останется одна тень.

— Знаю, — сочувственно сказал я. — Знаю.

— Так что же мне делать?

— Понятия не имею. Может, попросить служанку отвечать, что тебя нет дома?

Она задрожала.

— Один раз я так и сделала. Они уселись на лестнице, и я весь день не могла выйти на улицу. А у меня было назначено несколько очень важных встреч. Я бы очень хотела, Берти, чтобы ты убедил их уехать в Южную Африку, где, по слухам они кому-то нужны.

— Должно быть, ты произвела на них потрясающее впечатление.

— Не то слово. Теперь они начали делать мне подарки. По крайней мере, Клод. Вчера вечером он настоял, чтобы я приняла от него этот портсигар. Явился прямо в театр и отказался уходить, пока я не согласилась. Впрочем, должна признаться, вещица недурна.

Она действительно была недурна. Массивный золотой портсигар с бриллиантом на верхней крышке. И самое странное, мне показалось, что я где-то его видел. Как, разрази меня гром, Клод умудрился раздобыть денег на такую дорогую вещь, я не мог себе даже представить.

На следующий день, в среду, близнецы, если так можно выразиться, были выходными, так как дама их сердца играла в дневном спектакле. Клод надел бакенбарды и отправился шляться по Хэрст-парку, а мы с Юстасом сидели и разговаривали. Вернее, говорил в основном Юстас, а я молча мечтал, чтобы он как можно скорее куда-нибудь смылся.

— Нет ничего прекрасней, Берти, чем любовь хорошей женщины, — поучал меня придурок. — Иногда… Боже великий! Кто там?!

Входная дверь открылась, и в холле послышался громкий голос тёти Агаты, интересующейся, дома я или нет. Должен сказать, что у тёти Агаты резкий, пронзительный голос, и я впервые был благодарен судьбе, что его слышно за версту. В распоряжении Клода было всего две секунды, но он успел нырнуть под софу. Его второй ботинок исчез из виду в тот момент, когда тётя Агата вошла в гостиную.

Вид у неё был встревоженный.

— Берти, — спросила она, — чем ты занят в ближайшее время?

— В каком смысле? Сегодня я обедаю с…

— Нет, нет, я не это имела в виду. Чем ты занят следующие несколько дней? Впрочем, и так понятно, что ничем, — продолжала она, не дожидаясь моего ответа. — Ты бездельник. Вся твоя жизнь — сплошное ничегонеделание… но об этом мы

поговорим в другой раз. А теперь слушай меня внимательно. Я желаю, чтобы ты поехал на несколько недель в Харроугэйт с твоим дядей Джорджем.

Тут мне показалось, что она перешла всякие границы, и я горячо запротестовал. Я ничего не имею против дяди Джорджа, но предпочитаю держаться от него как можно дальше. Я попытался объяснить положение дел тёте Агате, но она от меня отмахнулась.

— Если в твоём сердце есть хоть капля жалости, Берти, ты выполнишь мою просьбу. Твой бедный дядя Джордж испытал страшное душевное потрясение.

— Как?! Ещё одно?

— Он считает, что только полный отдых и тщательный медицинский уход смогут восстановить его нервную систему. Он говорит, в прошлом Харроугэйт неоднократно возвращал его к жизни, и поэтому сейчас желает отправиться именно туда. Все мы считаем, его нельзя оставлять одного, так что тебе придётся поехать с ним.

— Но послушай!…

— Берти!

Наступило молчание.

— Какое нервное потрясение он испытал? — спросил я.

— Между нами, — ответила тётя Агата, понизив голос до трагического шёпота, — я склонна считать, что у него просто разыгралось больное воображение. Ты член семьи, Берти, и с тобой я могу говорить откровенно. Тебе хорошо известно, что твой бедный дядя Джордж в течение многих лет слишком сильно… э-э-э… вел не совсем… гм-м-м… привык… как бы это точнее сказать?

— Закладывал за воротник?

— Что?

— Упивался до чёртиков?

— Я не одобряю этих выражений, но должна признаться, его можно было упрекнуть в неумеренном употреблении некоторых напитков. Дядя Джордж человек вспыльчивый, ну и… короче, он испытал нервное потрясение.

— Да, но какое?

— Я сама с трудом его поняла. Твой дядя Джордж обладает многими достоинствами, но он всегда путается, когда начинает волноваться. Одним словом, его ограбили.

— Ограбили!

— Насколько я поняла, незнакомец с бакенбардами и каким-то странным носом вошёл к нему в квартиру на Джермин-стрит, когда его не было дома, и украл ценную вещь. Дядя Джордж

говорит, что, вернувшись, обнаружил незнакомца в своей гостиной. Он тут же выбежал из комнаты и скрылся.

— Дядя Джордж?

— Нет, незнакомец. И, если верить бедняге Джорджу, у него пропал золотой портсигар. Впрочем, как я уже говорила, я склонна считать эту историю плодом его больного воображения. Он сам на себя не похож с того самого дня, как встретил на улице Юстаса. И поэтому, Берти, я хочу, чтобы ты отправился с ним в Харроугэйт не позднее субботы.

Она величественно удалилась, а Юстас выбрался из-под софы. Судя по выражению его лица, придурок был потрясён до глубины души. Я тоже был потрясён до глубины души. У меня кошки на душе скребли при мысли о том, что мне придётся провести несколько недель в Харроугэйте в обществе дяди Джорджа.

— Так вот откуда у него портсигар, будь он проклят! — с горечью воскликнул Юстас. — Мерзавец! Обворовал свою плоть и кровь! Его место в тюрьме!

— Его место в Южной Африке, — сказал я. — И твоё тоже.

И, проявив несвойственное мне красноречие, я минут десять распинался по поводу его долга перед семьёй, ну, и всего прочего. Я призывал его к благоразумию. Я расхваливал Южную Африку на все лады. Я по нескольку раз повторял одно и то же. Но придурок лишь бормотал о том, как нечестно с ним поступили. Почему-то он вбил себе в голову, что с помощью портсигара Клод его обскакал, и когда тот вернулся из Хэрст-парка, между ними произошла очень неприятная сцена. Они проговорили полночи, и я долго слышал их голоса после того, как улёгся в постель. Никогда не встречал парней, которые могли спать так мало, как эти двое.

* * *

На некоторое время в квартире установилась напряжённая атмосфера, потому что Клод и Юстас не разговаривали друг с другом. Вы не представляете, до чего утомительно жить с двумя деятелями, каждый из которых делает вид, что другого не существует на свете. Я думал, это будет продолжаться вечно, но, разрази меня гром, как выяснилось, я ошибался. Впрочем, если бы накануне кто-нибудь пришёл ко мне и сказал, что это произойдёт, я бы иронически улыбнулся. Я имею в виду, мне давно уже

казалось, что только взрыв бомбы может избавить меня от близнецов, поэтому когда Клод скользнул в гостиную в пятницу утром и сообщил о своём намерении, я сначала решил, что ослышался.

— Берти, — сказал он, — я тщательно всё обдумал.

— Что «всё»? — спросил я.

— Вообще всё. То, что я остался в Лондоне, а не отправился в Южную Африку. Я поступил нечестно, — заявил он с надрывом в голосе. — Я поступил несправедливо. Короче говоря, Берти, старичок, завтра я уезжаю.

Я едва устоял на ногах.

— Правда? — выдохнул я.

— Да. Если, — тут душа у меня ушла в пятки, — ты пошлёшь старину Дживза за билетом. Боюсь, мне придётся взять у тебя денег на дорогу. Не возражаешь?

— Нет! — воскликнул я, с чувством пожимая ему руку.

— Ну, тогда порядок. Да, кстати, чуть не забыл. Ни слова Юстасу, ладно?

— Но разве он с тобой не едет?

Клод задрожал с головы до ног.

— Слава богу, нет! При мысли о том, что я могу оказаться на борту парохода с этим придурком, меня тошнит! Так что не вздумай ему сказать. Послушай, а ты сможешь достать мне билет всего за день до отплытия?

— Конечно! — Я готов был купить этот дурацкий пароход, лишь бы не упустить такую возможность.

— Дживз! — крикнул я с порога кухни. — Мчись быстрее ветра в кассу пароходства и купи билет на завтра мистеру Клоду. Он уезжает от нас, Дживз!

— Да, сэр.

— Мистер Клод не хочет, чтобы мистер Юстас знал о его отъезде.

— Да, сэр. Мистер Юстас высказал такое же пожелание, когда попросил меня достать ему билет на тот же пароход.

У меня отвалилась нижняя челюсть.

— Он тоже уезжает?

— Да, сэр.

— Очень странно.

— Да, сэр.

Если б у нас были другие отношения, в эту минуту я наверняка излил бы Дживзу душу. Ну, сами понимаете, посетовал бы на то, что было, и порадовался бы, что всё так хорошо закончилось. Но штрипки воздвигли между нами невидимый барьер, и, должен с сожалением признаться, я не упустил

возможности утереть Дживзу нос. Я имею в виду, малый вел себя так безразлично и отчуждённо как раз тогда, когда его молодой хозяин нуждался в утешении, что я не преминул указать ему, как прекрасно всё получилось без всякого вмешательства с его стороны.

— Вот так-то, Дживз, — сказал я. — Полный порядок. Я знал, что рано или поздно всё станет на свои места, если не суетиться. На моём месте многие суетились бы, Дживз.

— Да, сэр.

— Бегали бы по всем знакомым и просили бы совета, помощи, ну, и всего прочего.

— Весьма возможно, сэр.

— Но только не я, Дживз.

— Нет, сэр.

Я ушёл, дав ему время на раздумья.

* * *

Даже мысль о том, что мне придётся ехать с дядей Джорджем в Харроугэйт, не особенно печалила меня в ту субботу, так как, побродив по квартире, я окончательно убедился, что Юстас с Клодом её покинули. Они ушли украдкой, один за другим, сразу после завтрака. Юстас отправился в Ватерлоо, чтобы сесть на поезд, а Клод — в гараж. Я боялся, что придурки встретятся на вокзале и передумают ехать, поэтому предложил Клоду отправиться в Саутгэмптон на моей машине.

Я лежал на добром, старом диване, умиротворённо глядя на ползающих по потолку мух, наслаждаясь тишиной и покоем и думая о том, как прекрасен мир, когда Дживз вошёл в гостиную с конвертом в руке.

— Мальчик-посыльный принёс вам письмо, сэр.

Я вскрыл конверт, и первым делом из него выпала пятифунтовая купюра.

— Боже великий! — воскликнул я. — Это ещё что?

Достав листок бумаги, я прочитал:

Дорогой Берти, передай деньги своему слуге и скажи, мне жаль, что, я не могу сейчас дать ему больше. Он спас мне жизнь. Впервые за неделю я вздохнула свободно.

М.В.

Дживз поднял пятёрку с пола.

— Можешь оставить её себе, — сказал я. — Как выяснилось, она твоя.

— Сэр?

— Я говорю, пятёрка твоя. Её прислала тебе мисс Вардур.

— Очень любезно с её стороны, сэр.

— Да, но с какой стати? В письме говорится, ты спас ей жизнь.

Дживз мягко улыбнулся.

— Мисс Вардур переоценила мои услуги, сэр.

— Какие услуги, прах побери?

— В деле мистера Клода и мистера Юстаса, сэр. Я надеялся, она не упомянет о нём, сэр, так как не хотел, чтобы вы подумали, что я допустил некоторую вольность.

— Что ты имеешь в виду?

— Я находился в комнате, сэр, когда мисс Вардур жаловалась, что мистер Клод и мистер Юстас навязывают ей своё общество. В данных обстоятельствах я осмелился предложить ей использовать небольшую уловку, чтобы избавиться от пристального внимания молодых джентльменов.

— Великий боже! Ты хочешь сказать, что всё-таки приложил руку к их отъезду?

Я почувствовал себя последним ослом. Ведь не далее как вчера мне казалось, что я утёр Дживзу нос.

— Я посоветовал мисс Вардур, сэр, проинформировать мистера Клода и мистера Юстаса, каждого в отдельности, о том, что сегодня она отплывает в Южную Африку с целью заключения там контракта. Таким образом желаемый результат был достигнут. Они заглотили наживку вместе с крючком, если вы позволите мне использовать это выражение, сэр.

— Дживз, — сказал я (мы, Вустеры, можем допустить промашку, но всегда честно в ней признаемся). — Ты единственный и неповторимый!

— Большое спасибо, сэр.

— Да, но послушай! — В голову мне пришла ужасная мысль. — Когда придурки сядут на пароход и убедятся, что её там нет, разве они не примчатся в ту же секунду обратно?

— Я предвидел такую возможность, сэр. По моему совету мисс Вардур сообщила молодым джентльменам, что совершит сухопутное путешествие до Мадейры и только там поднимется на борт.

— А где пароход останавливается после Мадейры?

— Нигде, сэр.

Со стоном облегчения я откинулся на диванные подушки. Я

жалел только об одном.

— Единственное, о чём я жалею, Дживз, — сказал я, — что на таком огромном пароходе мерзавцы с лёгкостью смогут избегать встреч друг с другом. Я имею в виду, мне бы очень хотелось, чтобы Клод почаще находился в обществе Юстаса и visa versa.

— Так оно и будет, сэр. Я купил им двухместную каюту. У мистера Клода одна койка, а у мистера Юстаса — другая.

Я чуть не задохнулся от счастья. Если б не поездка в Харроугэйт с дядей Джорджем, мой восторг был бы полным.

— Ты уже упаковал мои вещи, Дживз? — спросил я.

— Вещи, сэр?

— Для поездки в Харроугэйт. Сегодня я отправляюсь туда с дядей Джорджем.

— Ах да, конечно, сэр. Я совсем забыл вам сказать. Сэр Джордж звонил сегодня утром по телефону, пока вы спали, и просил передать, что планы его изменились. Он не поедет в Харроугэйт.

— Ох, послушай, но это же просто блеск!

— Я рад, что вы довольны, сэр.

— Он не говорил, почему передумал?

— Нет, сэр. Но из слов его камердинера, Стивенса, я понял, что сэру Джорджу стало значительно лучше и больше он не нуждается в лечении. Я позволил себе дать Стивенсу рецепт моего коктейля, который вы всегда так хвалили, сэр. Сегодня утром сэр Джордж заявил Стивенсу, что чувствует себя, как новенький.

Сами понимаете, мне оставалось только одно, и я не стал колебаться. Да, я страдал в душе, но у меня не было выбора.

— Дживз, — сказал я, — мои штрипки.

— Да, сэр?

— Тебе они правда не нравятся?

— Чрезвычайно, сэр.

— Ты не думаешь, что со временем твои взгляды изменятся?

— Нет, сэр.

— Ну, хорошо. Хорошо. Ни слова больше. Можешь их выкинуть.

— Благодарю вас, сэр. Я сжёг их сегодня утром, перед тем как подать вам завтрак. Спокойный серый цвет намного приятнее для глаз, сэр. Спасибо, сэр.

ГЛАВА 17. Бинго и его жёнушка

Примерно через неделю после отъезда Клода и Юстаса я неожиданно встретился с малышом Бинго в клубе «Старых либералов». Малыш полулежал в кресле, закатив глаза и открыв рот, а седобородый деятель, сидевший неподалёку, смотрел на него с такой откровенной неприязнью, что я пришёл к единственно возможному выводу: Бинго увёл у него из-под носа его любимое кресло. Так всегда бывает, когда посещаешь незнакомый клуб, — без злого умысла наступаешь то на одну, то на другую мозоль его постоянным обитателям.

— Привет, старый хрыч, — сказал я.

— Привет, старый пень, — сказал Бинго, и мы пошли пропустить по рюмочке перед ленчем.

Раз в год комитет нашего клуба «Трутень» решает, что помещение необходимо помыть, подкрасить, ну и всё такое, поэтому нас выкидывают за дверь и временно поселяют в каком-нибудь другом клубе. На этот раз мы свили гнездо в «Старых либералах», и лично для меня это было жутким испытанием. Я имею в виду, когда ты привык к весёлому, живому обществу, и тебе достаточно швырнуть в парня коркой хлеба, если ты хочешь привлечь его внимание, тебя несколько угнетает пребывание в клубе, где самому молодому члену недавно стукнуло восемьдесят семь и считается дурным тоном заговаривать с кем бы то ни было, если ты не участвовал с ним вместе как минимум в осаде Трои.

По правде говоря, встретив Бинго, я испытал некоторое облегчение. Мы стали переговариваться вполголоса.

— Это не клуб, — сказал я, — а конец света.

— Бред собачий, — согласился Бинго. — По-моему, вон тот старик у окна помер три дня назад, но я об этом никому не скажу.

— Ты уже был у них в ресторане?

— Нет, а что?

— Здесь обслуживают официантки, а не официанты.

— Боже всемогущий! Я такого не помню со времён мировой войны! — Бинго нахмурился и рассеянно поправил галстук. — Хорошенькие? — спросил он.

— Нет.

Лицо у него вытянулось, но он быстро справился со своими чувствами.

— Я слышал, здесь лучшая кухня в Лондоне.

— Говорят, да. Пойдём?

— Замётано. Мне кажется, — небрежно произнёс он, — в

конце ленча, а может, в начале официантка обязательно спросит: «Вам вместе посчитать?» Так вот, ответь утвердительно. У меня в кармане ни гроша.

— Разве дядя тебя не простил?

— Нет, будь он проклят!

По правде говоря, я расстроился, услышав, что Бинго так и не помирился со своим дядей. Мне захотелось утешить бедолагу, заказав шикарный ленч, и когда девушка принесла меню, я принялся тщательно его изучать.

— Ну как, Бинго? — спросил я, сделав выбор. — Осилишь яйца ржанки, бульон, осетровый балык, холодную телятину, пирожки с крыжовником и взбитыми сливками и ломтик сыра на закуску?

Я, конечно, не ждал, что он завизжит от восторга, хоть и постарался выбрать блюда, которые, как я знал, особенно ему нравились, но по крайней мере мне казалось, он должен был как-то отреагировать на моё предложение. Подняв голову, я увидел, что Бинго не обращает на меня ни малейшего внимания. Он уставился на официантку взглядом собаки, которая только что вспомнила, где зарыта кость.

Она была высокой девушкой с добрыми карими глазами. Неплохая фигура. Ухоженные руки. Раньше я её здесь не видел и, должен признаться, она красила клуб своим присутствием.

— Ну так как, старина? — спросил я, желая как можно скорее взяться за нож с вилкой.

— А? — рассеянно спросил Бинго.

Я терпеливо перечислил выбранные мной блюда.

— Ах да, конечно, — сказал малыш. — Заказывай, что хочешь. Мне всё равно.

— Когда девушка ушла, он посмотрел на меня выпученными глазами. — Ты говорил, тут нет хорошеньких официанток, — с упрёком произнёс он.

— Святые угодники и их тётушка! — вскричал я. — Надеюсь, ты не влюбился в очередной раз… в девушку, которую первый раз в жизни видишь?

— Иногда, — заявил малыш, — одного взгляда достаточно. Когда в толпе мы видим чей-то взгляд, и что-то шепчет нам…

К счастью, в этот момент нам подали яйца ржанки, и он заткнулся, накинувшись на них, словно голодал три дня.

* * *

— Дживз, — сказал я, вернувшись домой вечером. Приготовься.

— Сэр?

— Встряхнись и начинай шевелить мозгами. Я сильно подозреваю, скоро мистер Литтл обратится к нам за помощью и сочувствием.

— У мистера Литтла неприятности, сэр?

— Так тоже можно сказать. Он влюбился. Примерно в пятьдесят третий раз. Я хочу спросить тебя, Дживз, как мужчина мужчину, ты когда-нибудь видел такого придурка?

— У мистера Литтла горячее сердце, сэр.

— Горячее? Я думаю, ему впору носить рубашки из асбеста. Короче, приготовься, Дживз.

— Слушаюсь, сэр.

И точно, не прошло и десяти дней, как старый осёл ввалился ко мне в квартиру и на задних лапках стал клянчить, чтобы ему пришли на помощь.

— Берти, — сказал он, — если ты мне друг, то не бросишь меня в беде.

— Докладывай, урод, — милостиво произнёс я. — Мы тебя слушаем.

— Помнишь, несколько дней назад ты угостил меня ленчем в клубе «Старых либералов»? Нас обслуживала…

— Помню. Высокая стройная особа женского пола.

По его телу пробежала едва заметная дрожь.

— Не смей разговаривать о ней в таком тоне, проклятье! Она ангел!

— Ах да, конечно. Продолжай.

— Я её люблю.

— Замечательно! Так держать!

— Ради всего святого, не перебивай меня на каждом шагу. Дай закончить. Так вот, я её люблю и хочу, чтобы ты, Берти, старина, забежал на огонёк к моему дяде и очень дипломатично с ним поговорил. Необходимо, чтобы он снова начал выплачивать мне содержание, причём как можно скорее. Более того, сумма содержания должна быть увеличена.

— Но, послушай, — сказал я, отнюдь не приходя в восторг от его просьбы, — почему бы тебе немного не подождать?

— Подождать? Чего?

— Ну, ты ведь знаешь, как обычно бывает, когда ты влюбляешься. У тебя вечно что-то срывается, ну, и всё такое. Не проще ли обратиться к твоему дяде, когда у тебя, так сказать, всё будет решено и подписано?

— У меня всё решено и подписано. Сегодня утром она согласилась стать моей женой.

— Боже всемогущий! Ты ведь и двух недель с ней не знаком!

— Да, но только в этой жизни. Она считает, мы встречались в предыдущем существовании, — пояснил малыш Бинго. — Она уверена, что я был тогда царём Вавилона, а она рабыней-христианкой. По правде говоря, сам я этого не помню, но мне кажется, в этом что-то есть.

— О, господи! — воскликнул я. — Неужели все официантки так рассуждают?

— Откуда мне знать, как рассуждают официантки?

— Пора бы знать. Помнится, ты подсунул меня своему дяде, чтобы я помог тебе жениться на девице Мэйбл из закусочной на Пикадилли.

Бинго вздрогнул. В глазах у него появился лихорадочный блеск. И прежде чем я сообразил, что случилось, он размахнулся и с такой силой ударил меня по коленке, что я чуть было не свалился со стула.

— Эй, поосторожнее! — воскликнул я.

— Прости. Увлёкся. — Он подождал, пока я помассирую ногу, затем продолжал. — Ты помнишь, как было дело, Берти? Я имею в виду мой гениальный план. Ты тогда представился дядюшке как Та Самая, которая пишет романы.

Если Бинго думал, что я мог забыть такое, он глубоко заблуждался. События того вечера глубоко врезались мне в память.

— Так и действуй, — заявил он. — Мой план остаётся в силе. Мы снова вытащим на свет божий Рози М. Бэнкс.

— Ну уж нет. Прости, конечно, старина, но об этом не может быть и речи. Больше я на такое не способен.

— Даже ради меня?

— Даже ради дюжины таких, как ты.

— Никогда не думал, — печально сказал Бинго, — что услышу эти слова из уст Берти Вустера.

— Теперь ты их услышал. Можешь записать на листок бумаги и повесить на стенку.

— Берти, мы вместе учились в школе.

— Это не моя вина.

— Мы дружим с тобой пятнадцать лет.

— Знаю. Вряд ли я забуду об этом до конца своих дней.

— Берти, старина, — сказал Бинго, придвигаясь ко мне вместе со стулом и начиная массировать моё плечо, — послушай! Будь благоразумен!

И, конечно, будь всё проклято, минут через десять я позволил

придурку себя уговорить. Так всегда бывает. Меня может уговорить кто угодно. Мне кажется, если б я жил в монастыре траппистов, какой-нибудь монах-пройдоха первым делом уговорил бы меня с помощью жестов совершить какой-нибудь неблаговидный поступок.

— Ну ладно, что ты от меня хочешь? — спросил я, понимая, что дальнейшее сопротивление бесполезно.

— Для начала пошли старикану свою последнюю книгу с каким-нибудь лестным автографом. Он наверняка придёт в восторг. Затем нанеси ему визит и устрой мои дела.

— А какую книгу я написал последней?

— Она называется «Женщина, бросившая вызов», — сказал Бинго. — Продаётся на всех лотках. Выставлена в витринах книжных магазинов. Судя по обложке, тот, кто её сочинил, может этим гордиться. Само собой, дядюшка захочет обсудить с тобой содержание.

— Ах! — воскликнул я, заметно повеселев. Значит, всё отменяется Я понятия не имею, о чём там говорится.

— Естественно, тебе придётся её прочитать.

— Прочитать! Ну, знаешь…

— Берти, мы вместе учились в школе…

— Ох, ну ладно! Ладно! — сказал я.

— Ни на секунду не сомневался, что могу на тебя положиться. У тебя золотое сердце. Дживз, — обратился малыш Бинго к моему преданному слуге, который вошёл в гостиную, — у мистера Вустера золотое сердце.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Дживз.

Я не особый любитель читать — если речь идёт не о детективах и спортивной хронике, — и «Женщина — будь она проклята! — бросившая вызов» доставила мне немало неприятных минут. С огромным трудом — о страданиях я даже не говорю,

— мне удалось её осилить, и можно сказать, вовремя, потому что не успел я прочитать последней фразы, где губы их слились в долгом поцелуе и слышны были лишь вздохи ветра в ветвях ракиты, как мальчик-посыльный принёс мне записку от старикана Биттлшэма, в которой он приглашал меня на ленч.

Я застал старикана растаявшим, другого слова мне не подобрать. Экземпляр книги лежал рядом с ним на столе, и он время от времени перелистывал страницы, одновременно уминая заливное.

— Мистер Вустер, — произнёс он, проглотив очередную порцию карпа, — я хочу вас поздравить. Я хочу вас поблагодарить. Вы превзошли себя. Я читал «Любовь — это всё», я

читал «Простую заводскую девчонку», я наизусть помню «Сорванца Миртл». Но это… это нечто потрясающее. Самая лучшая и самая смелая ваша вещь. Когда её читаешь, сердце разрывается на части.

— Правда?

— Правда! Я читал её три раза, — кстати, хочу поблагодарить вас за экземпляр, который вы прислали мне, так любезно подписав, — и мне кажется, я с уверенностью могу сказать, что стал добрее, мягче, великодушнее, чем раньше. Мне хочется что-нибудь сделать для всего человечества.

— Нет, вы серьёзно?

— Да, да, можете не сомневаться.

— Для всего человечества?

— Для всего человечества.

— А для Бинго? — спросил я, понимая, что ставлю его в крайне затруднительное положение.

— Для моего племянника, Ричарда? — Он на мгновение задумался, но поступил как настоящий мужчина и не отказался от своих слов. — Да, даже для Ричарда. Ну… я имею в виду… возможно… да, даже для Ричарда.

— Вот и чудненько. Я как раз собирался поговорить с вами о Бинго. Он на мели, знаете ли.

— Попал в стеснительное положение?

— Сидит без гроша в кармане. Он не отказался бы от ежеквартального пособия, если бы вы, конечно, согласились его выплачивать.

Он рассеянно сжевал ножку холодной цесарки, одновременно пролистнув книгу, которая открылась на двести пятнадцатой странице. Я не помню, о чём шла речь на двести пятнадцатой странице, но, видимо, там говорилось нечто сногсшибательное, потому что старикан посмотрел на меня глазами, полными слёз, словно он переложил горчицы на ломтик ветчины, который только что отправил в рот.

— Хорошо, мистер Вустер, — сказал он. — Находясь под свежим впечатлением от вашего изумительного романа, я не могу ожесточить своё сердце. Ричард получит от меня содержание.

— Браво! — воскликнул я. — Вы совершили благородный поступок, и я уверен, вам самому теперь будет легче дышать. — Тут я подумал, что человек, весивший семнадцать стоунов и страдающий одышкой, может неверно истолковать мои слова, и торопливо добавил: — Бинго ужасно обрадуется. Он хочет жениться, знаете ли.

— Нет, не знаю. И не уверен, что отнесусь к этому одобрительно. Кто она?

— Видите ли, по правде говоря, эта девушка — официантка.

Он подскочил на месте.

— Да не может быть, мистер Вустер! Это удивительно! Я счастлив! Не ожидал от моего мальчика такого постоянства! Прекрасная черта характера, — должен отдать ему справедливость. Я великолепно помню, мистер Вустер, что Ричард собирался жениться на этой официантке, когда я имел удовольствие познакомиться с вами восемнадцать месяцев назад.

Мне пришлось его разочаровать.

— Не на «этой», но на официантке. На другой официантке. Но тем не менее на официантке, знаете ли.

Старикан, который с такой любовью и гордостью говорил о племяннике, явно помрачнел.

— Гм-м-м, — с сомнением в голосе произнёс он. — Я надеялся, Ричард проявит постоянство, столь несвойственное современным молодым людям. Я… мне надо подумать.

На этом наш разговор закончился, и, вернувшись домой, я рассказал Бинго, как обстояли дела.

— С содержанием — полный порядок. Что же касается дядюшкиного благословения, придётся подождать.

— Разве ему не хочется услышать звон свадебных колоколов?

— Он обдумывает ситуацию. Если б я был букмекером, то расценил бы твои шансы как сто к восьми.

— Ты просто не подобрал к нему ключика. Я так и знал, что ты всё испортишь. — Если учесть, на какие жертвы я ради него пошёл, это заявление было для меня хуже укуса змеи. — Ужасно, — произнёс малыш Бинго. — Просто ужасно. Я не могу тебе всего объяснить, но… ужаснее не придумаешь.

Он рассеянно взял из коробки дюжину моих сигар и был таков.

Я не видел его три дня. На четвёртый день он ворвался ко мне с цветком в петлице и таким выражением лица, словно его только что стукнули пыльным мешком по голове.

— Привет, Берти.

— Привет, олух царя небесного. Где тебя носило?

— О, нигде. То здесь, то там, знаешь ли. Дивная стоит погода, Берти.

— Неплохая.

— Процентные ставки по вкладам опять понизились.

— Да ну?

— Беспорядки в Нижней Силезии, не слышал? Прах побери!

Он начал ходить взад и вперёд по комнате, изредка бормоча себе что-то под нос. Казалось, бедолага совсем свихнулся.

— Да, кстати, Берти! — сказал он, уронив с каминной полки

фарфоровую вазу, разлетевшуюся вдребезги. — Я вспомнил, зачем к тебе пришёл. Видишь ли, я женился.

ГЛАВА 18. Всё хорошо, что хорошо кончается

У меня отвисла нижняя челюсть. Я уставился на него. Цветок в петлице… Безумный взгляд. Да, все симптомы были налицо, и тем не менее я не верил своим ушам. Слишком часто я видел, как любовные похождения Бинго заканчивались, мягко говоря, пшиком, и поэтому в моей голове не укладывалось, что он наконец умудрился связать себя брачными узами.

— Женился?!

— Да. Сегодня утром в Бюро регистрации в Холборне. Я пришёл к тебе после свадебного завтрака.

Я выпрямился. Собрался с силами. Сосредоточился. Это дело необходимо было рассмотреть со всех сторон.

— Давай разберёмся, — предложил я. — Ты действительно женился?

— Да.

— На той же девушке, которую ты любил позавчера?

— На что ты намекаешь?

— Ну, ты ведь себя знаешь. Скажи, что заставило тебя сделать столь опрометчивый шаг?

— Прах тебя побери, не смей говорить в таком тоне! Я женился на ней, потому что я её люблю, будь всё проклято! Самая лучшая жёнушка на свете, — заявил малыш Бинго.

— Я с тобой не спорю, и твои слова делают тебе честь, но всё-таки… Ты подумал, как отнесётся к этому твой дядя? Когда я в последний раз его видел, он не собирался осыпать молодожёнов конфетти.

— Берти, — с чувством произнёс малыш Бинго, — я буду с тобой откровенен. Моя жёнушка припёрла меня к стенке, если тебе понятно, о чём я говорю. Само собой, я рассказал ей о дяде, но она заявила, мы должны расстаться, если моя любовь недостаточно сильна, чтобы немедленно жениться на ней, невзирая на дядюшкин гнев. У меня не было выбора. Я купил бутоньерку и отправился в Бюро регистрации.

— Что же ты собираешься делать?

— О, я всё продумал. После того, как ты сообщишь дяде…

— Что?!

— После того…

— Надеюсь, ты не тешишь себя мыслью, что тебе удастся втравить меня в эту историю?

Он укоризненно на меня посмотрел.

— И это говорит Берти Вустер? — с упрёком спросил он.

— Можешь не сомневаться, он самый.

— Берти, старина, — сказал Бинго, похлопав меня сначала по одному плечу, а потом по другому. — Мы вместе учились в школе…

— Ох, ну хорошо!

— Молодчина! Я знал, что могу на тебя положиться. Она ждёт внизу. Мы её заберём и немедленно отправимся в Паунсби Гарденз.

До этого я видел девушку лишь в униформе официантки и поэтому ожидал, что в день своей свадьбы она вырядится как попугай. Первой приятной неожиданностью в этой мрачной истории было то, что одета она была со вкусом. Никаких цветастых шляп и кричащих накидок. Спокойные тона. Прекрасный стиль. При взгляде на неё казалось, что она только что пришла с прогулки по площади Беркли.

— Это мой старый друг Берти Вустер, дорогая, — представил меня Бинго. — Мы вместе учились в школе, правда, Берти?

— Учились, — согласился я.

— Здравствуйте. Мне кажется, мы уже встречались… э-э-э… за ленчем.

— О да! Здравствуйте!

— Мой дядя сделает всё, что Берти не скажет, — объяснил Бинго. — Поэтому он поедет с нами и зайдёт к нему первым, чтобы, так сказать, протоптать нам тропинку. Такси!

По дороге мы почти не разговаривали. В общем, всем нам было немного не по себе. Я с облегчением вздохнул, когда машина остановилась у логова старикана Биттлшэма, и мы вышли на улицу. Бинго и его жёнушка остались в холле, а я поднялся по лестнице в гостиную и стал ждать, когда дворецкий приведёт ко мне царя зверей.

Я бесцельно ходил по комнате и внезапно увидел на столе «Женщину, бросившую» свой дурацкий «вызов». Книга была открыта на двести пятнадцатой странице, и в глаза мне бросился абзац, жирно подчёркнутый карандашом. Невольно прочитав его, я понял, что мне крупно повезло. Теперь я знал, как разговаривать со стариканом. Вот что там было написано:

"— Что может помешать, — глаза Миллисент, стоявшей лицом к лицу с суровым стариком, сверкнули, — что может помешать чистой, всепожирающей любви? Ни черная магия, ни высшие силы, ни жалкие запреты наставников и родителей не могут воспрепятствовать ей, милорд. Я люблю вашего сына, лорд Уиндермир, и ничто не сможет нас разлучить. Наша любовь была предопределена в начале всех времён, а кто вы такой, чтобы

бросать вызов судьбе?

Эрл проницательно посмотрел на неё из-под густых бровей.

— Гм-м-м! — сказал он".

Прежде чем я успел освежить в своей памяти, что Миллисент ответила на глубокомысленное замечание лорда, дверь открылась и в комнату ввалился лорд Биттлшэм. Увидев меня, он, как всегда, расплылся в счастливой улыбке.

— Мой дорогой мистер Вустер! Какая неожиданная радость! Прошу вас, садитесь. Чем могу быть полезен?

— По правде говоря, в данный момент я играю роль посла. Меня попросил поговорить с вами малыш Бинго.

Плечи у него поникли, но так как он не указал мне на дверь, я продолжал:

— Лично мне, — с чувством произнёс я, — всегда казалось, что ничто не может помешать чистой, всепожирающей любви. Как вы думаете, возможно ей воспрепятствовать? Лично я сильно в этом сомневаюсь.

Я, конечно, не сверкнул глазами на сурового старика, но бровями пошевелил. Он тяжело задышал и посмотрел на меня с сомнением.

— Мы обсуждали этот вопрос во время нашей последней беседы, мистер Вустер. Тогда я ясно дал вам понять…

— Да, но с тех пор обстоятельства круто переменились. Понимаете, — объяснил я, переходя к сути дела, — сегодня утром малыш Бинго, если можно так выразиться, очертя голову бросился с моста.

— Боже всемогущий! — Он вскочил с кресла и затрясся с головы до ног. — Почему? Зачем? С какого моста?

— Я говорил метафорически — по-моему, это слово так называется. Я имел в виду, он женился.

— Женился!

— Окончательно и бесповоротно. Надеюсь, вы не очень сердитесь, что? Молодая кровь, знаете ли. Два любящих сердца, и всё такое.

Он запыхтел, как паровоз.

— Новость, которую вы мне сообщили, мистер Вустер, нарушила моё душевное равновесие. Я… я считаю, что мной… э-э-э… пренебрегли. Да, пренебрегли.

— Но кто вы такой, чтобы бросать вызов судьбе? — спросил я, подглядывая в книгу одним глазом.

— А?

— Видите ли, их любовь была предопределена. В начале всех времён, знаете ли.

Должен честно признаться, что если бы он сейчас сказал «Гм-

м-м!», я просто не знал бы, что говорить дальше. К счастью, ему в голову не пришло так ответить. Наступило молчание. Старикан задумался, затем взгляд его случайно упал на книгу, и он вздрогнул.

— Господи боже мой, мистер Вустер! Вы цитировали!

— Более или менее.

— Ваши слова сразу показались мне знакомыми. — Он то ли откашлялся, то ли коротко хохотнул. — Боже мой, боже мой, вы знаете моё слабое место. — Он схватил книгу и уткнулся в неё носом. Минут через пять я подумал, что старикан просто забыл о моём существовании, однако вскоре он отложил книгу в сторону и вытер глаза.

— Ах! — сказал он.

Я напряжённо ждал, надеясь на счастливый исход.

— Ах! — повторил он. — Я не должен вести себя, как лорд Уиндермир, вы ведь это имели в виду, мистер Вустер? Скажите, вы описали этого высокомерного старика с натуры?

— О нет! Я его просто выдумал и всунул в сюжет, знаете ли.

— Гений! — пробормотал лорд Биттлшэм. — Гений! Что ж, мистер Вустер, я склоняю перед вами голову. Кто, как вы сказали, я такой, чтобы бросать вызов судьбе? Сегодня же вечером я напишу Ричарду и дам согласие на его брак.

— Лучше сообщите ему эту радостную весть лично, — посоветовал я. — Он ждёт вас внизу вместе со своей женой. Я попрошу их к вам подняться. До свидания, и огромное вам спасибо. Бинго будет на седьмом небе от счастья.

Я быстро спустился в холл. Бинго и его миссис сидели на стульях, как пациенты в приёмной зубного врача.

— Ну? — нетерпеливо спросил малыш.

— Полный порядок, — ответил я, хлопая новобрачного по спине. — Дуй наверх и бросайся к нему в объятия. Если я тебе понадоблюсь, ты знаешь, где меня найти. Поздравляю вас обоих от всей души, ну, и всё такое.

И я смылся, не желая принимать участия в семейном торжестве.

* * *

В этом мире никогда не знаешь, что может произойти в следующую секунду. Если когда-нибудь мне казалось, что я заслужил отдых и покой, так это после разговора со стариканом

Биттлшэмом, поэтому, вернувшись домой, я положил ноги на каминную решётку и приступил к поглощению живительной влаги, которую принёс мне Дживз. Хоть я и знал по собственному опыту, что отношения между дядями и племянниками непредсказуемы, за Бинго я больше не беспокоился. Ему только и оставалось, что подняться по лестнице вместе со своей жёнушкой и получить необходимое благословение. И когда через полчаса малыш примчался ко мне весь в мыле, у меня не возникло сомнений в том, что он решил высказать мне свою благодарность ломающимся от волнения голосом. Я добродушно улыбнулся своему школьному другу, вошедшему в гостиную, и открыл рот, намереваясь предложить ему сигарету, когда внезапно мне показалось, что он чем-то озабочен. По правде говоря, малыш выглядел так, словно ему заехали ногой в живот.

— Старичок, — участливо спросил я, — что стряслось?

Бинго принялся бегать по комнате.

— Спокойствие! — воскликнул он, натыкаясь на ломберный столик. — Только спокойствие! — Он опрокинул стул.

— Надеюсь, ничего страшного не произошло?

Малыш засмеялся утробным смехом.

— Страшного? Как ты думаешь, что случилось после того, как ты ушёл? Помнишь эту дурацкую книгу, которую ты решил отправить моему дяде?

Бедолага находился в таком жутком состоянии, что я не стал с ним спорить.

— Ты имеешь в виду «Женщину, бросившую вызов»? — спросил я. — Должен признаться, она мне очень пригодилась. Только цитируя её, мне удалось смягчить сердце твоего дяди.

— Нам она совсем не пригодилась. Когда мы вошли в комнату, книга лежала на столе, и после представлений и всего прочего моя жёнушка её заметила. «О, вы уже прочли этот роман, лорд Биттлшэм?» — спросила она. «Я читал его три раза», — ответил дядя. «Я так рада», — сказала моя жёнушка. «Как, вы тоже поклонница Рози М. Бэнкс?» — спросил старикан, просияв. «Рози М. Бэнкс — это я!» ответила моя жёнушка.

— Святые угодники и их тётушка! Не может быть!

— Представь себе.

— Но как же так? Я имею в виду, прах побери, она обслуживает клиентов в ресторане клуба «Старых либералов».

Бинго мрачно пнул ногой диван.

— Она специально пошла на эту работу, чтобы собрать материал для своей новой книги «Мервин Кин, завсегдатай клубов».

— Почему же она ничего тебе не сказала?

— На неё произвело огромное впечатление, что я полюбил её несмотря на то, что она была простой официанткой, и поэтому она решила скрыть от меня свой истинный социальный статус. Рози говорит, что решила сделать мне приятный сюрприз после женитьбы.

— Ну, что произошло потом?

— Разразился самый настоящий скандал. Старикана чуть кондрашка не хватила. Он назвал её самозванкой. Они одновременно начали орать друг на друга, а закончилось всё тем, что моя жёнушка помчалась к своим издателям за гранками, чтобы потребовать от дяди письменных извинений. Что теперь будет, я не знаю. Не говоря уже о том, как взбесится мой дядя, когда поймёт, что его надули, я подумать боюсь, как отреагирует моя жёнушка, если ей станет известно, что мы выдумали историю с Рози М. Бэнкс для того, чтобы я смог жениться на другой женщине. Видишь ли, я ей так сильно понравился ещё и потому, что до неё никого и никогда не любил.

— Ты ей так сказал?!

— Да.

— Боже всемогущий!

— Ну, я не… не любил по-настоящему. Разве можно сравнить то, что я испытываю сейчас… ладно, неважно. Что мне делать? Вот в чем вопрос.

— Не знаю.

— Спасибо, — сказал малыш Бинго. — Ты меня утешил.

На следующее утро он позвонил мне, когда я принялся за яичницу с ветчиной

— единственный момент в течение дня, когда хочется поразмышлять о жизни, не отвлекаясь.

— Берти?

— Алло?

— Плохо дело.

— Что ещё случилось?

— Мой дядя просмотрел гранки и признал свою ошибку. Я только что закончил разговаривать с ним по телефону. Он не порвал со мной отношений, но едва цедил слова, утверждая, что мы с тобой сделали из него посмешище. Естественно, он вновь лишил меня содержания.

— Мне очень жаль.

— Не теряй времени на жалость ко мне, — хмуро произнёс Бинго. — Дядя собирается навестить тебя сегодня и потребовать объяснений.

— Боже великий!

— Моя жёнушка также собирается навестить тебя сегодня и

потребовать объяснений.

— О, господи!

— Я с нескрываемым интересом буду следить за твоей дальнейшей судьбой, — сказал малыш Бинго и повесил трубку.

Я громко позвал Дживза.

— Дживз!

— Сэр?

— У меня неприятности.

— Вот как, сэр?

Я коротко рассказал ему, что произошло.

— Что ты мне посоветуешь?

— Мне кажется, если б я был на вашем месте, сэр, я незамедлительно принял бы приглашение мистера Питт-Уэйли. Если помните, сэр, он приглашал вас на прошлой неделе в Норфолк на охоту.

— Совершенно верно! Разрази меня гром, Дживз, ты, как всегда, прав! Приходи на вокзал с моими чемоданами сразу после ленча. Я сейчас отправлюсь в клуб и спрячусь там до отхода поезда.

— Вы желаете, чтобы я сопровождал вас в Норфолк, сэр?

— А ты хочешь поехать?

— Если позволите, сэр, я думаю, лучше мне остаться здесь и поддерживать связь с мистером Литтлом. Возможно, мне удастся найти способ примирить враждующие стороны.

— Действуй, Дживз, и если у тебя что-нибудь получится, ты чудо!

* * *

В Норфолке меня заела тоска. Почти всё время лил дождь, а когда погода прояснялась, я находился в таком нервном состоянии, что без конца мазал на охоте. К концу недели терпение у меня лопнуло. Я имею в виду, глупее не придумаешь, чем торчать в сотне миль от цивилизации только потому, что с тобой хотят перекинуться парой слов дядя и жена Бинго. Я твёрдо решил поступить по-мужски: вернуться в лондонскую квартиру и велеть Дживзу всем отвечать, что меня нет дома.

Я послал Дживзу телеграмму о своём приезде и, прибыв в метрополию, прежде всего отправился к Бинго. Мне хотелось выяснить, как обстоят дела, но, по всей видимости, малыша не было дома. Позвонив несколько раз, я совсем было собрался

уходить, когда за дверью послышались чьи-то шаги и она распахнулась настежь. Должен признаться, это был не самый приятный момент в моей жизни. Я увидел перед собой круглое лицо лорда Биттлшэма.

— Э-э-э… гм-м-м… здравствуйте, — сказал я.

Наступило молчание. Я никогда не задумывался над тем, как поведёт себя старикан, если мы с ним ещё раз встретимся, но я бы не удивился, если бы он побагровел и выдал бы всё, что обо мне думал. Поэтому мне показалось более чем странным, что он всего лишь улыбнулся какой-то жалкой улыбкой. Глаза у него выпучились, и он несколько раз с трудом сглотнул слюну.

— Э-э-э… — с трудом выговорил он.

Я вежливо молчал, но, видимо, он сказал всё, что хотел сказать.

— Бинго дома? — спросил я после довольно продолжительной паузы.

Он покачал головой и снова улыбнулся какой-то жалкой улыбкой. А затем внезапно — разрази меня гром, если вру! — он отпрыгнул назад и с силой захлопнул за собой дверь.

Я ничего не понял, но так как разговор наш совершенно очевидно закончился, мне ничего не оставалось, как умотать подобру-поздорову. Я стал спускаться и столкнулся с Бинго, который мчался вверх по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки.

— Привет, Берти! — воскликнул малыш. — Какими судьбами? Я думал, ты за городом.

— Только что вернулся. Я решил зайти к тебе, чтобы разузнать, что к чему.

— В каком смысле?

— Ну, как обстоят дела, и всё такое.

— А, ты об этом, — небрежно произнёс Бинго. — Всё давным-давно уладилось. Голубь мира распростёр крылья над моим домом. Твой Дживз просто чудо, Берти. Я всегда это говорил. Ему пришла в голову очередная гениальная мысль, и недоразумение утряслось в одну минуту.

— Да что ты говоришь! Блеск!

— Я не сомневался, что ты обрадуешься.

— Прими мои поздравления.

— Спасибо.

— А что придумал Дживз? Честно говоря, я представить себе не мог, как выпутаться из этой дурацкой истории.

— О, он взял бразды правления в свои руки и помирил нас в шесть секунд. Мой дядя и моя жёнушка теперь друзья до гробовой доски. Они часами болтают о литературе, ну и обо всём прочем.

Он часто забегает к нам на огонёк.

Я подумал о лорде Биттлшэме.

— Он и сейчас у тебя, — сказал я. — Послушай, Бинго, последние несколько дней ты ничего не замечал за стариканом?

— Вроде бы нет. Что ты имеешь в виду?

— Может, после твоей женитьбы у него нервы расшатались? Он мне показался каким-то странным.

— Разве ты с ним общался?

— Когда я позвонил в квартиру, твой дядя открыл мне дверь. А затем, постояв как истукан с вытаращенными глазами, внезапно захлопнул её перед моим носом. По правде говоря, я удивился, знаешь ли. Если б он ещё стал орать, ну и всё такое, я бы это понял, но, по-моему, увидев меня, он напугался до смерти.

Малыш Бинго расхохотался.

— Не беспокойся, — всласть насмеявшись, произнёс он покровительственным тоном. — Совсем забыл тебе сказать. Хотел даже написать письмо, но руки не дошли. Он думает, что ты псих.

— Он… что?!

— Да. В этом и заключалась гениальная идея Дживза, знаешь ли. Дело утряслось в одну секунду. Он посоветовал мне сообщить дяде, что, познакомив тебя с ним, я не сомневался, что ты Рози М. Бэнкс, так как я неоднократно слышал это из твоих собственных уст, и у меня не было причин тебе не верить. Понимаешь, нам надо было доказать, что ты подвержен галлюцинациям и не соображаешь, что делаешь. А затем мы обратились к сэру Родерику Глоссопу, — надеюсь, ты не забыл, что в Диттеридж-холле столкнул в озеро его сына? — и он рассказал нам, как пришёл к тебе на ленч и обнаружил в твоей спальне кучу котов и сырой рыбы, и как до этого ты умыкнул с его головы шляпу, проезжая на такси мимо его машины. В общем, всё получилось лучше не придумаешь. Я всегда говорил, говорю и буду говорить, что, положившись на Дживза, можно не беспокоиться о своей дальнейшей судьбе.

Я многое готов стерпеть, но всему есть предел.

— Будь всё проклято, такой наглости…

Бинго изумлённо поднял брови.

— Надеюсь, ты не рассердился? — спросил он.

— Рассердился! Если ты считаешь, я потерплю, чтобы половина Лондона считала, что у меня поехала крыша…

— Берти, — сказал малыш Бинго, — я поражён. Я потрясён, Берти. Если б мне пришло в голову, что из-за такого пустяка ты откажешься помочь человеку, с которым дружишь пятнадцать лет…

— Да, но послушай…

— Разве ты забыл, — спросил Бинго, — что мы вместе учились в школе?

* * *

Я шёл в свою старую, добрую квартиру, а в груди у меня всё клокотало. В одном я не сомневался: после всего, что произошло, наши пути с Дживзом должны были разойтись. Прекрасный камердинер, спору нет, лучший в Лондоне, но это не могло меня остановить. Я ворвался в гостиную, и… на маленьком столике лежали сигареты, а на большом — стопка иллюстрированных журналов; мои тапочки стояли, где им было положено, и вообще вся обстановка казалась до такой степени домашней, если вы понимаете, о чём я говорю, что я успокоился в течение двух секунд. Так бывает в пьесе, когда герой, собираясь совершить преступление, вдруг слышит колыбельную, которую в детстве пела ему мама. Умиротворение. Вот-вот. Я вовремя вспомнил это слово. Оно как нельзя лучше подходило к моему душевному состоянию.

А затем в дверях появился добрый старый Дживз, перед которым плыл поднос со всем необходимым, и было в малом что-то очень привычное и располагающее к себе.

Но я стиснул зубы и твёрдо решил, что буду непреклонен.

— Я только что разговаривал с мистером Литтлом, Дживз, — сурово произнёс я.

— Вот как, сэр?

— Он… э-э-э… сообщил мне, что ты дал ему дельный совет.

— Я сделал все, что мог, сэр. И я счастлив доложить вам, что мои усилия увенчались успехом. Виски, сэр?

— Спасибо. Э-э-э… Дживз.

— Сэр?

— В другой раз…

— Сэр?

— Нет, ничего. Поменьше содовой, Дживз.

— Слушаюсь, сэр.

Он начал уплывать из гостиной.

— Да, Дживз!

— Сэр?

— Я хочу… дело в том… мне кажется… я имею в виду… Нет, ничего!

— Слушаюсь, сэр. Сигареты у вашего локтя на маленьком

столике, сэр. Обед будет готов ровно без четверти восемь, если, конечно, вы не пожелаете отобедать в ресторане.

— Нет, я останусь дома.

— Да, сэр.

— Дживз!

— Сэр?

— Нет, ничего, — сказал я.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Дживз.